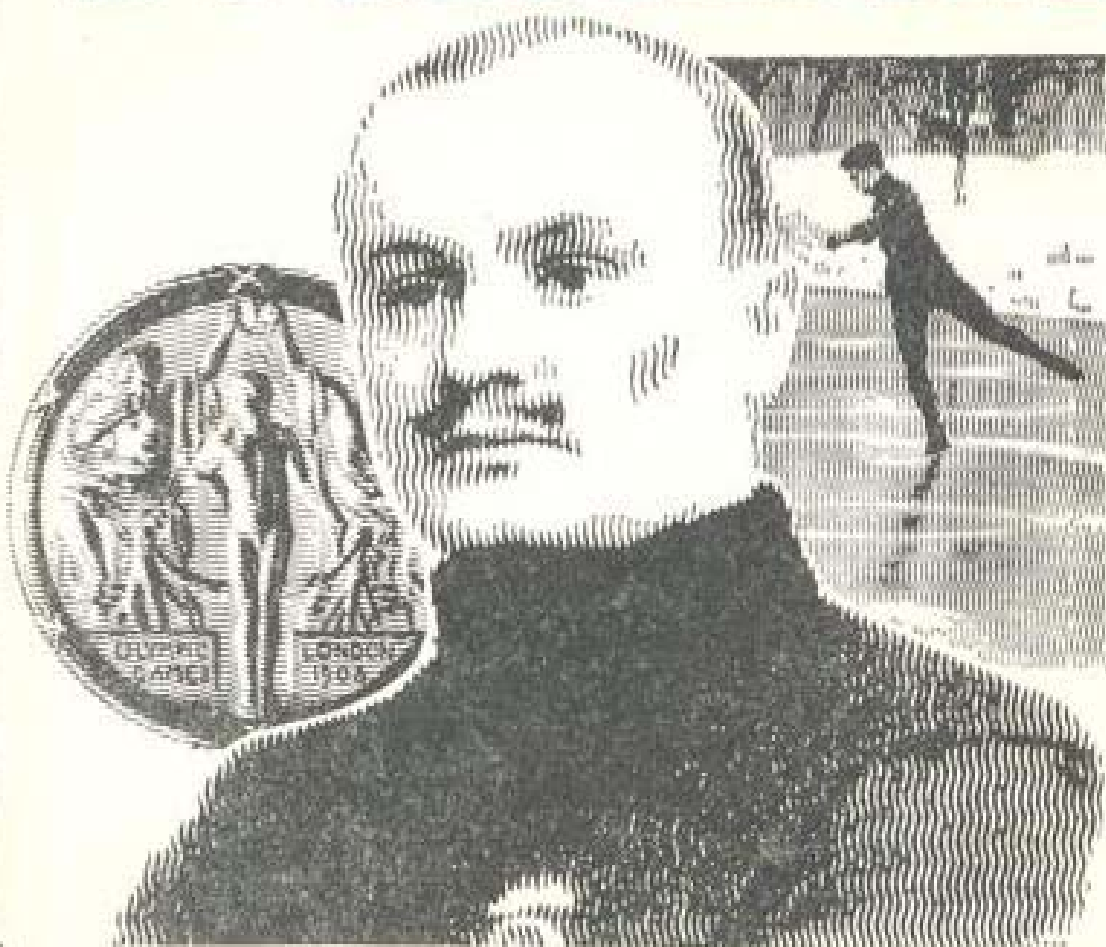

Анатолий Чайковский

ВОЛШЕБНАЯ ВОСЬМЕРКА

Чайковский А. М. Волшебная восьмерка. Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине.
Предисл. А. Гандельсмана. М., 'Физкультура и спорт', 1978. 215 с. с ил.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие _____	3
Глава 1. Снежинки на руке _____	5
Глава 2. «Дай руку, красная рубаха!..» _____	10
Глава 3. «Где ваша совесть, господа судьи?» _____	24
Глава 4. Нить Ариадны, ведущая к победе _____	41
Глава 5. Последний шаг - он самый трудный _____	59
Глава 6. История - это будущее наоборот _____	79
Глава 7. Твердые принципы и их соблюдение _____	105
Глава 8. Каждый человек спортсмен, только не каждый знает это! _____	122
Глава 9. Подсчитали - прослезились! _____	135
Глава 10. Гармония личности и жизнь без выходных _____	150
Глава 11. Самый суровый судья _____	180
Вместо эпилога _____	193

Предисловие

Николай Александрович Панин-Коломенкин всегда был человеком удивительно молодым.

Я бы сказал даже, что ему удалось овладеть эликсиром вечной молодости и он использовал его полной мерой - всегда и во всем. Мы, его ученики, учились у него и великолепному юному энтузиазму, и бескорыстной преданности своему виду спорта, спорту вообще и его умению парадоксально взглянуть на вечные проблемы жизни, искусства, спорта.

Он начал свою спортивную карьеру так давно, что сегодняшнему читателю, молодому, устремленному в будущее, трудно даже представить себе, каким был тогда, в конце прошлого столетия, спорт.

Но спорт вечен. Меняются его поклонники. Меняются показатели рекордов. Меняется спортивная техника. А главное остается: борьба характеров, стремление к победе, утверждение личности в поединках с соперниками, поиски все новых и новых путей к победе!

До поры до времени многие процессы в отечественном спорте протекали замедленно.

Узок был круг спортсменов. Замкнут для тех, кто не принадлежал к правящим классам. И когда наступил Великий Октябрь, когда спорт пришел к массам, когда миллионы трудящихся нашей страны вышли на стадионы, спортивные площадки, в залы, первый русский олимпийский чемпион, участник Олимпийских игр в Лондоне и Стокгольме, многократный чемпион России по фигурному катанию и стрельбе Николай Александрович Панин-Коломенкин начал вторую, самую главную свою жизнь. Он сохранил в себе столько сил, что их хватило на десятилетия - и для педагогической деятельности, и для научной, и для создания

нескольких замечательных книг, которые до сих пор остаются настольными у спортсменов и тренеров самых разных поколений.

Была одна черта характера у Николая Александровича, которая особенно импонировала большинству его учеников. Он был глубоко принципиальным человеком, который не делал скидки ни себе, ни окружающим его помощникам, последователям, ученикам ни в одном деле - большом или малом.

Я помню его образную живую речь. Он никогда не позволял себе употреблять «спортивные словечки»; для каждого движения, каждого явления он находил свежие слова - удивительно емкие и точные. Николай Александрович свободно владел несколькими иностранными языками, он глубоко изучал спортивную литературу, выходящую за рубежами нашей страны, и это помогало ему не только идти в ногу с веком, но и обгонять время, открывая все новые и новые педагогические приемы, изобретая невиданные ранее спортивные элементы.

Некоторые его спортивные открытия живы и по сей день. Я не говорю уж о модели конька для фигурного катания, которая остается эталоном и в современных моделях.

Хочу лишь еще раз напомнить молодым спортсменам, овладевающим разрядными нормативами, что впервые в мире систему спортивных разрядов разработал и внедрил в жизнь еще в начале нынешнего столетия Николай Александрович Панин-Коломенкин.

Впрочем, но буду забегать вперед. Об этом и о многих других интереснейших фактах из жизни великого советского спортсмена, педагога, ученого Николая Александровича Панина-Коломенкина читатели узнают из этой книги...

Александр Гандельсман, профессор.

Глава 1. Снежинки на руке

*Все не могу привыкнуть к старости,
Все не могу приноровиться
К внезапным приступам усталости,
К ослабшей памяти на лица,
Привыкнуть не могу к степенности,
К глубокой сырости осенней,
К заостренной неизменности
Давно сложившихся суждений.
К лежащейся на сердце тяжести.
Что по ночам томит и гложет,
Когда не только ты, но, кажется,
Весь мир с тобой уснуть не может.
К телесным и душевным ссадинам,
К мельчайшим возрастным приметам,
Таким неожиданным и негаданным,
Как будто заморозки летом.*

Михаил Матусовский

Тонкие, хрупкие снежинки, втянутые ветром в бешеную карусель, не выдерживали темпа и потихоньку сходили с дистанции. Обессиленные, они планировали на широкий карниз у самого окна, прижимались к стеклам, пытались проскользнуть в чуть приоткрытую форточку. Некоторым это удавалось, и тогда, прежде чем исчезнуть навсегда, они маленькими холодными капельками отдыхали на руке очень немолодого человека, сидевшего в кресле, у окна и всматривавшегося в хороводы метели, в мелькание нелепых силуэтов людей и машин. Размытость красок и звуков своей неопределенностью немного раздражала его, но не настолько, чтобы раздражение стало хозяином положения и заставило без нужды тратить на него силы. Нет, нет, он вовсе не хотел экономить тот быстро таявший запас энергии, который у него оставался. Он не хотел даже думать об этом. Экономия получалась как бы сама собой, автоматически, и он, зная свое тело, изучив себя за

восемьдесят с лишним лет до самой последней жилки, понимал, почему так выходит. Не мог не понимать.

Шорох и переливы снежинок, робкие серо-голубые струи света, прорывавшиеся иногда сквозь низкий облачный потолок, - все это и раньше, и сейчас вызывало в нем мягкий отклик, освобождало от необходимости думать о будущем, затягивало в прошлое. Обычно в детство, которое хотя и было всегда с ним, но тем не менее казалось удивительно красивой историей, приключившейся с другим. Ах, как ему иногда хотелось рассказать тому, другому мальчику, что с ним произойдет в жизни, где его будут подстергать опасности и когда придут к нему счастливые озарения; дать ему в далекий путь чуточку того знания, которое ему, старику, уже вовсе не нужно. Впрочем, мальчик, вероятно, и слушать его не стал бы - кому захочется сидеть возле старика, когда на улице снег, снег, снег, когда по земле ползут белые шальные ручьи и можно перейти их вброд, и можно помчаться по их своенравному руслу до самого устья, до ледового поля, которое покажется бескрайним морем, а спустя много лет превратится в самую обычную площадку чуть побольше пятачка, ограниченную со всех сторон жестко и навечно.

Контуры накладывались один на другой и при этом начинали двигаться, приобретая даже выпуклость, объемность. И прошлое, и настоящее становились одним целым, события семидесятилетней давности оказывались вдруг сегодняшними, а то, что он видел за окном, уходило в далекое, много раз повторявшееся прошлое и снова возвращалось, напоминая о себе и принося забытые осколки воспоминаний.

Он не раз ловил себя на удивительной способности: память могла подарить ему воспоминания свежими и яркими, не тронутыми опытом последующих лет. Каждого из своих друзей он мог вернуть себе таким, каким тот был в разные годы. Последние картинки никак не могли закрыть предыдущие - просто они стояли рядом, и по требовалось даже особого усилия, чтобы сменить одну на другую, остановиться, рассмотреть хорошенько и снова сменить.

Несколько снежинок, растаявших на руке, образовали небольшое озерцо, на дне которого были темно-коричневые запутанные овраги. Они поразили его своей запутанной страшной сетью, и ему захотелось закрыть глаза и уснуть. Но заснуть он так и не смог - в шелесте ветра появилась новая нота, мелькание за окном прекратилось, стало темнее, и горизонт закрылся. За окном стояли люди. Маленькие, розовощекие, глазастые. Они смотрели в его окно. Они хотели увидеть его - это точно.

- Дедушка Панин, дедушка Панин, мы вас ждем, выздоравливайте скорее... Мы вас ждем у себя на катке...

Слова вылетали вместе с клубами пара. Каждое слово принимало свои очертания. «Выздоровляйте» было огромным, но зато его скорее унес ветер.

Они смотрели друг на друга. Он видел их, и снег, и движение и еще видел себя в их глазах. Он говорил что-то, они видели шевеление его губ, слова были не нужны, слова все равно растворились бы и исчезли в метели. А самым важным было то, что они видели друг друга и что они так нужны были друг другу. Он-то знал это твердо благодаря прожитой жизни, а они только догадывались, только интуитивно чувствовали.

- Дедушка Панин, мы вас ждем...

Слова улетали прозрачными парусами. Они были ощущаемой реальностью и одновременно ускользающей бесплотностью. Эхо их звучало у него в ушах. И он был счастлив, когда, стряхнув с руки свое крохотное озеро, махал им вслед - ребятишкам, в каждом из которых чудился ему тот мальчик, который когда-то смело переходил вброд снежные потоки.

- Я вам все еще расскажу. Мы увидимся на катке. Вот только денек я отлежусь дома.

Я вам расскажу о том, что было со мной, и вы поймете, что это пригодится и вам. Я знаю, что пригодится...

В предутренний час, когда ночь нема и глуха, он проснулся от боли в груди. Она шла лавиной, засыпая многотонной массой сердце и заставляя его остановиться. И он подумал: «Я ведь обещал им прийти... Я им еще не рассказал о чем-то очень важном... Они должны были знать это...».

Он попробовал сделать невозможное. Он еще видел в невероятной отдаленности стеклянную трубочку с таблетками, в которых, возможно, еще был шанс на спасение. И он бросился к своему последнему финишу. Он мчался с самой высокой скоростью, на которую только был способен. Он мчался на коньках, на велосипеде, на яхте под парусами, в лодке. Он должен им еще многое рассказать, и он обязан, он не имеет права...

Утром его увидели с трубочкой в руке. Он держал ее как эстафету, и лицо его было спокойным. Первый русский олимпийский чемпион Николай Панин-Коломенкин финишировал в последний раз.

Летний день, увы, далек, Эхо смолкло. Свет поблек. Зимний ветер так жесток. Но из глубины времен Светлый возникает сон - Легкий выплывает челн.

Плывет рядом с нами и корабль Николая Панина-Коломенкина. От горизонта направился он к нам: вначале появились мачты с праздничными флагами, затем рабочие надстройки и палубы, наконец - весь корпус - могучий, цельный, легкий, красивый. Такому кораблю плавание было уготовано на века.

И еще не раз все мы будем с благодарностью вспоминать о Николае Панине, который открыл удивительные страницы спорта, задумываться над советами, которые он оставил нам, изучать шаг за

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине

шагом его жизнь, деятельность и, конечно же, его спортивные подвиги, ибо в них распахивается его характер.

Глава 2. "Дай руку, красная рубаха!.."

- Почему вы - спортсмен? Что побудило стать вас на этот путь? Что было самым сильным побудительным мотивом?

- Знаете, говоря откровенно, я даже как-то и не задумывался над этим. Пошли в секцию несколько ребят из нашего двора. Им там понравилось. Тогда и я пошел вместе с ними, за компанию. И мне тоже понравилось. Потом привык к тренировкам и соревнованиям и без них уже никак жить не могу. Вот так все и было, а больше как будто и вспомнить не могу...

Из неопубликованного интервью
с известным спортсменом.

То воспоминание приходило к Панину чаще всего совершенно неожиданно, но иногда он мог и специально вызывать его. Для него это видение из глубины детства было как бы запалом, дающим толчок последующему энергетическому и психологическому взрыву, впрочем, даже не взрыву, а хорошо регулируемому потоку. Иногда тот далекий день оживал во сне, и был тот сон цветным, объемным, и каждый звук в нем, каждый свистящий вдох тоже были объемными и тоже почти цветными.

Панин давно заметил, что чаще всего это случалось накануне какого-нибудь важного события - обычно перед самым ответственным для него спортивным стартом. Ему была приятна встреча с детством. Он погружался в воспоминания, он позволял им увлекать себя, и тогда проявлялись детали, о которых он забыл. И становилось легко и свободно, и не хотелось возвращаться. Он никогда не забывал о том, что ждет его за порогом возвращения, и

детские картинки накладывались на сегодняшний день, чтобы помочь ему увидеть людей и события так, как их не видит никто.

...Было ясное прозрачное осеннее утро, и мальчик проснулся раньше всех. В доме было тихо, в такой тишине всегда слышно, как бьется сердце, как пульсирует кровь. Он пощупал свои плечи, провел ладонями по рукам. Слабенькие плечи и руки тонкие. Да, не зря, видно, все говорят, что здоровьем его бог обидел. Тоскливо ему сразу от этого стало и горестно. Потом появилась злость. Но, как и любому другому мальчишке, долго думать об одном ему было невозможно, и мысли его перепрыгнули на то, что предстояло увидеть сегодня, и сразу стало легко и весело. Только надо было придумать, как сделаться на несколько минут невидимкой и ускользнуть от взрослых, чтобы не помешали ему остаться один на один с тем, что представлялось чем-то вроде бури, лихого опасного ветра, гуляющего по крышам, солнечной вспышки из-за густых крон деревьев на лесной поляне.

Позавтракал он спокойно, не торопясь. Это была маскировка, чтобы никто не заметил, как ему хочется побыстрее исчезнуть. Он слышал за окном в розовато-синей мгле отдаленный гул. Туда, скорее туда, где ждет его необыкновенное приключение, вдвойне притягательное из-за запрета, наложенного родителями.

- Тебе нельзя...

- Тебя затопчут...

- Это ужасное зрелище, оно повредит твои нервы...

Главное - незаметно одеться. А потом выйти, чтобы не скрипнула дверь. Затем согнуться и проскользнуть под окнами, прижимаясь к шершавой стене. Стена была последней его опорой. И вот он оторвался от нее и помчался навстречу волне звуков, волне новых ароматов и новых красок.

В конце улицы медленно сходились две линии. Живые колеблющиеся серые линии. За этими линиями были зелено-коричневые плотные массивы. Это от них оторвались две полоски и теперь, подталкиваемые невидимыми силами, сближались неотвратно. Именно эта неотвратимость и постепенность сближения заставляла мучительно сжаться сердце мальчишки, нарушившего запрет родителей и спрятавшегося теперь за выступом ворот.

Над полосками и перед ними вдруг что-то замерцало. Это было похоже на внезапный взлет стрекозы, когда крылья ее становятся невидимыми, а вокруг тела возникает радужное зарево. Присмотревшись, Коля увидел мелькание кулаков, покрасневших от холода и крепко сжатых. Они принадлежали парнишкам чуть постарше его самого - передовым дозорам двух стенок, вышедших на традиционный кулачный бой.

Линии сошлись, образовав одну пульсирующую прямую, чуть выгибаемую время от времени какой-то внутренней страстью. Когда она прогибалась в его сторону, ему становилось особенно страшно, но он не двигался с места, и взгляд его был направлен только на одну цель.

Внезапно гул раскололся на несколько частей, и Коля услышал смех и крики, слова выделились и стали выпуклыми. И тут же усилилось и его зрение: стали видны отдельные фигурки, лица - разгоряченные, искаженные жаром схватки. Огромное красное пятно, болидом рассекавшее пространство боя, вдруг приобрело резкие контуры и стало плечистым детиной в красной рубахе, просторной, развевающейся на ветру, как флаг, как призывный клич. Вокруг детины возникали вихри, смерчи, пространство искажалось, прямые линии искривлялись, скручивались и в конце концов рассыпались на мечущиеся точки.

Лицо у Красной Рубахи было прекрасно, как у былинного героя. Русая борода, расчесанная надвое, была полна азарта. Боец был весел, он не вносил в жар схватки злость и ненужную ярость. Все для него было изумительной игрой, доставляющей наслаждение. И маленький Коля вдруг - непонятно даже как - почувствовал себя Красной Рубахой. Он посмотрел его глазами на поле кулачного боя и увидел перед собой сотни лиц - испуганных и веселых, искаженных болью от полученного удара и буйной удачью атаки. Вместе с ним они стали участниками великой игры, забавы, и каждый из них вместе с ним был крайне необходим для того, чтобы игра удалась.

«Вот я перед вами. Померяйтесь со мной силой, удачью, ловкостью и точным глазомером. Соблюдайте правила игры, играйте честно и удары ниже пояса не наносите. Выиграйте поединок взглядов, попробуйте пробить мою защиту, а затем и отразить мой бросок вперед. Здесь все равны, и соперника явно слабее я - можете не бояться - не выберу. Игра идет в полную силу, кулак мой рассекает воздух, за мной соратники из боевой линии ямских!»

И - странный парадокс - мальчишка сразу же увидел Красную Рубаху и глазами его соперников из лагеря городских. В несокрушимости гиганта - предводителя ямских - было что-то величественное. «Движенья быстры, он прекрасен!..» Таким и должен быть предводитель, внушающий и уважение, и преклонение, вызывающий бой на себя и способный вынести все тяготы, все осложнения трудной роли.

Красная рубаха был неудержим.

Он - олицетворение неудержимой схватки - шел прямо на мальчишку, и сердце Коли сладостно ухало, как будто мчался он по бесконечной ледяной горе на санях и не было остановки, и не было конца и края крутому склону - только бугорки, на которых сани взлетают. Еще минутка, другая - и они сойдутся в схватке,

попробуют нанести удары, попробуют отвести эти удары в сторону. Он - и Красная Рубаха. Красная Рубаха - и он.

Но этого ведь не может быть. Он, Коля Коломенкин, и Красная Рубаха - одно целое. Нельзя драться с самим собой. С самим собой надо быть в мире. Дай руку, Красная Рубаха, мы всегда будем вместе...

Плотная прямая линия боя постепенно стала клином подаваться в сторону городских. Острие клина полыхало, перед ним все время образовывалась пустота. Еще минута - и городские бросились бежать. Клин боевых порядков ямских растянулся было, но потом стал съезживаться и оттягиваться назад: победа была полной, и унижать себя и противника ненужным преследованием не хотелось.

Толпа городских бойцов бежала мимо Коли - серая масса побежденных, в чьи лица не хотелось вглядываться. И хотя он не желал отступить вместе с ними, хотя он все еще был во власти очарования Красной Рубахи и был преисполнен его сил, его удали, он все-таки обратился в бегство, которое для него и не было вовсе бегством, потому что Красная Рубаха так покидать поле боя никогда не будет.

В тот день мальчишке, конечно, невозможно было до конца разобраться в своих впечатлениях. Голова его гудела, в глазах рябило, и еще нужно было незаметно пробраться в дом и скрыть от всех разгоряченность и азарт, скрыть руки, невольно сжимавшиеся в кулаки. Он был погружен в стихию схватки, еще и не подозревая, что эта стихия никогда больше не отпустит его и почти каждое решение в будущем будет продиктовано - интуитивно или сознательно - характером бойца, характером человека, который любит схватку, уважает ее законы, уважает противника - тоже знающего и соблюдающего законы борьбы.

Если бы уже в наше время репортеры задали Панину вопрос, почему он стал спортсменом, я не сомневаюсь в том, что он вернулся бы к детским воспоминаниям и сразу же нашел ответ. Уже на склоне лет он писал, что зрелище старинной русской народной забавы произвело на него неизгладимое и сложное впечатление: с одной стороны, оно внушало ему страх, а с другой - эта буйная удаль имела какое-то непонятное очарование, пугающую привлекательность. И если всмотреться пристально в то, как вел свои главные поединки Панин-спортсмен, мы сразу же сможем нанести на них психологическую проекцию самых ярких детских впечатлений Коли Коломенкина задолго до того, как узнал он слово «спорт».

Конечно, среди этих воспоминаний, ключевых для понимания характера, была не только «Красная Рубаха». Были и другие. И о них мы тоже расскажем. Но именно образ почти былинный отпечатался в памяти наиболее рельефно, наиболее ярко, и Панин не случайно возвращался к нему в минуты сложных испытаний, черпая в нем для себя дополнительные силы, необходимую стойкость.

У детей безоблачная психология. Скрытность не их стихия. Бесперывное движение, молниеносная реакция, слова, вызывающие немедленное действие, и действия, вызывающие поток слов. Искренность, непосредственность, так быстро теряющиеся с каждым новым прожитым годом, искренность и непосредственность, способность каждый день удивляться, которые, к сожалению, сохраняются только у очень немногих из нас в полном детском объеме. И не случайно, отыскивая истоки каких-нибудь поступков взрослого человека, мы отправляемся в его детство, где обычно все открыто, где суть поступков и побуждений так обнажена. Я снова и снова подчеркиваю этот очень не новый психологический тезис, потому что, даже зная его, мы подчас не пользуемся теми возможностями, которые дает он для того, чтобы лучше исследовать характер спортсмена (да и не только

спортсмена), чтобы попробовать - если это потребуется - изменить его в нужную сторону.

...Сон никак не мог одолеть Колю. Он ворочался, тер глаза, время от времени поднимался, чтобы поправить простыню, и все засовывал руку под подушку. Под подушкой он нащупывал острые ребра коньков, кончиками пальцев поглаживал их отшлифованные бока, стойки, тугой ремень, которым передняя часть конька крепилась к ботинку. Счастье не давало ему спать. Счастье было с ним с того самого момента, когда мать вернулась из Москвы. Она внесла с собой в прихожую свежесть ранней зимы, радость сюрпризов. «Коля, держись!» - воскликнула она чуть приглушенным голосом и протянула ему тяжелый пакет.

Коля никак не хотел его развязывать. Он растягивал удовольствие, он верил и не верил, что в пакете то, о чем он давно мечтал и о чем даже заикнуться не решался. И когда не стало больше сил оттягивать знакомство с содержимым пакета, он одним рывком разметал ленту и сорвал плотные вощеные слои обертки: да это они, коньки, желанные, бесценные, столь ему необходимые!

Таких в Воронеже, где они жили в ту пору, не было почти ни у кого: медная подошва и никелированный полоз крепятся к ботинкам за каблук медной цапкой на винту, а впереди - широким ремнем с пряжкой. Снимать и крепить их можно за считанные секунды. «Теперь начнется новая жизнь, - думал Коля в тот вечер, - теперь...» Впрочем, что будет теперь, он представлял еще очень неясно, потому что все ребята вокруг бегали на простых, кустарных коньках. Это были трехгранные деревянные бруски, одно из ребер которых было срезано, закруглено с переднего конца и подбито железной полоской шириной около сантиметра. В колодке проделывались отверстия для ремней, а чаще всего для веревок, чтобы можно было привязать конек к ботинкам, а то и просто к валенкам. Острых ребер коньки не имели, на них можно было бегать только по хорошо утопанному снегу, но зато колодки были

очень красивыми, их раскрашивали в яркие цвета, а часто покрывали даже изображениями диковинных цветов и птиц - точь-в-точь как на лубке.

Были, правда, коньки и получше. Их называли «тульскими», и состояли они из колодки, сделанной из твердого дерева точно по следу обуви, с вмонтированным в нее стальным полозом с желобком и острыми ребрами. Колодка крепилась к каблuku винтом, а передняя часть к обуви - ремнями.

Но Колины коньки были самыми лучшими. «Теперь смогу обгонять всех, когда поеду в гимназию, - думал он в ту бессонную и счастливую ночь. - Никто меня не догонит. Буду бежать так, что ветер засвистит. Пешеходы будут останавливаться и удивляться. А захочу - тройку догоню и схвачусь рукой за сани, покататься за санями тоже неплохо...» Он мечтал о том, как растворится в скорости, в движении, сам станет частичкой движения и не будет ему равных. Он гладил и гладил свои коньки, пока не заснул. Во сне счастье тоже оставалось с ним.

На следующей день правый конек Коля отдал сестре. Она была на полтора года старше, ей тоже очень хотелось кататься, и она молча смотрела на Колю, когда он прикручивал сверкающее стальное великолепие к ботинкам. Коля чувствовал ее взгляд, хотя был очень увлечен своим делом. Ему не хотелось, чтобы сестра была несчастливой, и он подумал: «Счастья нам хватит на двоих».

Он сказал об этом сестре и предложил сразу взять правый конек - для более сильной ноги. Себе он специально оставил левый: хотя левая нога и слабее, но это настоящему конькобежцу не помеха.

Так они бегали целую зиму: сестра на правом коньке, отталкиваясь левой, свободной, ногой, а Коля на левом, отталкиваясь правой. И были счастливы, в особенности когда брались за руки, скользили вместе по твердому снегу и ноги их осторожно улавливали все

неровности, стараясь их преодолеть. Коля оставил воспоминание об этой зиме навсегда при себе. Она напоминала об этом катании на одной ноге на всех соревнованиях: Панин всегда самые трудные фигуры исполнял только на левой ноге, потому что она была более сильной и более чуткой.

Но тут главное даже не в этой сугубо спортивной проекции. Маленький Коля Коломенкин, как и Николай Панин, умел быть настоящим другом, всегда особо ценя это качество в других. Любое проявление нетоварищеского отношения, закулисная возня на соревнованиях фигуристов вызывали в нем чувство протеста, гнев.

...Ах, какая из него сочилась ирония. И взгляд был насмешливым, и в словах сквозила чуть заметная издевка. Все в нем говорило о превосходстве, о силе, когда стоял и поигрывал, как бы совершенно произвольно, мускулами: тяжелые шары катались под гладкой загорелой кожей.

- Значит, встретимся завтра. Не опоздайте, мы любим точность. Мы всегда точны как часы...

Студент был выше худенького гимназиста на полторы головы. Он мог бы и вовсе не заметить его, как не замечал раньше, но теперь это уже было просто невозможно. Коля вместе со своими друзьями - кадетом-тезкой и гимназистом Васей (сыном хозяина дачи на Неве, где отдыхала семья Коломенкиных) составляли лучший в это лето гребной экипаж. И лодочники-профессионалы, и любители-спортсмены уступали им на невских просторах. Первый парень в этом дачном районе - студент Пауль конкуренции терпеть не мог и решил раз и навсегда проучить зарвавшихся, по его мнению, мальчишек. И проучить при всех жителях поселка - спокойно, небрежно, как бы походя.

Есть такая порода людей, есть, никуда не денешься. Замкнутое пространство, в котором они живут и которое создали для себя, внушает им иллюзию превосходства. Они действительно сильны, они умеют думать и рассчитывать, но при этом в их расчетах есть одно уязвимое местечко: они всегда исходят из того, что сильнее и умнее других. Конечно, такая уверенность (или самоуверенность) придает иной раз даже дополнительные силы и подавляет соперника слабого духом, но только слабого.

Тройка во главе с Колей слабой духом и телом не была. Студент этого не знал, и не мог знать - он был занят только собой и заранее предвкушал, как на следующий день свысока будет поглядывать на всех и как изящно помашет ручкой сразу же отставшим «моллюскам» - так он мысленно называл трех мальчишек. И пока студент гордо вышагивал по улицам поселка, пока в своей компании пел песни под гитару, пока до полуночи провожал девушек, его соперники не только провели еще одну тренировку, но и разработали полный тактический план предстоящего сражения.

- Он сразу бросится вперед, это точно. Он просто не сможет удержаться, чтобы нас тут же не унижить. Ему бы, главное, побыстрее ударить, может, глядишь, и свалимся мы, - Коля-кадет чуточку горячился. Вызов будоражил его, ему нравилось, что взрослые хотят соревноваться с ними, но в радости была и доля тревоги - унижение переживать не хочется никому. И Коля-кадет начал потихоньку злиться на завтрашнего соперника, заводить себя, взвинчивать.

Коля Коломенкин интуитивно понял это и постарался перевести разговор на другое:

- Нам бояться их нечего. Неву знаем хорошо, всю ее исчертили до порогов. Гребем дружно, техника у нас настоящая. Ты же, Коля, сам знаешь, что яличники нам уступают и завтра мы тоже победим, если состязаться будем с разумом, себя в драку вовлечь не дадим.

Пусть они сразу бросаются вперед, пусть выкладываются, а мы выждем чуток, пойдем средним ходом, как на наших тренировках. А потом ты, Вася, - это уже дело рулевого - дашь команду. Но обязательно следи за тем моментом, когда они ход снизят, подумают, что дело сделано. Понял?

Вася понимал своего загребного с полуслова. Даром что маленький, а сообразительный парнишка. Он тоже был горд успехами их экипажа - гички «Кадет» и свою роль рулевого исполнял старательно и с толком.

- А потом, - продолжал капитан, - сделаем наш бросок, покажем максимальную скорость, все, на что мы способны. Ты, Коля, вспомни сегодня еще разок, какое это всегда доставляет удовольствие! Двести или триста метров промчимся - да так, чтобы гребок был красивым, длинным, чтобы проводка была по самой поверхности воды, - а потом снизим темп, передохнем посмотрим, чем они нам ответят. И если нужно будет, еще два или три раза будем ускоряться, максимальную свою скорость показывать. Ну как, принимаете такой тактический план?

Экипаж был полностью согласен со своим капитаном. Они быстро разошлись и ночью крепко спали, потому что были уверены в себе и своем плане.

...«Кадет» подравнялся с «Ягуаром». Пауль и его приятели сверкали мускулами и улыбками. Их болельщицы на берегу помахивали им ручками. Мальчишки, считавшие «Кадет» своим, орали без умолку, в особенности после того, как изящная девушка - поклонница Пауля - взмахнула платочком, давая старт.

«Ягуар» встрепенулся и, задрожав, рванул с места с такой яростью, словно надо было взлететь и обрушиться на ускользящую от погони дичь. Он ушел вперед от «Кадета» так, как будто тот и не включился в борьбу. Дистанция, разделяющая гички, увеличивается

и увеличивается, и дружный хор мальчишек постепенно начинает выводить унылую песню. Взрослые болельщики понимающе переглядываются: ну, действительно, куда гимназистам до студентов, до мужчин, тем более таких крепких, мускулистых! Победа «Ягуара» кажется уже несомненной, и толпа потихоньку сдвигается, чтобы угадать то место, где причалят победители.

Но экипаж «Кадета» знает свой маневр твердо. Незаметно он начинает приближаться к «Ягуару», гребцы которого, убаюканные кажущейся легкостью победы, решили, что гонка уже выиграна и закончить ее - сугубо формальный акт. Вася, сообразительный Вася, чей глаз обладает детской зоркостью, говорит: «Приготовиться», а спустя несколько секунд на армейский манер командует: «Арш!» и «Кадет» срывается с места и летит по водной глади Невы, не чувствуя мелких ударов волн.

Зрители на берегу останавливаются. Зрители взволнованы: что же это такое творится на белом свете и среди бела дня! «Ягуар», победный «Ягуар», закаменел, и его легко обходит экипаж мальчишек. Весла у них гибкие - как огромное продолжение рук. Дыхание - легкое и дружное. Лица озарены азартом и волнением. Мальчишки - часть гонки. Они для нее, она для них - вместе они неразрывное целое. И эта целостность, эта поглощенность своим делом, в которой нет и искры самолюбования, заставляет публику замереть.

«Раз, раз, раз!» - тоненький голосок Васи звучит над Невой.

И в унисон ему врезаются весла в воду. И взрывается она водоворотами там, где выныривают они на поверхность. И уже ничто не может остановить «Кадета» на пути к победе, потому что экипаж «Ягуара» растерян, потому что дыхание гребцов сбито и весла выписывают на поверхности воды какие-то восьмерки.

Оставшись вечером один после триумфа этого дня, Коля со свойственной ему пунктуальностью начал восстанавливать его события. Он не вспоминал лица гребцов «Ягуара» и их бегство после того, как гонка закончилась. Не это было главным. В победе, как и в поражении, важны выводы и тот беспощадный самоанализ, который затем поможет добиться нового продвижения вперед. В свой дневник Коля записывает несколько фраз о том, что, несмотря на слабое - по свидетельствам врачей - здоровье, он все же может иметь превосходство над сверстниками и даже над взрослыми: надо только хорошо обдумывать способы совершенствования своей силы и ловкости и работать над собой. Возможно, выводы были несколько «взрослые», но не надо забывать, что в тот день экипаж мальчишек одолел взрослых гребцов, и это свидетельствовало о том, что в понимании своих тренировок и своего маневра в соревновании они, и в первую очередь их капитан, уже были достаточно зрелыми людьми.

Три воспоминания, к которым Николай Панин обращался, с которыми уединялся впоследствии так часто... Он искал истоки своего характера, то, что сделало его сильным.

И не случайно впоследствии он напишет в учебнике: «Мышление у детей младшего школьного возраста носит преимущественно конкретный, наглядный, образный характер... Ребенок уже умеет сознательно контролировать ход своего рассуждения. Подросток может уже не только узнать то или иное положение, но и понять его обоснование, объяснение и доказательство его правильности. Характерная черта психики подростка - интерес ко всему, что выявляет его жизненные возможности; отсюда возникает склонность к соревнованиям всякого рода».

Сколько жизненного опыта, тонких наблюдений, глубокого анализа характеров своих учеников и своего собственного за этими строками! Последнюю фразу из процитированного отрывка вообще можно считать вечной, поскольку она четко и предельно объемно

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка   Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине

характеризует одну из главных психологических особенностей ребенка. Она может и сегодня, и завтра, и в любом следующем столетии быть эпитафией к деятельности любого педагога, который занимается физической культурой детей.

Глава 3. "Где ваша совесть, господа судьи?"

Салькова и Панина было трудно отличить. Постановка и движения у Панина были изящные, в то время как у Салькова фигура выходила большего размера. Самыми трудными фигурами в школьном катании были восьмерки с петлями и со скобами. Панин исполнил восьмерку с петлями с большой легкостью и грацией. Сальков был аккуратен и силен...

Из «Официального отчета об Олимпийских играх в Лондоне 1908 г.»

Во время соревнований ни в коем случае не следует вместо разминки перед очередной фигурой наблюдать за катанием конкурентов и зябнуть, понижая работоспособность своих мышц. Также не нужно вступать в это время в разговоры с конкурентами, интересоваться отметками судей и т. н. Все это нарушает необходимое в соревновании спокойствие и отвлекает от прямой задачи - дать исполнение наивысшего качества...

Н.А. Панин-Коломенкин. «Искусство фигуриста».

Яркий свет, струившийся с застекленного потолка и сплошь прозрачных стен, создавал почти домашний уют. Он пытался сгладить острые углы и размыть тени. Приглушал звуки, и голоса фигуристов и зрителей были почти не слышны. Мягкий ровный свет обволакивал тело и даже убаюкивал - невинная иллюзия мира и покоя на олимпийском катке «Принсесс-холл» в Лондоне.

Как предательский удар кинжала, неожиданно тишина была вспорота возгласом: «Разве это восьмерка? Она совсем кривая!»

Голос Ульриха Салькова, многократного чемпиона мира, звучал истерически тонко, чуть ли не визгливо.

«Вот и началась его психическая атака», - с некоторым сожалением подумал Панин. Поначалу злости и возмущения не было - только чувство неловкости из-за того, что выдающийся спортсмен ведет себя так неспортивно. Панин был готов к тому, что Сальков позволит себе распусться, что он умышленно будет мешать ему. Он знал этого фигуриста давно, не раз пути их скрещивались на льду, и не слишком сложная тактика давления на судей и противников, к которой прибегал неизменно Сальков, Панину была абсолютно ясна. И все-таки, хотя и предупредили его накануне, что Сальков вновь примется за свои штучки, Панин был искренне огорчен: ведь это же ОЛИМПИАДА!

Он стоял у самой границы катка. Лед серебрился вдали и матово светился рядом с ним. Снежная пороша окружала след его безукоризненной восьмерки, изъянов не было - он видел теперь это совершенно отчетливо. Истерика Салькова могла бы вызвать только улыбку сожаления, если бы на льду не стояли судьи и не шли бы олимпийские состязания фигуристов.

«Ну да ладно, не впервой видеть таким Салькова, авось к следующей фигуре возьмет себя в руки», - думал Панин. Но при этом почти не сомневался, что Сальков в руки себя не возьмет и что продолжение психической атаки вскоре последует...

Впервые он увидел Салькова зимой 1901 года. Только-только стало известно, что швед стал новым чемпионом мира, победив первого официального чемпиона мира (1896 г.) Гилберта Фукса из Мюнхена. Об этой победе ходили тогда самые разные - в основном неблагоприятные для Салькова и шведских судей - слухи. В

частности, было известно, что чемпионат мира в Стокгольме обслуживала бригада из четного (шесть) количества судей. Это нарушение правил неизвестно почему было санкционировано Международным союзом конькобежцев, чья штаб-квартира, кстати сказать, располагалась в столице Швеции и чьим президентом был известный деятель шведского спорта Виктор Балк.

В результате на стокгольмском чемпионате голоса судей разделились поровну, и Салькову присудили победу, поскольку он имел сумму баллов чуть выше, чем Фукс.

Через несколько дней после чемпионата чемпион и экс-чемпион должны были прибыть в Хельсинки, и вот тогда-то комитет «Санкт-Петербургского общества любителей бега на коньках» решил пригласить их на международные соревнования в Юсуповом саду. А перед этим отправить в Хельсинки - для знакомства с особенностями тренировки и стиля сильнейших фигуристов - группу русских фигуристов, среди которых оказался, естественно, Панин.

Внешне зарубежные фигуристы выглядели лучше в своих гладких черных трико и облегавших талию легких курточках. Панин понимал, что пиджак, в котором он катается, широкие короткие шаровары и толстые чулки не делают спортсмена элегантным, даже если у него превосходная фигура. «Конечно, судьи учитывают и внешнее впечатление, его просто нельзя не учитывать, - думал Панин. - Однако же мы-то чем виноваты, что раньше не знали о такой спортивной форме зарубежных фигуристов? Как бы там ни было, но надо срочно создавать и себе такие костюмы, и чтобы покрой их заимствовал что-нибудь из традиционной сугубо русской одежды...»

Ему уже виделись русские фигуристы, одетые в превосходные тонкие рейтузы и отличные куртки. Для себя он мысленно «проектировал» куртку на манер гусарского доломана - на груди

должны быть нашиты широкие шелковые тесемки, как в старину на стрелецких кафтанах. Но к такой одежде надо еще привыкать: в ней надо потренироваться, а не то она будет сковывать движения, даже если и сшита идеально. А пока необходимо - отбросив внешнюю сторону - проанализировать технику и школьных фигур, и произвольной программы чемпионов.

В те дни и заметил Панин, что Сальков грубоват. Мелкие детали, штришки, но они внимательному наблюдателю говорили о многом. Косой взгляд, реплика, в которой привкус яда, небрежная отмашка рукой - не вовремя задаете вопросы, господин русский, - на все это Панин старался не реагировать, просто не до этого человеку, впервые увидевшему тех, с кем вскоре предстоит соревноваться, - надо учиться и учиться.

Совместные тренировки с Фуксом и Сальковым продолжались и в Петербурге накануне международных соревнований 1901 года. Информация переполняла Панина, он раскладывал ее по полочкам, тщательно сортируя, отмечая пока на ходу, что потребует более глубокого изучения, проверки на себе, в своих тренировках. У Салькова своеобразна техника чистого однореберного выполнения «крюков» и «выкрюков», однако при этом у него неизбежно нарушается строгая симметрия. И Панин сконцентрировал свое внимание на том, как выполняет эти элементы Фукс, у которого рисунок получается значительно точнее.

Сальков был настоящим атлетом, в каждом движении чувствовалась сила. И произвольная программа была создана именно для такого фигуриста. Прыжки в полтора оборота были высокими, но без особого пролета, и вообще весь набор элементов создавал впечатление полной уверенности и невозмутимости их исполнителя.

Панин примерял на себя эту технику и чувствовал себя плохо. Ему грубость всегда претила, а любованье своей силой и подавно.

Хотелось показать нечто большее, чем хорошо подобранный комплект прыжков, вращений, шагов. И он чувствовал, что может полностью овладеть тем, что считал художественной стороной фигурного катания, - пластикой, грацией, динамикой движений, ритмом, контрастностью и тонким сюжетом всей программы, передающим его собственный характер.

«В бой, скорее в бой!» - не терпелось тогда, семь лет назад Панину, хотя и знал, что распределение мест практически известно заранее и победить Салькова и Фукса ему пока совершенно невозможно. Но ведь наиболее интересное заключается в самом выходе на лед вместе с чемпионами, в том, чтобы положить рисунок рядом с их рисунком, не дрогнуть, не испугаться, не заелозить коньком в растерянности. И он проиграл свой первый поединок с чемпионом, проиграл, проверив себя. И в памяти осталась все та же холодность Салькова, его желание - в особенности на глазах у судей - возвести барьер между собой и остальными участниками. Демонстративно возвести - независимо от того, какого ранга соперники...

Думая обо всем этом на лондонском олимпийском льду, Панин ни на секунду не давал себе остывать, он встряхивал мышцы, напоминал им о той работе, которую предстоит выполнить. «Это ведь только вторая из четырнадцати фигур, и все они сложны, и никогда еще мы не участвовали в турнире, где стартуют сразу десять спортсменов». (Они стартовали в этом, ранее не имевшем себе подобных, марафоне фигуристов ровно в три часа дня в среду 16(29) октября 1908 года. Кроме Панина в Лондон прибыли три шведа - У. Сальков, П. Турэн, Р. Иогансон, один американец - И. Брокау, по одному фигуристу из Германии - Г. Бургер и Аргентины - Х. Торомэ. Хозяев льда представляли - Х. Иглезиас, Д. Кейлер-Грейг и Х. Марч. За олимпийские медали боролись также фигуристки и спортивные пары. Отдельно звание олимпийского чемпиона разыгрывалось по специальным фигурам, создаваемым самими участниками.)

«Я должен быть начеку каждую минуту. Опасность подстерегает меня, и хотя я не боюсь никаких осложнений, я должен быть готов к любому бою».

Он видел, как другие участники Олимпиады уходят в раздевалку или разговаривают, пристроившись на стуле среди зрителей, со своими поклонниками или тренерами и думал, что хорошего в таком расслаблении, если ты борешься за первое место, мало. Надо держать себя в узде непрерывно, гнать кровь по жилам, горячить ее. И тогда каждая фигура будет начерчена без клякс и помарок, как будто не на экзамене с его нервотрепкой, а на самой удачной из тренировок.

Он видел, что приближается его очередь. Его соперники укладывали на лед одну фигуру за другой, он автоматически регистрировал их выход на арену. Глаз привычно фиксировал величину фигур и точность их конструкции. Да, это были сильные фигуристы, но сегодня он был сильнее их. И это не была самоуверенность: просто он знал, что глаз - меткий, точный, беспощадный - не может обмануть его.

«Я не могу обманывать самого себя. Не могу. Я сильнее. Мои фигуры больше, и начерчены они точнее. Разве это не видно и другим? Почему же судьям надо поддаваться на выкрики этого человека, почему надо тащить его, если он слабее? Это ведь не та помощь, которую предлагают погибающему. Это ведь спорт, борьба техники, борьба личностей, и унижительно, если, помогая тебе, наносят удар в лицо твоему сопернику. Неужели же Салькову это не дано понять? Неужели блеск золотой медали для него все равно, что блеск золотых россыпей для золотоискателей в Клондайке? Невозможно в это поверить». Вдали мелькнуло лицо Салькова. Он взялся уже за третью фигуру. Для начала пригладил набриолиненные волосы: ни одного торчащего волоска, гладкий пробор. Потом повел глубоко сидящими глазами, потянул воздух - как бы принюхался. Что ищет он? Ах, вот оно что! Крохотный

носовой платок небрежно брошен на барьер - это ориентир, с помощью которого па ледяном поле Сальков будет стараться удержать ось своего рисунка. Маленькое ухищрение, применявшееся шведом уже не раз, не совсем честный прием, который судьи могут и не заметить.

Ну да ладно, и это ему не поможет. Только бы не размагнититься, только бы удержать в себе лихорадку боя и сосредоточить все силы для удара в нужный момент.

- Панин, Россия!

Вызов на лед звучит как откровение. Как будто слышит Папин это впервые. Он обрывает мысли - теперь только лед, конек, стереотип фигуры, застывший навсегда в мозгу. И когда след проложен, когда он вновь и вновь «покрывает» фигуру и, наконец, выезжает мимо судей, взмахнув руками, его охватывает чувство удовлетворенности, какое появляется только у людей, отдавших все свое умение для достижения цели.

И в этот же миг жесткий голос звучит на грани истерического возгласа:

- Он абсолютно потерял форму. У него, как бы он ни старался, ничего не получается!

Обычно бледное лицо Салькова краснеет. Он не может сдержаться. Он рубит коньками лед, но взгляда Панина выдержать не может. Панин ждет своих оценок, видит, что они вновь у трех судей явно занижены. И лишь после этого спокойно подъезжает к главному судье. В притихшем зале слышно только хриплое дыхание шведа и четкий, не очень громкий голос русского чемпиона:

- Прошу оградить меня от неспортивных выходов господина Салькова. Его поведение не соответствует олимпийским идеалам...

Панин вновь отъезжает к кромке льда. И спиной чувствует, как судья подзывает Салькова и делает замечание за некорректное поведение. Он не прислушивается к словам, чтобы получить удовлетворение от того, что соперник несет наказание. Только одно, только одно ему нужно: чтобы мастерство его было оценено честно. И пусть Сальков злится и ведет себя некорректно - это может повредить только ему самому. Так ведь было уже в канун Олимпиады, когда они встречались на розыгрыше Кубка Александра Паншина в Петербурге...

Об этом соревновании очень подробно писал петербургский журнал «Спорт», и он отмечал в те дни, что «Сальков сдал в том самом, что до сих составляло его главную силу, именно в школе, и сдал так основательно, что потерянного уже не мог наверстать произвольным катанием... на более трудных фигурах шведу не хватило мастерства: в восьмерках с двукратными тройками первые и вторые половины вышли не одинаковой величины, ось и покрытие следа хромали. Вторая восьмерка с петлями была совсем без оси. Чемпион пробовал обвинить попавшую под конек бумажку, но при тщательном рассмотрении она оказалась комком чистого снега...»

Сальков на розыгрыше Кубка Паншина вчистую проиграл Панину. И вполне вероятно, что именно этого проигрыша теперь он не мог простить своему конкуренту, ненавидя его и стараясь вывести из себя. Но какое это имеет отношение к честной борьбе на Олимпиаде? Разве спортсмен для победы должен ненавидеть и унижать другого спортсмена? Разве он ищет дополнительные силы в ненависти, а не в других, гораздо более достойных человека, чувствах?

Панин, кстати, не собирался выступать в розыгрыше Кубка Паншина. На то были веские основания, однако сейчас не об этом речь. Его упростили руководители «Общества любителей бега на

коньках» во главе с В. И. Срезневским, поскольку только он мог составить настоящую конкуренцию Салькову, который записался для участия в этом турнире, уже считавшемся как бы малым чемпионатом Европы. Панин имел в своем распоряжении считанные дни на подготовку, но он все-таки решился поддержать честь русского спорта. Помогал ему известный фигурист Г. Сандерс, который и на Олимпиаде тоже был ему верным другом.

В день старта Панин почти не волновался. Он успел восстановить навыки школьного катания, вместе с Сандерсом они быстро придумали новые специальные фигуры, у него хватало дыхания, чтобы до конца прокатать четырехминутную произвольную программу. Но было обстоятельство, которое придавало ему дополнительные силы: он еще накануне почувствовал в себе легкость и непосредственность детских лет, какую-то особую раскованность. Он ворошил в себе детские образы, он припоминал самые счастливые минуты своей жизни. Это, конечно, было самой настоящей настройкой на соревнования, но тогда этих формулировок не знали, и Панин все это проделывал интуитивно. Вспомнил он и кулачный бой. Красную Рубаху, его боевой напор и русское великодушие. У себя на родине и он, Панин, должен показать силу характера как бы былинную, потому что если не он, то кто же другой может выстоять перед напором шведской «силы»?!

Он должен выстоять - и выстоит.

С таким настроением и вышел он на старт.

«Ах, как славно все тогда получалось! Конек шел по льду, как белоснежная сверкающая яхта по глади разглаженного штилем залива. След покрывал след, и фигуры были геометрически точные, циркули были у меня в руках, в ногах, в глазах, и я укладывал для себя никому еще невидимый рисунок. Никогда раньше во мне не бушевал еще такой восторг, и мне не хотелось его сдерживать

холодом рассудочности и расчета. Хочу, чтобы и сегодня, и завтра у меня получалось как тогда. И чтобы наша «стенка» победила».

А Сальков в Петербурге психовал. И с каждой фигурой - все больше. Он ведь был очень самолюбив, этот шведский фигурист, преуспевающий фабрикант, всегда имевший достаточно средств, чтобы «растянуть сезон» на несколько месяцев благодаря тренировкам на высокогорных курортах Швейцарии. Он тратил на «свое» фигурное катание так много крон, что не мог даже представить себе, что такие деньги не дадут необходимых результатов.

Еще больше обозлился он, когда увидел, что не только Панин сильнее его, но и совсем еще молодой русский фигурист Карл Олло тоже ни в чем ему не уступает. И Сальков сорвался, не выдержал. После восьмерки с двукратными тройками, линии которой были кривыми и неправильными, он подкатил к главному судье, прославленному Алексею Лебедеву:

- Так соревноваться нельзя. Каток совершенно не приспособлен. Под ногами сплошной мусор валяется, что в России и катки заливать как следует не умеют? Я протестую против такой неподготовленности, которая мне, чемпиону мира, мешает показать все, что я могу показать!

Лебедев был человеком спокойным. Он видел след, положенный Паниным, и фигуру, сделанную Сальковым. Они были рядом, эти следы, и выглядели просто выпуклыми на чистом, чуть темноватом льду. Панин специально, как бы вызывая Салькова, отнес свою восьмерку с двукратными тройками поближе к публике, туда, где лед был совсем чист. И Сальков принял этот вызов. Принять-то принял, да с коньком не совладал, отнес он его совсем в сторону, так, что даже ось рисунка найти было нельзя. Публика аплодировала Панину, публика молча рассматривала фигуру

Салькова. Сальков продолжал протестовать, закипая и ярясь. Тогда Лебедев и предложил ему вместе подойти к его фигуре.

- Итак, где мусор, где бумажка, которая помешала вам выполнить фигуру?

- Вот, пожалуйста!! - Сальков бросился к следу в том месте, где конек пошел юзом и, взрезав лед, разметал вокруг снежную порошу.

Лебедев подошел к «бумажке», осторожно дотронулся до нее остро отточенным карандашом, и она рассыпалась, оказавшись самым обычным комочком снега.

- Как видите, господин Сальков, оснований для протестов нет никаких. Так что не волнуйтесь и продолжайте соревнования, - сказал главный судья и отправился на свой пост.

Но Сальков, раз сорвавшись, уже не мог настроиться на соревнование и чем дальше, тем хуже выполнял обязательные фигуры. Панину единогласно присудили первое место. И даже проигрыш произвольного катания не отодвинул его на вторую ступеньку. Чемпион мира, семь лет не знавший поражений, на сей раз, на русском льду, уступил. На заключительном банкете он тем не менее выглядел веселым, танцевал, шутил, был любезен и обходителен с владельцем Кубка Паншина. Теперь ясно, что это была маска. На Олимпиаде он ее сорвал - за ненадобностью.

Снова Панину на олимпийский лед. Очередная фигура - восьмерка со скобами. Сальков только что выполнил ее - перемена ребра лежала чуть не на полметра после «скобки», при этом его конек скреб еще на протяжении двадцати сантиметров, оставляя размазанный след. Панин видел эту «размазню», видели ее и судьи. Однако оценки были у большинства высокими.

«Ну где же их глаза, где их совесть?» - стучало в голове Панина. И, очевидно, он совершал глупость, так внимательно следя за тем, что делал Сальков, и за тем, какие вердикты выносят судьи. Шел уже третий час соревнований, а до конца было далеко. Кровь пульсировала в жилах так, как он этого хотел, и сил было много, но вдруг появилась внутри тела пустота. Он хотел остановить ее наступление с помощью нехитрой увертки: стал бесконечно повторять какие-то элементы школьной программы, даже не следя за тем - какие. Он даже кулаки несколько раз подряд сжал, как бы пытаясь уничтожить эту внезапную пустоту. Уже на старте очередной фигуры, шаря взглядом по льду, попробовал вернуть себе цельность и перестать следить за своими движениями как бы со стороны. Безрезультатно. Анализатор в голове был неумолим. Спустя много лет он так напишет о своем понимании ситуации:

«...результат соревнования все равно был предрешен задолго до его начала.

Состав судейской коллегии был неблагоприятен для меня, так как в нее вошли два шведа - Гренандер и Хэрле и сверх того Хюгель, личный друг Салькова, всегда державший сторону Швеции, и к тому же старый враг русских; он почему-то выступал от Швейцарии, которая даже не имела на этом соревновании своего участника. По существу, и Хэрле и Хюгель были в коллегии лишними; комитет Международного союза конькобежцев, находившийся тогда в Стокгольме, видимо, включил их со специальной целью - обеспечить Салькову первое место.

Всех судей было пять, я получил у немецкого судьи Вендта и у Сандерса два первых места, менее беззастенчивый из шведов Гренандер, в прошлом чемпион мира, дал мне второе, на 9 баллов ниже Салькова и на 23 балла выше Турэна, бывшего, в общем, третьим по школе. Без Хэрле и Хюгеля я был бы победителем, но эти двое без стеснения дали мне четвертое место. Ни Турэн, ни тем более Иогансон не имели решительно никаких шансов на

первенство и были записаны с явной целью дать возможность этим двум судьям «утопить» меня, поставив на четвертое место, и этим повысить мою общую сумму мест у всех судей вместе: по тогдашним правилам решала победу наименьшая сумма мест...»

...Последняя фигура. Последний участник. Последние оценки. Несколько минут для того, чтобы сработала бухгалтерия секретариата олимпийских соревнований. Цифры оглашаются тут же. После школьной программы впереди Сальков -1172,5 балла, сумма мест - 7; на втором месте Панин - 1147(12); на третьем Турэн - 1094 (15)...

Шведский блок сделал свое дело, и некому жаловаться, и ничего доказать сегодня невозможно. Протест главному судье? Русский представитель идет на это, но в ответ видит плохо скрываемую усмешку, недоуменное пожимание плечами, небрежный жест. Что из того, что такая откровенная подтасовка результатов ничего общего не имеет с духом и правилами олимпийских игр? Групповые мелкие интересы поставлены выше справедливости, спортивной чести.

И тогда остается только один выход из положения, единственно возможная форма протеста.

- Панин в такой обстановке продолжать соревнования не будет. Русская делегация заявляет о том, что он отказывается от состязаний по произвольной программе!

Бегающие взгляды в ответ. Растерянность. Попытка найти какие-то слова для оправдания. Запоздалые извинения, сделанные на ходу. Набор тактических приемов, призванных как-то сгладить ситуацию. И не более. Дело сделано, лучший фигурист мира, уже наносивший поражения чемпиону мира, лишен заслуженной награды.

Сам Панин устраивается на местах для зрителей. Уйдя со льда, он остается в зале, чтобы каждое движение, каждый жест участников Олимпиады отпечатались в его памяти навсегда. Придет время, и он использует все, что увидит здесь, - даже если не для себя, то для других русских фигуристов - обязательно. И он просто не имеет права уйти из зала, не запомнив технику, приемы лучших своих конкурентов.

Он дал волю чувствам только поздно вечером, в маленьком частном пансионе. Эту квартиру нашел ему перед началом Игр все тот же Сандерс, заботливый мастер на все руки. Кормили здесь прекрасно, было тихо и уютно. Хозяйка пансиона была приветлива, корректна и не задавала лишних вопросов. И на этот раз она ничего не спросила у Панина и Сандерса, и они были рады возможности избежать посторонних «ахов», ничего не значивших возгласов сожаления и сочувствия.

В гостиной было прохладно. Из щелей окна сильно тянуло влажным, отдававшим гарью осенним лондонским воздухом. Камин, зажженный к приходу постояльцев, горел с натугой, наполняя комнату красным мерцанием, суетливыми полутенями. Даже не сняв пальто, Панин с порога устроил Сандерсу форменный допрос.

- Я жду от вас честного и ясного ответа. Утешения мне не нужны, я не слюнтяй и не любитель обманывать самого себя. Вы были на льду, вы судили, вы видели все, и даже больше. Вы меня поставили на первое место, и я вам верю. Но все-таки скажите мне честно и откровенно, до конца открыто: не было ли в ваших оценках некоторой завышенности, может, и вы чуть-чуть свернули на тот путь, по которому пошли Хэрле и Хюгель? Словом, ответьте как фигурист, как человек, как товарищ, - кто был сильнее по «школе»?

Сандерс понимал, в каком состоянии сейчас находится Панин. И он не собирался его утешать. Он всегда был правдив и откровенен и на этот раз не изменил своему характеру:

- Вы стали жертвой сговора, мы должны это понимать и сегодня, и завтра. Во всех фигурах, клянусь вам счастьем своей семьи, вы были лучше всех. Сальков проиграл вам - в этом нет сомнений. Но вы ведь знаете, что ни вы, ни я сломить эту стену недоброжелательности просто не могли.

- Вы правы, конечно, вы правы. Но есть еще одно, что не дает мне покоя. И теперь не будет давать покоя всегда. Была и моя ошибка, мой промах...

И, заметив, что Сандерс пытается ему что-то возразить, упрямо продолжал:

- Была ошибка, теперь я знаю это совершенно точно. Я мог бы иметь гораздо большее преимущество, такой запас прочности, что они просто не посмели бы поставить меня ниже Салькова. Я помог им занижить мне оценки, я мог выполнить фигуры лучше. Вы же понимаете, что постановкой тела и грацией движений я всегда превосходил его. Но я мог быть еще увереннее, непринужденнее, изящнее, если бы не допустил одну тактическую ошибку.

- Я ее не заметил. Что же это за ошибка, если не секрет? - поинтересовался Сандерс...

- Какой уж тут секрет. Я об этой ошибке всем своим ученикам без устали твердить буду. И ученикам моих учеников тоже напоминать. И, если смогу, каждого русского фигуриста от подобной ошибки остерегать буду. Не надо мне было шастать вдоль поля, за чужими ошибками следить, оценки выслушивать. Не надо мне это было, если хотел сам выступить на выдающийся результат. Нельзя отвлекаться, разминивать себя. Это забирает силы, внимание. К

последней фигуре я понял, что измотан. Собираться я умею, вы это видели не раз. Но зачем же выжимать из себя остатки сил, если можно к каждой фигуре быть практически совершенно свежим. Тогда и в каждом жесте сквозила бы та уверенность, которая при всех прочих моих преимуществах могла бы склонить чашу весов в мою сторону...

Панин был безжалостен к себе. Он не сыпал соль на рану, нет, это было нечто совершенно другое. И хотя судейский удар в спину был болезненным, мысли его были не об этом. Он хотел извлечь для себя пользу из урока, он сам должен быть выше преходящих моментов. А он не всегда помнил об этом. Разменивался.

Сандерс не стал спорить с Паниным. Многое видно со стороны, но и сам спортсмен себя знает хорошо. В особенности такой, как Панин. Это ведь не зеленый юноша, который все делает по подсказке. Он имеет собственный зрелый ум, склонный к анализу и обобщениям. И если Панин видит в своей тактике ошибку, не ему, Сандерсу, спорить с ним. Однако и о судьях он должен знать. Не всегда ведь в борьбе равных преимущество одного фигуриста может быть абсолютно явным. Преимущество может быть не очень большим, заметным только для опытного специалиста. И дело совести арбитров быть до конца честными, не поддаваться давлению авторитета. Или - что еще хуже и что наблюдалось в первый день олимпийских соревнований - покоряться желаниям той или иной группировки, идти на поводу у спортивных карьеристов, тех, кому не дороги олимпийские идеалы.

Сандерс потихоньку направлял разговор в другое русло. Впереди был новый, еще более трудный, олимпийский день. И не надо повторять ошибки и тратить силы попусту еще до старта. Сейчас главное восстановить свежесть, убрать ненужную злость, оставив в душе только необходимый спортивный азарт. «Служенье муз не терпит суеты» - вот уж поистине те слова, которые так нужно

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине

помнить любому фигуристу, и не только перед выходом на лед, в час соревнований!

Расстались они поздно. Панин выговорился и успокоился. Сандерс оставил его одного после того, как они четко спланировали выступление следующего дня, в который разыгрывалось звание олимпийского чемпиона в выполнении специальных фигур. Но об этом уже в следующей главе...

Глава 4. Нить Ариадны, ведущая к победе

Правила соревнований на Кубок в память Панишина отличались от обычных международных правил только тем, что, кроме школьного и произвольного катания, в соревнование входил еще и третий раздел - специальных фигур, в числе трех. Специальные фигуры изобретались самим участником, представлялись накануне соревнования в судейскую коллегию и оценивались ею по трем показателям по 6-балльной системе: по новизне, трудности и исполнению на льду. Первое место у каждого судьи получал тот, у кого оказывалась наивысшая сумма баллов по всем трем разделам...

Н. А. Панин. «Страницы из прошлого»

Отдел специальных фигур очень разнообразен и интересен... Если бы привести этот отдел в систему и, начав с простейших фигур, которые можно принять здесь за основные, расположить фигуры в порядке возрастающей сложности их, то можно было бы составить целую школу специальных фигур... Что в них действительно может поразить наблюдателя, так это исполнение рисунков и переходов, кажущихся с первого взгляда невыполнимыми.

Н. А. Панин. «Фигурное катание на коньках»

- Это совершенно невозможно. Все четыре фигуры Панина кажутся фантастическими, а одна просто невыполнима. Может быть, вы просто хотите запугать соперников перед стартом? - Члены

судейской коллегии олимпийских соревнований были в растерянности, когда Сандерс познакомил их с чертежами специальных фигур русского чемпиона, которые он 17 (30) октября собирался перенести на лед.

Чертежи переходили из рук в руки. Судьи водили пальцами по линиям, пытаясь представить себе, как Панин будет прокладывать их на льду, а затем еще и повторять свой путь, и ничего у них не получалось. И от этого они даже нервничали чуть-чуть, пытались найти поддержку друг у друга.

Слух о необыкновенной заявке Панина немедленно распространился на катке. Первыми, конечно, в судейскую комнату начали заглядывать соперники. Появился Ульрих Сальков, тоже записанный на соревнования по специальным фигурам. Он попросил показать ему чертежи. Панин заранее предупредил, что никаких секретов из своей заявки он не делает и ее может посмотреть предварительно любой фигурист или тренер. Сальков осторожно подержал четыре листочка с фигурами Панина, даже потасовал их, попробовал ногой паркет, потом возвратил листочки и ушел мрачноватый.

Вскоре стало известно, что Сальков отказывается выступать в этом виде программы. Он не стал даже объяснять, почему отказывается, но этого, вероятно, и не требовалось.

Посмотрел панинские чертежи еще один соперник - чемпион Северной Америки Ирвин Брокау. Он был еще сравнительно молодым фигуристом с небольшим опытом. Брокау сразу же растерялся: «Невероятно, невероятно, он все-таки решил показать эти фигуры!» Американец успел познакомиться с фигурами Панина во время тренировок накануне Олимпиады и был уверен, что русский не станет выходить с ними на арену.

Убедившись, что намерения Панина совершенно серьезны, Брокау тоже сдался без боя. Остались только два конкурента, оба англичане: А. Камминг и Г. Холл-Сэй. Панин знал уже их заявки и понимал, что уровень «чертежного мастерства» обоих гораздо ниже, чем у него, но надо быть готовым к любой ситуации: только бы не расслабиться и не посчитать, что золотая медаль сама придет к нему. Судейские проблемы ведь так и не изменились.

А судьи все атаковали Сандерса:

- Вы подали рискованную заявку. Если хоть одна фигура на льду - даже в деталях - будет отличаться от проектной, оценки Панину будут резко занижаться. Мы ведь люди солидные и авантюры поддерживать не станем!

Сандерс был настроен несколько иронически. Он даже подшучивал над своими коллегами:

- У Панина ошибок нет никаких. Скорее мы, судьи, должны всерьез думать над тем, чтобы не допустить ошибок.

Сандерс был уверен в успехе Панина. Он и сам был великолепным исполнителем именно в этом разделе фигурного катания. Его «крест с полумесяцем» уже вошел в историю фигурного катания, принеся ему особый приз на первом чемпионате мира, который состоялся в 1896 году в Петербурге. Сандерс не смог тогда оказать достойного сопротивления сильнейшим фигуристам в школьном и произвольном катании, первым чемпионом мира стал мюнхенский фигурист Г. Фукс. Впрочем, Сандерсу на Олимпиаде было вполне достаточно и авторитета знатока, систематизатора и настоящего художника специальных фигур.

Именно Сандерс придумал одну из четырех олимпийских специальных фигур Панина. Он принес ее в начале лета, когда до Олимпиады оставалось немного времени, и она сразу понравилась

Панину. Он долго всматривался в карандашный эскиз, а потом засомневался:

- Кажется, все это невыполнимо. Вы-то сами как думаете?

- Мне эта фигура очень нравится: как и любой другой автор, я влюблен в свое произведение и полагаю, что на льду рисунок должен получиться. Конечно, поработать придется много, я знаю, о каком сложном узле вы сразу подумали, и я о нем тоже много думал. Но зато, представьте себе, какой эффект это произведет на всех судей и конкурентов!

Чертеж был принят. Три другие фигуры уже были готовы раньше. И Панин мог вместе с Сандерсом спокойно готовить четвертую - самую эффектную.

Однако спокойной работы не получалось. Ни разу ни на одной тренировке Панин не смог выполнить четвертую фигуру-«Ловушка» подстерегала его в одном и том же месте. Дойдя до остановки в остром углу «клюва» в левом крыле фигуры, Панин не мог осуществить дальнейшее скольжение, так как до перетяжки, на которой можно получить дальнейшее ускорение, оказалось слишком далеко.

Сандерс уверял, что «ловушку» можно пройти без всяких осложнений.

- Я даже во сне несколько раз видел, как вы проходите этот участок - на сильно согнутом колене и с максимально скрученным корпусом. Надо пробовать, пробовать, постараться подвести себя к правильной технике с помощью дополнительных упражнений...

Пришло время решающих тренировок. Было известно, что соревнования в Лондоне пройдут на искусственном льду, и «Общество любителей бега на коньках» постановило

командировать Панина и Сандерса для предварительной подготовки на месяц в Берлин, где с 1 сентября в «Айспаласе» к услугам фигуристов был отличный лед. В начале осени Панин (а за ним я Сандерс) прибыл в Берлин и приступил к тренировкам.

На человека, который всю жизнь катался только на льду естественном, для которого само понятие «лед» связано с зимой, морозами, вьюгами, первое знакомство с искусственным катком производит ошеломляющее впечатление. На пороге «Айспаласа» он прощается с теплым безоблачным сентябрьским днем, с солнцем, еще сохраняющим летнюю силу, с зеленью каштанов, начавших бомбардировать землю своими лоснящимися плодами. Сделав всего несколько шагов, пройдя по короткому коридору, новичок ледовой арены попадает на сверкающую зимнюю лужайку, от которой тянет особой свежестью и бодростью.

Снежная пороша вьется над фигуристами, которые, увидев Панина, помчались к нему. Они рады вновь встретить русского чемпиона, они приветствуют его, своего коллегу по многим состязаниям. Резкое торможение, и молниеносный искусственный снежный вихрь, возникающий при этом, окутывает их всех.

Очарование первого знакомства с катком длится недолго. У Панина абсолютно деловое настроение. Ни секунды промедления: быстрее на лед, быстрее за дело, остаются еще неразвязанные «узлы», а до олимпийского старта чуть больше месяца.

Будни сняли многие сверкающие покровы со льда «Айспаласа». Заниматься здесь - Панин понял это после первой же тренировки - трудно. Температура воздуха на катке довольно высокая - плюс восемь градусов, подушка холода надо льдом очень низка - до коленей не достает, - вот и получается, что при высоких скоростях очень душно, пот льется ручьями. В привычной форме Панин кататься не мог. Теперь он обычно оставался только в тонкой белой фуфайке и рейтузах. Но даже и в этом костюме жарко, очень жарко.

Хорошо бы, конечно, сразу после тренировки под душ, чтобы смыть усталость, вновь раскрепостить тело. Да нет в шикарном «Айспаласе» никакого душа, а в раздевалках - крохотных и неудобных - можно лишь поплескаться водой из кувшина, согнувшись над тазом.

Вообще, «Айспалас» - предприятие коммерческое, и наибольшие удобства предусмотрены для праздных и богатых любителей спортивных зрелищ. Вокруг катка на двух ярусах помещаются ложи ресторана со столиками, и нередко можно услышать не слишком корректные реплики подвыпивших посетителей по адресу того или иного фигуриста. Впрочем, в ранние часы, которые были отведены для тренировок гостей берлинского клуба фигурного катания, взявшего на себя шефство над участниками будущей Олимпиады, посетителей было мало и спортсмены могли полностью отдаться своей стихии.

Трехчасовую тренировку посвящали обычно школьному и произвольному катанию. А вот со специальными фигурами было труднее. Как только положенные три часа заканчивались, на лед высыпали десятки рядовых берлинских любителей фигурного катания, в большинстве своем детишки. И приходилось искать укромный уголок, чтобы там проложить свой замысловатый след. Счастье еще, что специальные фигуры имели небольшие размеры и пристроиться с ними где-нибудь в уголке было сравнительно нетрудно.

Вот в таких условиях и провели почти месяц Панин и Сандерс. И каждый день искали они ключ к решению сложнейшей задачи, которую поставила перед ними фигура, изобретенная Сандерсом. Через много лет, вспоминая об этих тренировках, Панин напишет: «Я пробовал, конечно, использовать и ту четвертую, сомнительную фигуру, которая представлялась мне неосуществимой; все выходило очень хорошо до роковой точки в левом крыле, но тут -

стоп! Доехать до перетяжки никак не удавалось: обычно в острой вершине всякого «клюва» конек совершенно останавливается и ход получается «с места» путем вытягивания согнутого опорного колена, как бы прыжком без отрыва ото льда, связанным с переменной ребра, т. е. перетяжкой. Но по рисунку фигуры перетяжка должна быть гораздо позже, и получить ход с места на такое расстояние без перемены ребра не представлялось никакой возможности».

Это были трудные часы, и порой хотелось бросить эту осточертевшую фигуру. Но Панин уже полюбил ее, привык к ней. «Нет, нет, разлучаться с ней я не должен. Разлука будет мучительной для меня. Мне она очень нужна, эта фигура, а еще нужнее для меня сам процесс покорения ее. И если я взойду на эту вершину, если она станет моей, то и успех на Олимпиаде мне будет обеспечен. Она должна стать моей навсегда, и никому я ее не отдам».

Ревниво относился Панин к самой трудной своей специальной фигуре. Даже очеловечивал ее немножко. Он думал о ней безотрывно. Чертил и пытался одолеть «ловушку» и за обеденным столом, и вечером перед сном. И она стала ему даже сниться. Но на льду ничего не получалось.

Сандерс видел, как нервничает Панин. Да он и сам нервничал, - ведь день проходил за днем, все меньше оставалось времени до отъезда в Лондон, а их фигура на льду так и не получалась. Сандерс не мог ничего более посоветовать Папину, ему оставалось только полагаться на интуицию спортсмена, на опыт, который рано или поздно подскажет решение.

Разгадка носилась совсем рядом. Панин чувствовал, что вот-вот найдет ее. Погоня за ней и утомляла, и добавляла азарта, но так вечно длиться не могло: у спортсмена, в конце концов, конкретные

цели и задачи, и посвящать жизнь погоне хотя и за ярким, но миражем, просто неразумно.

И все-таки он ее поймал. Неожиданно. На ходу. Занимаясь совсем другой фигурой - уже привычной, уже давно освоенной, такой, во время исполнения которой все движения стали автоматическими и можно даже уйти в мыслях в сторону. «И как я не додумался до этого сразу? Вот уж поистине гордиев узел можно только разрубить. И я тоже разрублю свой гордиев узел. Сейчас же сделаю это!»

Когда Сандерс увидел сияющее лицо обычно сдержанного Панина, он понял сразу, что произошло.

- Да, да, я додумался до этого. Все очень просто. Надо ценой некоторого притупления рокового угла на левом крыле исполнить его не с помощью «клюва», а «крюком»!

И он тотчас же показал, как это можно сделать. Первая попытка была удачной. Оставалось добиться совсем немногого; чтобы угол при «крюке» был как можно острее, чтобы выглядел он клювообразным. Но это уже было делом элементарной техники, и времени на это оставалось достаточно.

Панин и Сандерс торжествовали хотя и маленькую, но очень важную победу. Она поднимала настроение перед стартом. А это ведь так важно, особенно перед Олимпиадой!

Оставшиеся дни пролетели молниеносно. Теперь тренировки потеряли свой мучительный оттенок. Панин и видеть сразу стал больше, и многие детали, которые ускользали, оставаясь незамеченными, стали приобретать резкость и отчетливость. Он приглядывался теперь и к тому, как тренируются другие будущие участники Олимпиады: Турэн, Иоганссон, Брокау, спортивная пара Гюблер - Бургер из Мюнхена, берлинка Людвика Эйлере - будущая

чемпионка мира в паре с Якобсоном из Хельсинки, затем к ним присоединился и Ульрих Сальков... В тренировке у каждого были свои нюансы, и Панин вновь стал пользоваться своим блокнотом, о котором он на время - и не по своей вине - забыл.

После утренних тренировок - отдых, прогулки по Берлину. Но и по вечерам именитые фигуристы часто вновь собирались на ледовом поле. Тренировки как таковой уже не было. Просто приятно собраться вместе и устроить нечто вроде обмена опытом, клубного заседания с неопределенной повесткой дня. Вечерами в «Айспаласе» перед зрителями, размещавшимися в ресторане, выступали и профессиональные фигуристы, приглашенные специально для развлечения публики. Появлялись среди них и клоуны, выделявавшие немислимые номера, часто очень опасные. Публика хохотала, покрикивала: «Давай, давай!» Но Панину никогда не было смешно, хотя он и поражался той ловкости, с которой клоуны падают на лед так, что, кажется, кости трещат. Не очень весело видеть, как твое любимое искусство служит на потеху господам, пьющим коньяк за столиками или сыто отрыгивающим после приема очередной кружки крепкого немецкого пива.

В конце сентября Панин вместе со своими соперниками отбыл в Англию. Сандерс уехал раньше - ведь на него возлагались еще и заботы квалифицированного квартирмейстера.

...Первая специальная фигура Панина чем-то напоминала лопатку для пирожных. Длинная «ручка» с залихватскими вензелями и плавные очертания самой «лопатки». Уже в этой фигуре было практически все, чем славилась русская орнаменталистика при составлении специальных фигур, - неожиданность поворотов и переходов, строгость рисунка, его законченность. Судьи, не имея в руках чертежей, сразу и не смогли бы сообразить, какими будут «сюжетные ходы» ледового художника Панина.

Вот он замирает на левой ноге в стартовой позе. Все его специальные фигуры начинаются на левой ноге на внутреннем ребре конька. Это инерция, данная детством.

Несколько глубоких вдохов и выдохов - вентиляция легких, хорошая порция топлива для организма. Сердце ускоряет свой бег, и надо его успокоить - ласково и бережно. На секунду прикрыть глаза и еще раз на черном фоне отпечатать белый рисунок фигуры. Этот отпечаток для него как нить Ариадны в сложном лабиринте фигуры.

Первый толчок и нежное скольжение. Острое наслаждение от движения, от льда, зашелестевшего под коньком, от трепетания мышц, готовых к работе, которую им предстоит совершить. Он любил и обязательные, и специальные фигуры. И те, и другие были очень близки ему своей законченностью, своей геометрической точностью, жесткой внутренней логикой.

«Школа» и специальные фигуры - это мир тончайших ощущений. Он доступен далеко не каждому, даже если развивать тонкость чувств каждый день, каждый тренировочный час. У фигуриста и здесь должен быть особый талант: далеко не каждый может почувствовать особую красоту в тонкости линий и хитроумии их сплетений.

Сделав первый шаг, Панин почувствовал лед всей ступней. Лезвие конька перестало существовать. Нога удлинилась на несколько сантиметров - на всю высоту конька. Конек стал частью ноги, пронизанной сверхчувствительной сетью нервных окончаний. Каждая царапина на льду, каждый микроскопический комочек были ощутимы так, как будто он прикасался к ним ладонями. Мысленно начерченная фигура проецировалась с помощью невидимого аппарата прямо на экран льда. И он скользил по этим, видимым только ему, линиям, с легкостью человека, идущего по волнам.

Тело входит в вираж. Плавная дуга на льду. Легкий трепет крыльев-рук. Безмолвный сигнал, передающий со скоростью молнии: «Поворот!» Корпус скручивается и распрямляется, и центр тяжести проходит уже по наружному ребру. Весь зал поворачивается на сто восемьдесят градусов, а Панин остается скользить в безвоздушном пространстве, отгороженный от зрителей и судей завесами яркого солнечного огня, неудержимо струящегося через стеклянные стены и потолок.

Лед сопротивляется ему и временами пытается подсказать свою смену направлений. «Вот здесь я послабее, здесь линию проложить проще, и я не буду сопротивляться. Попробуй сделать так, и тебе же будет легче. Почему ты не слушаешь подсказки, я же хочу сделать тебе лучше?» Шелест льда как пение сирен - соблазнительный, но заманивающий в «ловушку». Попадаться на эту видимую легкость нельзя. «И все-таки почему бы тебе не проложить свой след там, где я рекомендую? Не упрямься, так фигура получится точнее и красивее. Сворачивай туда, куда я показываю!»

Сворачивать с тропы нельзя. Это ведь не лед вокруг, а топкое болото. Дремучая, засасывающая даже веточки топь. И зеленые приветливые лужайки, которые так манят к себе и обещают покой и радость, не что иное, как страшные болотные окна, через которые топь может засосать, а если и не засосет, то возвращение на найденную тропу заберет все силы и дальше шагу уже не сделаешь. Нет, нет, никаких легких поворотов. Только те, которые запрограммированы, заучены, те, которые видятся днем и ночью, стоит только бросить взгляд на любое белое поле.

Лед сопротивляется, а затем, покоренный уверенностью и непоколебимостью Панина, сдается и только помогает скользить даже тогда, когда скорость, кажется, должна замереть на нулевой отметке, и уже сам потихоньку возвращает ногу к первому следу,

чтобы расхождения почти не было, чтобы с каждым новым поворотом рисунок становился все более выпуклым, объемным, видным даже самым далеким зрителям, восхищенно следящим за Паниным.

Последняя тройка. Последний вираж, который пращой выбрасывает Панина прямо навстречу судьям, зацепеневшим в одной шеренге в двух метрах от его фигуры. Строй судей расступается. Фланги схватывают фигуру в клещи, Панин, очутившись в тылу у арбитров, останавливается и следит за тем, как они - кое-кто даже на коленях - изучают его рисунок. Сам он изучать его не хочет. Он впечатался в его мозгу навсегда. Он может наложить этот рисунок на проектный, и разницы между ними не будет никакой. Он не сомневается в этом нисколько.

Судьи поражены. Они не могут сдержать изумления. Панин слышит, как один из них говорит Сандерсу:

- Это просто математическая точность. Не могу поверить, что рисунок настолько точен...

Оценки почти предельно высокие. Панин исчезает в коридоре, ведущем в раздевалку. Ошибки совершают для того, чтобы их не повторять. На этот раз он не будет волноваться и отвлекаться на соперников. Достаточно того, что он видел их чертежи. Кстати сказать, чертежи англичанина Камминга вообще не сложные, в России их легко, с первого чтения, могли бы перенести на лед многие не только петербургские, но и московские одиночники. Вот у другого англичанина - Холл-Сэя сложность повыше, да только нет ясной мысли в рисунке, нет оригинального решения. Но это, правда, лишь его, Панина, личная точка зрения. Судьи могут посмотреть на фигуры Холл-Сэя иначе.

Он притормаживает себя, потому что и такие размышления в раздевалке беспокоят и выключают из игры.

Не успевает Панин сесть, как пора снова на лед, пора приниматься за вторую фигуру, осваивать новый участок поля. Он проезжает вдоль кромки и поглядывает на следы, оставленные англичанами. Они лежат рядом с его фигурой. У Камминга след покрывает след, все выглядит аккуратно, но очень просто. У Холл-Сэя, как и предполагал, фигура сложная, но скольжение неуверенное, конек болтало, как яхту в штормовом море, не разберешь даже, где первый след, а где следующие.

«Сандерс не скрывает радостной улыбки. Значит, так держать. А теперь прочь все, что не со мной, не с моей второй фигурой. Где же она, возникай из небытия, выбирайся живее из тех запасников, где ты ждала своего часа. Пора, пора! До твоего появления па свет считанные минуты».

Панин на участке, отведенном для разминки, раскладывает свой «крест», вторую фигуру. «Крест» необычен благодаря самому простому приему. Однако именно в этой простоте вся изюминка. Да и несложность только кажущаяся, выполнить такую фигуру не сможет, пожалуй, никто. «Крест» после того, как его начертит Панин, будет выглядеть сдвоенным. Как будто два контура, наложенных друг на друга, кто-то нечаянно сдвинул да так и оставил. На концах «креста» изящные наконечники, чтобы обладатель его не поцарапался случайно. И они тоже сдвоены, и благодаря этому «изготовление» их невозможно, если не знать секретов автора.

В этот час внимательный наблюдатель получает возможность разгадать тайны приемов Панина. Для этого вроде бы даже особых усилий прикладывать не потребуется, потому что Панин проводит показательный урок высшей техники фигурного катания при исполнении специальных фигур. Его тело скульптурно, каждый жест отточен и пластичен. Все элементы выполняются настолько

легко и выразительно, что выглядят элементарными, общедоступными. Но попробуйте выйти на лед и повторить то, что начерчено. Попробуйте, и окажется, что даже если вы мастер высшего фигурного пилотажа, то через несколько секунд вы будете «выбиты из седла» и не добыть вам ни за что желанный «крест».

Закончив фигуру, Панин проезжает мимо судей и на этот раз уже не останавливается. Его не интересуют цифры. Он уже попал в ритм боя, его «стенка» идет вперед, а соперник отступает. Теперь важно не сбиться с ритма, не потерять дыхания, не израсходовать попусту тонкое осязание сюжетной канвы.

Два цветка, соединенные причудливо изогнутой лентой. Симметрия фигуры ушла на второй план. Главное, артистизм художника, придумавшего ее, тонкость замысла, нежного, даже трепетного.

Говорят, глаза - зеркало души. Но если бы кто-нибудь в те дни захотел заглянуть в душу русского спортсмена Николая Панина, ему надо было бы только посмотреть на его третью специальную фигуру. Отвергнув обычную строгость, логичность, в ней он сверкнул лиричностью, можно даже сказать - напевностью. Это была фигура, свидетельствующая о душе поэта есенинского склада. Она не могла оставить спокойной судей, зрителей, спортсменов. Она многие десятилетия не оставляла спокойным ни одного знатока, видевшего ее просто начерченной на бумаге.

Панин, выйдя на лед, чтобы исполнить свою третью фигуру, даже напевал про себя. Два цветка, еще два, еще... Букет, который вручают только триумфатору.

Теперь оставалось сделать последний шаг. Последнюю фигуру, ту самую, которую все считали абсолютно невыполнимой. Она напоминала орла, широко распластавшего крылья, - так, во всяком случае, считал сам автор рисунка Сандерс. И этот «орел» мог либо

вознести высоко-высоко, либо сбросить со своих «крыльев» незадачливого «ездека».

Во время разминки Панин специально не полностью чертил эту фигуру. Он не хотел снижать эффект своего выступления. Последний аккорд должен быть самым звучным, и судьям ни к чему привыкать к мысли, что четвертая фигура все-таки выполняема. Перед стартом он лишь несколько раз очертил «крыло», сделал «крюк» и проследил, чтобы он был как можно более острым. На том разминку и закончил.

Дальнейшее Панин всегда помнил отчетливо, как будто после соревнований прошло несколько минут. Он помнил лица судей. Он схватил выражение восторга на лицах зрителей. Голоса фигуристов, их быстрое движение - уже после финиша - к его фигуре. Осталось навсегда воспоминание о необыкновенной податливости льда: узор уже был в нем, надо было очистить поверхность и сделать рисунок видимым для всех.

Он потерял способность к самоанализу. Аналитическая раздвоенность в те минуты покинула его, уступив место восторженной цельности, тому счастливому единству души и тела, которое делает человека способным на подвиги.

Он не распалял в себе злость по отношению к соперникам, хотя знал, что есть и такой способ для того, чтобы мобилизоваться на решение трудной задачи. Он не пытался злиться на свою самую сложную и так долго не поддававшуюся фигуру, - она не заслуживала такой злости. Только любовь может придать в решающую минуту дополнительные силы.

Судьи устроили чемпиону овацию. Соперники поздравили его. Корректные английские зрители показали, что они совсем не холодны при оценке высшего спортивного мастерства. И был только один человек, который не смог подняться выше своего

характера, - Ульрих Сальков. Он, пожалуй, был единственным, кто ограничился холодным кивком.

219 баллов получил Николай Панин за свои специальные фигуры! И когда судьи назвали эту цифру, он автоматически сразу подсчитал, что это ведь 91,8 процента от максимально возможной суммы в 240 баллов. Такого рекордного результата в те годы ни один из фигуристов не добивался!

Золотая медаль олимпийского чемпиона - первая у русских - вручалась Панину после окончания турнира, когда все участники собрались на торжественный банкет. Все банкеты такого рода одинаковы: главные события позади, через несколько часов их участники разъедутся, а пока - поднимают бокалы с шампанским за победителей, за будущие встречи. Мирная обстановка, ничего не говорящая о закончившихся день назад спортивных баталиях.

Панин счастлив. Вместе с Сандерсом они выпили шампанское. Вокруг них собирается небольшая группа спортсменов, тренеров и судей. Каждому интересно, как Панин и Сандерс придумывают специальные фигуры.

- Конечно, конечно, вы совершенно правы, мы черпаем творческий подъем из глубин своей души, - шутит Панин.

- Но если говорить конкретно, то дело обстоит совсем просто. Чтобы создать хорошую, оригинальную фигуру, надо взять карандаш, бумагу, циркуль, призвать на помощь вдохновение и...

Фраза остается незаконченной. Панин видит подходящих к ним шведских фигуристов во главе с судьей Хэрле. В руках у них бокалы, но лица озабоченные, даже несколько смущенные: вроде и не олимпийский банкет сегодня.

- Господин Панин, - торжественно начинает Хэрле, - мы, представители шведской команды, хотели бы принести вам самые

искренние свои извинения в связи с недостойным поведением во время соревнований и выпадами против вас нашего коллеги Ульриха Салькова. Я лично, как секретарь Стокгольмского клуба, приношу еще извинения от всех членов своего клуба. От всех шведских любителей фигурного катания...

Панин чувствует себя даже неловко. Ему неприятен этот разговор, неожиданно возникший в разгар торжества.

- Да, да, я понимаю чувства шведских фигуристов. Но все уже позади, и мне не хочется более вспоминать о поведении Салькова. Я не был удивлен его поступком, мне давно знаком его характер. Очевидно, нервный срыв был для него закономерным. Чрезмерная взволнованность, предстартовая лихорадка усугубляли ситуацию, но, повторяю, это позади, и мне хочется пожелать только, чтобы для господина Салькова все это послужило уроком. Вас же, дорогие коллеги, я не считаю ответственными за поведение своего соотечественника. Мы всегда были и, надеюсь, впредь будем соратниками в развитии фигурного катания.

Звон бокалов бравурен. Шведы раскланиваются. И, прежде чем забыть в праздничной суете о Салькове, Панин еще думает о том, что заявление Хэрле искренне не до конца. Он ведь сам был судьей на льду.

Впрочем, на этом история не заканчивается. На следующий день Панину было вручено специальное письмо Шведского спортивного клуба: «Господину Н. Панину, Лондон. Я позволю себе возвратиться к нашему вчерашнему краткому разговору по поводу дела Салькова, потому что после этого я слышал от г. Бургера, что я не сумел достаточно ясно выразить Вам мое намерение; и хотя я одновременно узнал, что г. Бургер был так любезен, что уже разъяснил точнее эти намерения, но я хотел бы этими строками еще раз Вам повторить, что все прочие шведы, принимающие участие в состязаниях, живейшим образом сожалеют о недостойном

поведении Салькова, о котором рассказал мне г. Бургер, и, как секретарь Стокгольмского всеобщего клуба конькобежцев, я чувствую себя обязанным и правомочным просить Вас от имени клуба и шведских конькобежцев извинения по поводу невоспитанного выступления Салькова.

С отменным высокоуважением Эдв. Хэрле. Так же и мы глубоко сожалеем о случившемся - Эльна Монтгомери, Пер Турэн, Р. Йоганссон».

...Уезжая из Лондона, олимпийский чемпион Николай Панин еще не знал, что здесь он закончил личные выступления на льду. Больше соревноваться с Ульрихом Сальковым ему не пришлось. И все-таки состязаться они продолжали еще много лет. Сальков впоследствии стал одним из руководителей Международного союза конькобежцев. Он во многом определял внутреннюю политику, направление, по которому шло развитие фигурного катания. И Панин тоже получил в свои руки рычаг, с помощью которого мог регулировать ход истории фигурного катания. Он вырастил учеников. Много учеников. Его ученики сами стали учителями. И уже они вывели на нынешнюю олимпийскую орбиту чемпионов, которые воплотили в жизнь заветы первого русского олимпийника!

Глава 5. Последний шаг - он самый трудный

Стрелковый спорт развивает меткость, хладнокровие и уверенность в своих силах. Он имеет первостепенное оборонное значение и всегда был особо любим русскими и другими народами нашей страны, воспитавшими выдающихся стрелков. В дальнейшем лучшие в мире советские снайперы с особой яркостью проявили себя в грозные годы Великой Отечественной войны, беспощадно истребляя фашистских захватчиков...

Н. А. Панин-Коломенкин. «Страницы из прошлого»

Пролив в эти утренние часы был тих и уютен. Ветер умчался за горизонт, волны, разглаженные штилем, лениво перекатывались с боку на бок. Кое-где над водой длинными штрихами замер туман. И когда пароход рассекал полосу тумана, он и сам казался разрезанным: с палубы Панин видел только серую, вскипавшую от быстрого движения массу, а уж совсем в глубине угадывался плеск волны.

Во всем, что окружало в эти часы Панина, были тот покой и законченность, которые настраивают на эллегический лад. И не хотелось думать о пристани, которая ожидает впереди. О сутолоке порта, вокзалов, городов.

Подольше бы длилось это мерное движение, не требующее от него никаких решений. Необходимость с кем-нибудь говорить причиняла просто физическую боль, и Панин подумал, что напрасно он согласился разделить свое маленькое путешествие в Париж с Ирвином Брокау. Брокау совсем молод, он плохо знает Европу, крутые повороты Лондонской олимпиады, пожалуй,

выбили его из колеи, и он теперь находит разрядку в словах, А Брокау не замечал молчаливости своего старшего коллеги, и даже если бы и заметил, то вряд ли понял, отчего она. Для молодого американца было просто необъяснимым появление после такого огромного успеха странного приступа грусти, отрешенности; уж он сам, став победителем, постарался бы, чтобы все вокруг узнали о его триумфе, о его золотой олимпийской награде.

Панин, поняв, что ему придется в течение многих часов слушать монолог Брокау, вскоре успокоился совершенно - в конце концов, если судьбе было угодно свести их вместе на несколько дней, надо найти и в этом ее приговоре приятные для себя детали. Американец оказался стуктом оптимизма и жизнерадостности, ему было не до анализа и самоанализа - ну и бог с ними. Лучше уж слушать рассказы об Америке, о невиданном темпе жизни, об удивительных скоростях и изобретениях, о новых городах и домах, тянущихся к облакам, чем думать о скором возвращении домой, лицах чиновников и дребезжащем голосе вечно недовольного начальника.

Маленькие плоские острова появлялись и скрывались навсегда. Чайки демонстрировали свою акробатическую подготовку. Изредка поднимали вздрагивающую полотняную спину прогулочные яхты. Бесплотные тени пассажиров возникали за спиной и исчезали, оставляя после себя мерцающий шепот и иллюзорные пики восторженных диалогов. Они были из другой жизни, шедшей параллельно. Было легко и свободно, и тело становилось невесомым, хотя каждая мышца чувствовалась и играла.

А когда солнце стало опускаться, он увидел неправдоподобно зеленую, косо висящую на уже близком горизонте картину старого живописца. Пейзаж с красными крышами домов был живым и рельефным, солнце билось в окна, на дорогах угадывалось движение. Картина колебалась в одном ритме с пароходом, с мягкими податливыми волнами. Потом пошла расти беспрерывно.

Перед Паниным был берег Франции, и близость порта уже не вызывала у него сожаления.

На следующий день Париж принял их в свои объятия. Удивительный город, в котором никогда не чувствуешь себя чужим и который дает возможность всегда оставаться самим собой. Париж был огромен и заманчив, но Панин сразу же после приезда вместе с Ирвином Брокау отправился на Елисейские поля. Нет, не развлечения и не красоты бульваров манили его. На авеню д'Антэн был оружейный магазин и мастерские при нем. И главное - великолепный тир, оборудованный по последнему слову техники. О стрельбище Панин слышал не раз от Михаила Васильевича Семичова и других русских стрелков, которым доводилось здесь бывать. Первым, что он увидел, был стеклянный стенд у входа в тир. Здесь хранились четыре мишени знаменитых лауреатов стрельбища, завоевавших в разное время специальные золотые медали. Первой в этом ряду висела мишень Михаила Васильевича Семичова.

Панин постоял несколько минут у стенда. Он внимательно рассматривал и мишень Семичова, и другие мишени. Для него они - интересные собеседники, чей язык так краток и выразителен. Мишени говорили о характере их хозяев, об их темпераменте и психике. Пули пронзали белые «яблочки» международных мишеней, хватали за края черного пояса, иногда нервно уходили в сторону, и тогда пробоины смотрели молча, вызывали жалость. Мишень Семичова была совершенной. Пули легли в нее кучно, одна возле другой. Они притягивали друг друга, и в этой дружной их жизни просматривалась своя закономерность. Панин начал было искать ее, проверяя траектории полета, стараясь представить себя на месте Михаила Васильевича, но голос Брокау остановил его:

- Чем вас, уважаемый коллега, так привлекла эта старая мишень?

Панин незаметно вздохнул:

- Земляка встретил...

И не стал продолжать далее, хотя Брокау смотрел на него, ожидая продолжения. В самом деле, что он мог добавить к этому «Земляка встретил...»? Только для русского человека эти слова могут сказать так много. А если еще этого земляка считаешь своим учителем? А если он для тебя был еще и соперником на линии огня? Да к тому же соперником, соревнование с которым будет длиться до тех пор, пока рука сможет твердо держать оружие? Ибо нет Михаила Васильевича в живых. Умер неожиданно в самом расцвете сил.

Папин услышал о Семичове задолго до того, как познакомился с ним лично. Его называли непобедимым, русским Вильгельмом Теллем; романтический ореол окружал этого человека на протяжении всей его жизни, и молодые стрелки считали за честь выйти вместе с ним на огневой рубеж.

- И вообще он удивительной души и удивительной скромности. Всегда ровен в обращении, приветлив, чуток, чувств своих напоказ никогда не выставит, и даже если раздосадует его неточный выстрел, на лице все та же внимательность, сосредоточенность...

Разговор этот о Семичове армейский капитан Георгий Евгеньевич Вишняков однажды вел на так называемой Малиновой даче, в Царском Селе. Здесь собирались друзья Вишнякова - офицеры, любители стрельбы. Тир был совершенно необычный: от одной каменной стены открытой веранды до другой было двадцать пять шагов (приблизительно 16 метров). Дистанция достаточная и для тренировок, и для соревнований, на одну из стен была повешена стальная доска с крючками для мишеней.

В перерыве между выстрелами, когда эхо заканчивало свою небыструю прогулку по окрестному лесу, слова казались особенно звучными и полновесными.

- Ты хочешь, конечно, поскорее познакомиться с легендарным Семичовым. Ну что ж, это не так сложно. Начнется подготовка к новому чемпионату России, я вас и познакомлю. Ты уж к этому дню будь готов полностью, конкурентом Семячову стать вполне можешь...

Сам Вишняков, будучи великолепным снайпером, первенство России не оспаривал. Он изредка выступал только на неофициальных соревнованиях и нехотя отшучивался, когда кто-нибудь пытался выяснить, почему, обладая превосходными достижениями, он все же не стремится стать чемпионом страны. Пытался выяснить эту тайну Вишнякова и Панин, но ответа и ему не было. Лишь сопоставляя некоторые факты, реплики, припоминая интонации, которые проскальзывали иной раз в разговорах, Панин понял, что у Вишнякова - при всей его любви к стрельбе - отношение к ней особое, и связано оно в первую очередь с той предгрозовой обстановкой, которая царила в России к моменту их знакомства в 1904 году. Царское правительство поощряло стрелковый спорт среди военных. Офицеры разыгрывали императорские призы по стрельбе из винтовки и револьвера, победителям выдавались большие денежные призы, и при этом достаточно прозрачно намекалось, что вскоре придется стрелять по живым мишеням, и не просто по живым, а по тем, что ходят по соседству, собираются для демонстраций на улицах. Вишняков по своим стрелять не хотел. И готовить других к таким стрельбам тоже не хотел. Время от времени он как бы ненароком поговаривал:

- Пуля дура, а мы должны быть умными. Смотри внимательно, Николай Александрович, куда целишься. Смотри, чтобы мишень не ожила случайно!

Стреляли на Малиновой даче из малокалиберных и шомпольных пистолетов. По большей части были это пистолеты знаменитых французских мастеров середины прошлого столетия, чьи имена

тоже были почти легендарными - Лепаж-Мутье, Девим... Мишени чертились по международным образцам: белый центр диаметром 1 сантиметр, вокруг него черный пояс шириной тоже 1 сантиметр, далее еще шесть белых сантиметровых поясов. Наружный пояс обозначался 0, белый центр - 7, черный круг - 6 и так далее.

В начале весны 1905 года Вишняков сказал, что Панин готов к первенству России, и они вместе отправились на петербургское Семеновское стрельбище, чтобы детальнее познакомиться с условиями соревнования.

Вот как проходили тогда чемпионаты. Стрельба из пистолета или револьвера длилась целый месяц - в апреле и мае. Каждому участнику выдавалось 30 конкурсных мишеней с печатями и подписями членов судейской бригады на обороте каждой мишени. Именно из числа этих мишеней, стрелянных семью пулями каждая, обязательно в присутствии судьи, следовало представить пять лучших для участия в конкурсе на звание первого стрелка России. Чемпион награждался большой золотой медалью и переходящим Кубком. Тройка призеров, шедшая за ним, - малыми медалями: золотой, серебряной и бронзовой.

В Семеновском тире Панину и Вишнякову показали прошлогодние мишени Семичова. Панин видел такие мишени впервые, он держал их в руках и рассматривал с уважением, но без благоговения. Он рассматривал их и повторял, что у него будут не хуже, некоторые серии уже и сейчас не слабее. В 1904 году Семичов стрелял отлично. Пять мишеней принесли ему такие результаты: 43, 43, 43, 42 и 42 очка, а в сумме - 213 очков. Что ж, ориентир есть. И Панин записывается для участия в турнире. В ответ на вопрос, какой клуб он представляет, отвечает привычно:

- «Общество любителей бега на коньках»...

- Но ведь у вас, насколько известно, стрельба и стрелковые соревнования никогда не практиковались?

- Что поделаешь, кто-то ведь должен начинать. Вот я и буду первым...

Сказав это, подумал, что он обязательно будет первым, пусть не сразу, но обязательно будет!..

После окончания формальностей Панину была выдана пара общественных пистолетов «Девима», выпущенных в 1859 году и имевших номер 1711. Он пользовался ими и для тренировок, и для соревнований. Дуэльные пистолеты были красивы, удобны, их калибр - 10 миллиметров - давал возможность на равных бороться с общепризнанными лидерами. Только одно огорчило Панина - прицел и мушка у «Девима» были неважными, шаткими, и надо было на ходу приспособливаться к ним, а времени оставалось совсем немного. Так, в жестком цейтноте и пришел он тогда к финишу и набрал в пяти мишенях 207 очков (43, 41, 41, 41, 41). Этого хватило для серебряной медали, а впереди был Семичов - 211 очков и капитан кронштадтской крепостной артиллерии А. Каш - 208 очков.

Панин был доволен. Стрелял он ровно, дистанция, отделявшая его от большой золотой медали, - совсем крохотная. С Семичовым удалось познакомиться: невысокий, плечистый, рука твердая, серые глаза смотрят внимательно и дружелюбно. Спросил: «Пистолетами своими довольны? «Девим» вообще-то хорош, но каждый стрелок для выражения своей индивидуальности должен его обязательно подгонять по себе. У меня на это ушли многие месяцы. Так что и у вас еще есть запас...» Панину совет пришелся в пору. Он уже полюбил «Девим» и был очень рад, когда руководители «Петербургского атлетического общества» - главного организатора стрелковых чемпионатов России - предложили «взять их в исключительное пользование».

Теперь можно было броситься в погоню. Панин, не медля ни минуты, приступил к изобретательской деятельности. Много вечеров подряд после работы он изучал свои пистолеты. Он привык к ним так, что каждую деталь мог бы заново создать только по памяти. Все в пистолетах было по душе Панину, но прицел и мушка по-прежнему раздражали своей незаконченностью, не дававшей возможности прицеливаться быстро и легко. Пришлось взять в руки напильники и тончайшую наждачную бумагу, ибо оружейники так и не смогли сделать по панинским чертежам то, что ему хотелось.

Панин посмеивался над собой. Другьям он говорил: «Я теперь, как лесковский Левша, без помощи мелкоскопа с точностью до микрона могу прицел и мушку отшлифовать. Кончики пальцев просто чудовищную тонкость ощущений проявляют. Может, мне теперь взяться за чтение книг с закрытыми глазами и с помощью осязания? А то ведь работу над пистолетами закончу и скучно без нее станет?»

Скучно, конечно, ему не стало. Даже наоборот - хлопот прибавилось. Пистолеты были готовы к рекордной стрельбе, но тренироваться надо было каждый день, и по нескольку часов, а где взять время, чтобы его хватило и на работу, и на домашние дела, и на чтение, и на фигурное катание, а теперь еще и на стрельбу? Решение он принял быстро. Раз можно стрелять на веранде, почему бы не оборудовать тир прямо в квартире? Ведь он уже стрелял когда-то в детстве в своей комнате. Правда, то был пружинный самострел и пули были восковые, но суть дела от этого не меняется: домашний тир - самый удобный, никуда ходить не надо, никто тебе не мешает, и можно добиться полной сосредоточенности при каждом выстреле.

И тир в квартире Панина был создан. Дистанция оказалась нормальной после того, как открыли двери в трех комнатах и образовался как бы сквозной коридор. Мишень крепилась к

чугунной доске, а саму доску Панин установил на подоконнике и обрамил ее двумя рефлекторами из бумаги.

Ежедневная тренировка требовала 35 выстрелов. Ни больше и ни меньше. К такому выводу Панин пришел чисто эмпирическим путем. Если сделать меньшее количество выстрелов, остается чувство неудовлетворенности, незаконченности. И тогда на следующей тренировке эта предыдущая незаконченность обязательно скажется в поспешности стрельбы, в жадности насыщения. А если сделать больше выстрелов, в глазах рябь пойдет, голова станет тяжелой. Рука не то что устанет, тонкость чувств потеряет. И снова на следующий день тренировка получится неудачной. Не спасут и превосходные новые прицелы.

«Возможно, - рассуждал иной раз Панин, - что все это я придумал для себя, что можно в зависимости от состояния духа и тела стрелять и больше и меньше, чем по тридцать пять пуль. Но, с другой стороны, придуманная и утвержденная «личная норма» стала меня дисциплинировать, создала рамки прочности. Лучше уж себя подгонять к этим оптимальным рамкам, чем ежедневно менять тренировочные задания в угоду своему настроению».

И он стрелял каждый день в одно и то же время положенные свои 35 пуль. И жильцы окружающих домов привыкли к этим сухим щелчкам, они стали для них как бой часов или выстрел в полдень пушки Петропавловской крепости.

Сначала Панин набирал 38 очков семью выстрелами. Затем 46, а ведь всероссийский рекорд был только 44. Правда, условия в домашнем тире камерные, а на соревнованиях - и азарт, и опаска, и всякие непредусмотренные помехи. Но если можно устанавливать рекорд дома, то и на Семеновском стрельбище, жестко взяв в руки нервную систему, не страшно пойти на рекорд.

И он пошел на него. И думал о Семичове. О поединке, который не состоится уже никогда. О поединке, который будет продолжаться многие годы. О рекорде, который он посвятит ему.

29 апреля 1906 года Николай Панин начал рекордный стрелковый марафон, растянувшийся на десятилетия. Две конкурсные мишени дали 42 и 44 очка. 10 мая к ним добавилась еще одна - 41 очко, на следующий день - 42. О том, что было потом, Панин рассказывает скупно, как бы с холодком: рекордсмен всегда должен сохранять чувство собственного достоинства - и в радости, и в горе.

«...14 мая наступил день моей большой удачи.

В присутствии вице-президента «Общества» и ряда стрелков я, сделав первый выстрел по конкурсной мишени, «ослепил» ее, т.е. чисто выбил всю белую семерку, попав в самый центр.

«Плохой знак, - заговорили зрители, - шикарная первая пуля предрекает промах».

Служитель «Общества» Петр, по правилам, подложил под пробоину темно-серую бумагу.

Второй выстрел: мишень не изменила вида. «Ну, так и есть, мимо...» Но я вижу в бинокль иное. Петр подходит, оглашает: «Туда же!» - и передвигает бумажку. Сенсация: пуля в пулю, да так, что если б не бумажка, не доказать бы попадания.

Третий выстрел: злая «шестерка», 2 часа («злой» у нас называлась пуля, немного не задевшая лучшего пояса; сторона отклонения пули от центра мишени определялась применительно к часовому циферблату).

Четвертый: злая «шестерка», 4 часа. Пятый: «семерка», 3 часа, как раз в середине прежних пробоин, и опять бумажка доказала попадание.

Шестой: добрая «шестерка», 9 часов. Седьмой: «шестерка», 1 час.

Результат - новый всероссийский рекорд в стрельбе из пистолета - 45 очков. Составилась серия: 45 + 44 + 42 + 42 + 41=214 очков. Чемпионат был за мной, и отстреливать остальные конкурсные мишени мне уже не было надобности...

Я получил две большие золотые медали «Атлетического общества» за чемпионат и за всероссийский рекорд, переходящий Кубок, а за исключительно высокие достижения мне преподнесли в собственность эту замечательную пару пистолетов «Девима» № 1711, в ящике красного дерева со всеми принадлежностями, украшенными художественной чеканкой...»

Все это мог бы рассказать Панин, когда стояли они перед стендом с мишенями рекордсменов тира «Гастинн-Ренетт», но для этого потребовался бы другой собеседник, да и место другое. Панин ведь в тир пришел не случайно, не из праздного любопытства. Его привел сюда Семичов, еще три года назад описав молодому стрелку и здешнее стрельбище, и условия французских стрелковых конкурсов. С тех пор Панин мечтал попасть в ту же кабину, в которой стрелял Семичов. И вот перед глазами большой светлый продолговатый зал тира. Он разделен на две неравные части: одна - для зрителей, другая - для спортсменов. В стеклянной стене серебристые прямоугольники - двери, ведущие в кабины. Одна из них - на правом фланге огневой позиции - та самая, «семичовская». Брокау слегка растерян и не понимает, почему Папин сразу идет именно к той кабине, - может, боковая и не самая лучшая?

- Мы здесь с земляком моим как раз встретались.

Интересная была встреча, до сих пор помню, - говорит Панин Брокау и шаржеру - служащему тира.

- В честь той давней встречи и хочу сегодня устроить небольшой салют. С фейерверком. Стрелять буду из собственного оружия.

Панин вместе с Брокау и шаржером размещается в кабинке. Здесь просторно, уютно, как в гостиничной комнате. Шаржер вешает первую мишень на шестнадцатиметровой дистанции, на той самой, где разыгрывается главный приз. Условия очень хорошо знакомы Панину: в 1907 году «Атлетическое общество» организовало специальный постоянный стрелковый турнир в память чемпиона России Михаила Семичова. Главный приз - медаль червонного золота с портретом покойного чемпиона. Получить ее мог каждый, кто, как Семичов в «Гастинн-Ренетт», всадит двенадцать пуль подряд в обычную мишень, не выходя из четвертого пояса и выбив не менее 70 очков. В мае во время первого розыгрыша приза Семичова Панин в Семеновском тире сумел послать все двенадцать пуль в середину мишени, ни разу не «прикоснувшись к «роковому рубежу» четвертого пояса и набрав при этом 74 очка. Рекорд Семичова он повторил, и самым ценным в этом повторении было то, что стрельбу вел не в закрытом зале, а на стрельбище, где гулял довольно сильный ветер и его порывы свободно могли унести пистолетную пулю в сторону.

Пять месяцев во время подготовки к Олимпиаде Панин не прикасался к пистолетам. Пять месяцев старался не думать ни о чем, кроме фигурного катания. И иногда ему это удавалось, а иногда нет. Иногда, чтобы успокоить себя после не слишком удачных тренировок специальных фигур, когда не удавался заковыристый «крюк» и «орел» никак не мог клюнуть свою олимпийскую добычу, он переносил себя в тир, пустынный, тихий, ожидающий, поднимал руку, утяжеленную любимым «Девимом», всматривался в прорезь прицела, искал чуть белеющую «семерку» и тихо, плавно нажимал на крючок. Выстрела не было, рука не вздрагивала, но все равно пуля летела в цель. И когда он видел

гладкие края бумажных ран, возникающих именно там, где им и положено было быть, становилось веселее и можно было возвращаться к следам на льду.

И все-таки в тире он не был пять месяцев. Пистолет занял свое привычное место в руке, он сразу врос в нее накрепко, так, что Панин даже удивился, а потом похвалил его. Пистолет стал продолжением руки. Он мог удлинить ее еще сразу на 16 метров, надо было только дать команду. И Панин, не колеблясь, ее дал.

Привычным движением он поднял пистолет. Привычно посмотрел сквозь прорезь прицела на мишень. Мушка замерла под краем черного шестого пояса. Волнения не было никакого, и даже приподнятость и торжественность, возникшие при виде этого зала, тоже исчезли. Палец нетерпеливо попробовал потянуть спусковой крючок, однако Панин не позволил ему это. «Нетерпение - плохой советчик, погоди чуток. Вот теперь можно попробовать».

Выстрел принес первую «шестерку». Второй понес пулю вдогонку за первой. Еще пять пуль легли рядом, и ни одну из них карусель азарта не вынесла за пределы «рокового круга».

Да, навыки не забылись. Рука тверда, глаз зорок. Что еще надо стрелку?

Можно и за конкурсную мишень приниматься, разминка удалась на славу. Но тут Панина удивляет шаржер. Он вдруг произносит почтительно:

- Мосье, у вас дело идет на золотую медаль...

- Как? Ведь это простая пробная мишень?

Но простая мишень в присутствии официального лица - а шаржер таковым и является - автоматически становится «официальной», и

Панину нужно сделать еще пять точных выстрелов, чтобы выполнить все условия, необходимые для завоевания высшей награды.

...Маленькая психологическая драма, в которой часто не признается себе даже очень опытный спортсмен. Пока все шло в тренировочном ритме, пока на карту ничего не было поставлено, стрелять было легко и просто. Никаких проблем. Прицелился без спешки, нашел мишень, сделал выдох, задержал дыхание, подумал, без спешки нажал на спуск, с удовольствием и без всякой тревоги прислушался к выстрелу. Никаких оттенков, никаких ненужных мелодий. И вдруг, когда тренировка заканчивается, выясняется, что и не тренировка это вовсе, а самое настоящее соревнование. И золотая медаль близка, и высокий результат - вот он, рукой до него подать. Но последний шаг - он самый трудный. И хотя число попыток не ограничено, чем дальше, тем больше возрастает степень риска. И дольше задумываешься при каждом выстреле, чаще переводишь дыхание. Прицелился - показалось, что дрогнула рука, спустил ее, подождал, снова прицелился - и снова отложил попытку. Сколько опытных спортсменов так и не смогли выполнить требования конкурса в «Гастинн-Ренетт» только по одной причине: после первых удачных выстрелов они начинали волноваться все сильнее и сильнее - ведь один только неудачный выстрел мог испортить всю двенадцатипульную серию.

Первый акт прошел для Панина совсем незаметно. Тем сильнее мог нанести психологический удар второй акт. Шутка ли сказать - еще пять пуль подряд нужно положить в сердцевину мишени. Ну что ж, поборемся. Панин позволяет себе небольшую передышку. Он поворачивается к Брокау и видит бледное от волнения и азарта лицо американца.

- Ну-ну, Ирвин, не следует так волноваться. Это ведь не на олимпиаде, здесь нет судей, которые поставят не ту оценку, которую вы заслужили. Мишень врать не будет. И пистолеты у

меня как верные друзья. Предательства от них ждать нельзя - ведь и я для них преданный друг. Так что не бледнейте, сейчас поедем дальше, только без спешки, без всякой спешки, конечно...

Панин уходит один к своей огневой черте. Антракт закончен, актеры занимают свои места, занавес поднят. Начинается последний монолог. Пять пуль, пять пуль, пять пуль... И каждая из этих пяти пуль может оказаться роковой.

Гигантский невидимый метроном начинает отбивать «новое время». Оно движется медленнее и медленнее. Панин приказывает себе настроиться на пульс нового времени. «Никаких резких движений. Плавно опускаю руку, спокойно беру пистолет. Нежнее, нежнее. Подумай, какая замечательная ручка у пистолета и какая она для тебя удобная. Замечательный пистолет, верный друг, точный боец. В цель, только в цель бьет он, и я ему всегда помогаю в этом. Вот и сейчас ударим по цели вместе. Где эта цель? Вот она, передо мной, найдена вместе. Не дрожит, не убегает, ждет. И мы тоже за ней бежать не будем. Вздохнем поглубже. Вот и совсем покойно стало. Чего-то нам не хватает? Чего же? Тишина начинает давить. Пора ее убрать, потому что не хватает одного - выстрела. Он разорвет тишину, он заставит встрепенуться тело, он заставит моргнуть глаз. И снова станет легко и обновленно. Сигнал дан. Стальной палец, стальной спусковой крючок. Рука окончательно сливается с пистолетом, палец со спуском. Воздух дрожит. Легкий звон в ушах. Пороховой дым, самый лучший аромат в мире. Синее облачко, скрывшее мишень и рассеявшееся в момент. Где она, мишень? Где пробоина? На месте, на месте. Ах, как замечательно! Стоп, стоп! Никаких эмоций. Радость уже позади. Ее не было. Есть только метроном. Никаких резких движений. Плавнее, плавнее. Все начинается с начала...»

Восьмое попадание. Девятое. Десятое. Одиннадцатое. Маятник раскачивается. И вдруг разбивает хрустальную тишину. Панин даже вздрагивает от неожиданности. Что случилось, черт побери?

Что случилось? Откуда крик, и шум, и топанье ног? Он оглядывается и видит за стеклянной стеной толпу зрителей с биноклями в руках. Они выражают свое одобрение его выстрелам, но откуда они взялись, как возникли из утренней пустоты стрельбища? Он забыл о замедленном ходе времени, о том, что прошло его немало с тех пор, как грянул первый выстрел. И снова забывает об этом, потому что осталась последняя попытка и пистолет уже лежит в руке.

«После глубокого вдоха беру мишень на мушку, тяну все сильнее на спуск. Нет, рука качнулась - отставить! Опять дышу глубоко, опять беру на мушку... Рука как мрамор. Все крепче сжимаю пистолет и спуск... Бах! Смотрю - в белом пули нет, значит, она в центре. Все в порядке. Французские стрелки устраивают мне овацию. Брокау жмет руку. Шаржер поздравляет».

Телеграфная дробь воспоминаний. Она возможна только тогда, когда событие осталось далеко позади. Ушли эмоции, ушли почти все детали. Остался только факт во всей своей обнаженности. Факт можно препарировать и вновь, не торопясь, попробовать вынуть на белый свет внутренности событий. Но тому, кто создал факт, это уже ни к чему. И Панин тоже, вспоминая о своей победе в Париже, многое оставляет недосказанным. Пунктир, штрихи, контуры. Психологи и историки, исследуйте цепь событий, находите закономерности, заполняйте пустоты!

Не раз и не два впоследствии Николай Александрович напишет: «Примечательное для психологии спорта явление!», «Дать ответ на этот вопрос могли бы наши психологи и физиологи» и т. д. Сам он препарировать свои действия не хочет, тем более что поступки, мысли, побудительные мотивы одного человека не могут дать закономерностей, знание которых важно для многих. («Я могу дать вам факты. Много фактов. К ним присоединю место действия, расскажу об окружающих меня людях, условиях. Добавляйте к этому свои знания, свой жизненный опыт. Опыт многих даст новые

Стихают восторги. Мишень Панина отправляется на заветный стенд, чтобы занять место рядом с мишенью Семичова. Отныне великолепная серия выстрелов русского чемпиона становится достоянием истории. Но у него сохраняется боевое настроение. Он еще не настроился: пять «голодных» месяцев дают о себе знать. И когда ему предлагают сделать попытку завоевать еще и серебряную медаль, Панин, не колеблясь, соглашается. Условия конкурса здесь не слишком сложные для человека, только что получившего золотую награду, - надо разбить подряд без промаха двадцать пять гипсовых колпачков размером с куриное яйцо, надетых на железные крючья. Дистанция 16 метров. Задача упрощается еще и тем, что при удачном выстреле пуля, попавшая в середину цели и разбившаяся о крюк, разлетается свинцовыми брызгами и поражает еще несколько колпачков. Такие попадания тоже засчитываются.

Панин стреляет быстро, чуть ли не навскидку. Не успевает гипсовая пыль улечься, не успевает эхо выстрелов стихнуть, как вновь клубится белое облачко и обломки двух, а то и трех колпачков устилают пол тира. Не потребовалось двадцати пяти выстрелов. И двадцати тоже. Полтора десятка пуль - и с гипсовыми колпачками покончено. Есть серебряная медаль!

Спортивный кураж овладевает Паниным. Он все еще голоден. Он во власти того экстаза, который сродни творческому, когда нет ни малейших сомнений в своих силах, когда любая задача по плечу. Какие там еще призы остались? Подавайте их сюда?

Ах, снова колпачки! Теперь уже пятьдесят, но разбить надо опять-таки подряд, без промахов. Что ж, это не сложно. Стрельба эффектная, грохоту и обломков много, но эмоций мало. Цель-то крупная, промазать просто невозможно для опытного стрелка.

Не проходит и часа, как бронзовая пластинка с оригинальным барельефом, изображающим пистолет и стрельбу в тире, отправляется вслед за золотой и серебряной медалями.

Больше призов нет. Абсолютный рекорд тира «Гастинн-Ренетт» установлен. Салют в честь Михаила Семичова дан!

Брокау предлагает отметить успех бокалом шампанского в небольшом кафе при тире, и Панин соглашается. Сегодня Брокау сравнительно молчалив: он увидел Панина в деле и вопросов у него больше нет. Почтительность, с которой новички обращаются к мастеру, сквозит в каждом слове.

Но и в кафе нет покоя. Не успели поднять тост за успех, как столик окружили французские стрелки и обычные зрители.

- Мосье Панин, примите самые искренние поздравления!

- Мосье Панин, вы самый великий стрелок из всех, кого я встречал на своем веку (это ветеран колониальных войск с розеткой Почетного легиона в петлице) !

- Мосье Панин, много ли в России таких стрелков, как вы и мосье Семичов?

Панин терпеливо отвечает на вопросы, благодарит за поздравления. Церемониал хотя и утомительный и уже не доставляющий особой радости, но всегда необходимый - если и не самому победителю, то всем этим шумным и непосредственным людям. А на последний вопрос он, русский чемпион, просто обязан немедленно ответить:

- В России таких стрелков, как я и покойный Семичов, множество. Русские - прирожденные стрелки. Это у нас в десятках поколений, в крови. А уж как стреляют наши сибиряки! Тамошние охотники белке в глаз попадают. И осторожному соболю тоже. Иначе шкурка

будет испорчена. А вы ведь знаете, как дорого стоит каждый соболь?

Практичные французы кивают. Да, да, они наслышаны о самых дорогих в мире соболях палантинах. Их ведь, кажется, носят только русские цари? Панину хочется прекратить разговор. Но тут, воспользовавшись паузой, к нему пробирается толстячок с розовым лицом:

- Мосье Панин, один деловой вопрос: вы не собираетесь продавать свои чемпионские пистолеты? Если собираетесь, я готов хоть сию минуту выложить шесть тысяч франков золотом! Мосье Панин, не отвечайте сразу отказом, подумайте хоть немножко. Шесть тысяч золотом - огромная сумма, но если она вас не устроит, я готов еще прибавить!.. Я за ценой не постою.

Панин отвечает не раздумывая. Он говорит жестко:

- Пистолеты я не продам ни за какую сумму. Мы, русские, друзей никогда не продаем - даже за все золото мира.

Снова овация. Самая могучая за весь этот богатый событиями день. Но не последняя.

Оставался еще один визит. Когда они с Брокау обсуждали программу пребывания в Париже, то договорились, что кроме тира обязательно побывают в новом парижском Дворце льда. Дирекция Дворца, узнав, какие гости пожаловали, пригласила Панина и Брокау прийти покататься в часы, когда каток закрыт для широкой публики. И этот каток, как берлинский, был сооружен для развлечения богатых зрителей: он был круглым, как цирк, а над ареной располагались десятки лож, куда из ресторана приносили напитки и закуски. В тот час, когда Панин и Брокау вышли на лед, в ложах было пусто, и только несколько человек сидели в глубине одной из них.

Брокау слегка размялся, а затем превратился в зрителя. Он внимательно всматривался в обязательные и специальные фигуры, которые экспромтом вычерчивал Панин. Счастье и наслаждение сквозили в каждом движении олимпийского чемпиона. Затем Панин в соревновательном темпе выполнил свою произвольную программу, с которой так и не смогли познакомиться лондонцы и судьи Олимпийских игр. Она была построена в ритме марша, и марш этот оказался для Панина победным. Зрители в ложе поднялись, вышли на лед и стали аплодировать. Слегка раздосадованный, Панин подъехал и поинтересовался, кому обязан такой честью. Тут выяснилось, что в ложе находятся профессиональные инструкторы - фигуристы и конькобежцы. Они восторженно отозвались о технике русского фигуриста и его артистичности.

Так закончился октябрь 1908-го, самый счастливый спортивный месяц в жизни Николая Панина.

Глава 6. История - это будущее наоборот

16 января 1868 года желтые плакаты возвестили любителям катания, что знаменитый танцор-конькобежец Дж. Гейнс покажет свое искусство на катке Венского общества. Программа охватывала четыре номера: марш, вальс, мазурка и кадриль.

Эти и последующие выступления его были днями рождения венской школы фигурного катания. Хотя многие из присутствующих уже видели Гейнса на тренировке, но на этом выступлении его все были поражены. Его худощавая, едва достигающая среднего роста фигура оказалась способной на незаметные, но мощные напряжения. Толчок при движении по дугам был совсем невидим, все повороты были так молниеподобно быстры, что нужно было напряженно всматриваться, чтобы не пропустить момента их. При этом все движения были так приспособлены к ритму музыки, что балерина на сцене не могла бы показать лучшего. Прыжки Гейнса, змейки, пируэты на носках и, наконец, низкий «волчок» никогда никем более не были исполнены в таком совершенстве. До сих пор никому не удалось выехать из точки вращения «волчка» развернутой спиралью в три оборота. Гейнс терял в бешеном вращении свою шапочку и по окончании фигуры, выезжая прочь назад-наружу, с безукоризненной уверенностью поднимал ее со льда без всякой остановки.

Франц Бибергофер. «Хроника венского фигурного катания»

Панин на несколько минут делает передышку. Том Гёте лежит перед ним, и он не может сдержать восторга, читая и перечитывая строку за строкой. Вот уже несколько недель изучает он Гёте, доброго, старого и так хорошо знакомого с детства Гёте. Школьного Гёте. Но теперь он совсем иной. Это взрослый и мудрый Гёте, и Панин находит в каждой его строке, в каждой мысли созвучие с собой, со своей работой, со своей жизнью. Он вернулся к нему случайно, хотя в каждой случайности есть своя закономерность. И теперь счастлив, что старое доброе знакомство возобновилось.

Кроме томика Гёте на столе лежит небольшая копия с картины Каульбаха «Гёте во Франкфурте». Лед, отражающий голубое небо. Яркие наряды франкфуртских модниц. Далекое купола соборов. На льду группа конькобежцев. Коньки старинные, нос спиралью загнут внутрь, спереди пышные узлы кожаных завязок. Взгляды катающихся скрещиваются на одной фигуре: молодой пышноволосый человек, скрестив руки на груди, стремительно мчится вперед. Он задумчив, лоб его высок и светел. Именно таким, утверждает художник, и должен быть поэт.

И еще на письменном столе - стопка чистых листов. Неразборчивым панинским почерком на верхнем запись: «Из старинной «Энциклопедии упражнений и спорта» Трихтера (1742 г.) можно заключить, что в то время катание если и практиковалось в Германии, то лишь в очень малой степени. Однако к концу столетия этот спорт проникает в буржуазную массу, главным образом под влиянием современных великих поэтов, писателей и педагогов. Клопшток, Гёте, Лессинг, А. фон Платтен были страстными любителями коньков; первые двое, встретившись впервые в жизни, тотчас же завели речь о катании на коньках и вступили в юмористический спор о том, как правильнее называть конек: по-северогермански «шриттшу» или по-южному «шлиттшу».

Все они воспевали катание на коньках в своих одах, балладах, песнях и романах...»

Николай Александрович продолжает труд почти всей своей жизни. Он пишет новую книгу о фигурном катании. В отличие от всех предыдущих, в ней будет огромный раздел, посвященный истории этого вида спорта. Он увлечен этой главой, увлечен поисками сведений, которые приходится буквально по крохам выискивать в сотнях книг последних столетий. Книги на французском, английском, немецком языках, книги шведские и финские. Переводов он не признает - только оригинал может дать точную информацию, не искаженную промежуточными эмоциями. Вот почему, зная три языка, он начинает изучать новые. Вот почему он - один из самых активных посетителей отделов искусства букинистических магазинов.

Что ищет он в «преданьях старины глубокой»? Почему вдруг - история фигурного катания, происхождение конька, зарождение «искусства» в катании на коньках?

Знаменитый афоризм, что история - это будущее наоборот, мог бы стать эпиграфом к исторической работе Панина. Он непрерывно думает о будущем отечественного фигурного катания, он старается заглянуть на десятилетия вперед даже тогда, когда ему под восемьдесят. Возможно, эпизод начала пятидесятых годов позволит читателям достаточно отчетливо понять еще одну черту характера Панина.

...Кабинет одного из руководителей ленинградского спорта. Кабинет красивый, в старом особняке. Сама обстановка настраивает на беседу солидную, фундаментальную, обстоятельную. Панин и приглашен именно на такого рода беседу. Вместе с ним один из его учеников, человек, пользующийся достаточным авторитетом и среди тренеров, и среди спортсменов, и среди спортивных ученых. Разговор начался без разминки.

- Уважаемые фигуристы, мы пригласили вас, чтобы сообщить одну очень важную новость: принято решение о том, что наши спортсмены будут участвовать в очередных Олимпийских играх 1952 года. Поездка на летнюю Олимпиаду не вызывает никаких сомнений, дискуссии вдут о том, надо ли выступать на зимних Играх. В частности, много различных мнений есть о том, как смогут выступить там наши фигуристы, есть ли у них серьезные шансы на завоевание олимпийских наград? Именно для этого мы и пригласили вас сюда. Вы, Николай Александрович, человек опытный, на олимпиадах вы выступали, от вас мы и хотим в первую очередь услышать ответ. Итак, можем ли мы, форсированно подготовившись - средства и базы для этого будут, - рассчитывать на завоевание олимпийских наград? Если хотите, могу предварить ваш ответ собственным мнением: я считаю, что мы должны рапортовать о том, что советские фигуристы готовы на любой подвиг!..

Николай Александрович несколько секунд внимательно смотрит на своего собеседника. Это розовощекий, энергичный человек, к чьему мнению прислушиваются многие специалисты. Он человек дела, при нем ленинградские спортсмены начали резко повышать свои результаты, хотя в городе, выдержавшем блокаду, многие проблемы решались гораздо труднее, чем в других городах страны. Этот руководитель хочет услышать от него, Панина, ответ совершенно определенный. Он, по существу, уже подсказал ему ответ-рапорт. Но Панин такого ответа дать не может.

- Суровая сегодняшняя реальность в фигурном катании заключается в том, что поколение фигуристов, которое могло бы удачно выступить на Олимпиаде, частично потеряло своих лучших представителей на фронте, и оставшиеся в живых не тренировались несколько лет и теперь вряд ли смогут нагнать упущенное. Если взвесить все наши шансы, подсчитать все наши ресурсы, то

неизбежно придешь к грустному выводу: на успех во время Олимпиады советские фигуристы рассчитывать никак не могут...

Человек за огромным столом смотрит на Панина в упор уничтожающим взглядом. Он краснеет, и голос его становится низким, еле слышным:

- Я вызвал вас сюда не для таких заявлений. Решается чрезвычайно серьезный вопрос. Нам надо поставить перед спортсменами сверхзадачи, нам надо повести их на штурм новых высот, а вы сразу же пытаетесь вылить на всех нас ушат холодной воды. Я считал вас опытным человеком, способным увидеть наши резервы и подсказать, как эти резервы следует ввести в бой, а вы...

В голосе звучит даже некоторая обида. Панин непоколебим:

- Если смотреть на ситуацию реально, то достижение олимпийских высот сегодня для нас совершенно невозможно. И ничего другого я вам сказать не могу: просто совесть не позволяет...

Ах, если бы человек за столом знал, как трудно, как горько олимпийскому чемпиону произносить эти слова. Снова русские фигуристы получают возможность выйти на олимпийскую арену, снова начнется утверждение русского стиля, ставшего теперь уже стилем советским и воплотившего в себя лучшие черты нового искусства, снова он, Панин, сможет быть полезным во время подготовки молодых фигуристов, которые должны стать продолжателями его дела. И вот он отказывается от своей мечты, отказывается сам, будучи в ясном и здравом уме.

- Но когда, когда же вы можете гарантировать высокие |результаты?! - вскрикивает человек за столом. - Вы можете ответить конкретно? Только такой ответ нам нужен...

- Да, могу. Если вести целеустремленную и глубокую подготовку с сегодняшними мальчиками и девочками, то даже в 1956 году вряд ли можно рассчитывать на медали. В 1960 году вероятность будет большей, но все-таки незначительной. Наше время наступит с 1964 года. Я это вижу, я в этом уверен, поскольку весь исторический опыт стоит за этим графиком.

Человек за столом смеется:

- Ну и планы у вас. Да кто же нам позволит так планировать! И вообще, кто знает, где мы будем к тому времени. Нам нужны сегодняшние результаты, запомните это - сегодняшние, а в крайнем случае - завтрашние. Через пятнадцать лет все забудут о нас с вами, о том, что такие люди были в спорте...

- Позвольте мне с вами не согласиться, - отвечает сдержанно Панин.

- Ваше положение мне совершенно понятно, но я в авантюрах участвовать не привык. Так что, извините старика, однако я предпочитаю думать и готовить каждый день, пока здоров и ноги меня держат, результаты, которые заставят говорить о себе именно через десятки лет...

Так и закончилась эта беседа. Спутник Николая Александровича был, мягко выражаясь, даже слегка напуган таким поворотом в разговоре. И одновременно потрясен. Он всматривался в лицо своего учителя, он старался запомнить выражение его глаз, он не сомневался, что Панин войдет в историю советского спортивного движения на столетия. И когда, потрясенный, пришел домой, записал каждое слово из разговора, свидетелем которого стал.

А Панин по дороге еще несколько раз возвращался к беседе и повторял: «Авантюризм в спорте - самое страшное. Вся история говорит об этом. И даже если получится какой-нибудь заметный результат, значит, потом на многие годы - провал, тьма. Надо

смотреть в будущее. Надо извлекать уроки из истории и обращать их на пользу следующих поколений. Азбучные истины, а как часто забывают про них».

...Исторические главы новой книги давались нелегко. Но они были необходимы, без них его работа была бы чисто техническим справочником, пособием, инструкцией, по которым можно было бы научить приемам, но не знанию всех глубин процесса. Это он понимал всегда, даже когда впервые в 1905 году взялся по поручению «Общества любителей бега на коньках» за учебник фигурного катания. Тогда Панин не помышлял о книге, которая стала бы всеобъемлющим учебником. Задача была намного проще: составить руководство по фигурному катанию для новичков и опытных спортсменов, с помощью которого они могли бы достаточно грамотно тренироваться и с тренером, и без него. Руководство должно было быть понятным и доступным каждому, кто увлекся фигурным катанием. Такого учебника в мировой практике не было вообще, и Панину предстояло быть первопроходцем.

Нести исправно службу чиновника в податном ведомстве Царскосельского уезда, тренироваться и выступать - и не только в фигурном катании - до книги ли тут было! Но Панин со свойственной ему методичностью и аккуратностью работу начал, и через пять лет учебник был готов.

Сначала были подняты на белый свет и изучены русские источники. Еще в 1838 году была издана книга учителя гимнастики военно-учебных заведений Петербурга Г. М. де Паули «Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами». Паули назвал бег на коньках самым «приличным и полезным зимним удовольствием», составляя забаву юношей, оно «одушевляет нередко веселость и людей взрослых, возбуждая участие и самих зрителей». Он замечает, что «в течение прошедшей зимы не только число катающихся на коньках увеличилось значительно, но даже

кадеты и воспитанники прочих заведений начали наслаждаться этим приятным удовольствием». Паули описывает различные модели существовавших коньков, описывает различные «искусные фигуры», приводит различные чертежи на льду.

До начала XX столетия в России вышло еще несколько книжек, посвященных фигурному катанию, - в основном слабые и куцые заимствования из зарубежных источников, не дававшие серьезного представления об этом виде спорта. Литературная база для новой книги была, таким образом, просто ничтожной.

Сам Панин начинал изучение фигур по известной книге «Следы на льду», принадлежащей перу основоположника венской школы фигурного катания председателя «Венского общества конькобежцев» доктора Корнера, и по «Памятной книжке», размноженной для «своих» в 1895 году «Обществом любителей бега на коньках». Но каждый новый сезон приносил усовершенствование фигур, приемов, чертежей, вырабатывая международный стиль катания. Прежние сведения быстро старели. К тому времени, когда началась работа над книгой, Панин не мог даже просто ориентироваться на какое-нибудь сравнительно новое зарубежное издание, посвященное новой технике катания.

С чего же начинать? Где найти нужный рычаг, с помощью которого можно поднять до мирового уровня отечественное фигурное катание?

И Панин решает: ориентироваться надо главным образом на отечественный и на собственный опыт! Он ведь уже выглядит значительным: многолетние тренировки привели чемпиона России на второе место (после Салькова) на мировом чемпионате, который состоялся г. Петербурге зимой 1903 года; выступлению на этом чемпионате предшествовали длительные занятия с известным тренером Виктором Зейбертом, «выпускником» венской школы,

много лет отдавшим подготовке фигуристов в будапештских спортивных клубах.

Именно во время тренировок с Зейбертом у Николая Александровича впервые появилась знаменитая толстая записная книжка, в которую он записывал каждый свой шаг на льду, каждое указание, реплику зарубежного наставника. А на первых ее страницах Панин постарался восстановить по памяти (напомним, что она была у него поистине уникальной) все, что он в прежние годы, будучи зеленым новичком, услышал и узнал от своих первых учителей на катке Юсупова сада в «академии» - А. П. Лебедева, Е. А. Гельфриха, Н. И. Кривинга.

В записной книжке Панин фиксирует даже не слишком значительные на первый взгляд детали. Отмечает, что Зейберт применяет «исключительно метод словесных объяснений, не прибегая к показу. И если добивается результатов, то нет сомнения, что они были бы еще выше и достигались скорее, если бы он не пренебрегал методом показа».

«На лед во время тренировок Зейберт выходит всегда без коньков, в валенках и в меховой шубе. Мы делаем разминку, применяя любые упражнения в течение 5-10 минут, сосредоточивая все свое внимание на правильной постановке тела. Потом наш тренер назначает школьное упражнение, не объясняя, как его делать, так как нам в основном это уже известно; после короткого наблюдения он останавливает нас и только тогда указывает ошибки и приемы для их исправления».

Цепкий свежий взгляд фиксирует все, и в голове создаются свои схемы, постепенно обрастающие мясом спортивного опыта, новых знаний. Панин, проанализировав несколько тренировок, отмечает, что предварительного планирования занятий у Зейберта нет. И это не лучший из методов организации практических занятий на льду. Конечно, Зейберт великолепный практик, его методика направлена

на подготовку мастера фигурного катания, в совершенстве владеющего техникой.

Но теоретически готовить спортсменов он не хочет, да, очевидно, я не может. Ни одного слова о теоретических основах движения в фигурном катании русские ученики Зейберта так и не услышали, ответа на вопрос «почему так, а не иначе» не было.

Возможно, какого-нибудь другого фигуриста такое положение дел вполне устроило бы, но для Панина это был лишь первый шаг в освоении новых просторов. «Я хотел во что бы то ни стало понять всю механику правильных движений, их закономерности, их основу... Я находился в большом затруднении. Из него был только один выход: фиксировать все практические приемы, дающие хороший результат, до самых мелких, а потом попытаться самому найти их внутреннюю связь и ответы на волнующие вопросы».

В Юсуповом саду существовали замечательные традиции. Здесь личные знания никогда не утаивались, старшие охотно делились своими спортивными новинками с новичками. Такие основы были заложены создателями «Общества», среди которых были академик архитектуры А. Бруни, профессор Петербургского университета В. Срезневский, юрист А. Лебедев, художник Р. Бюхтгер. Панин шел по их стопам. Общественной тренерской деятельностью он занимался неустанно. Наблюдения на занятиях у Зейберта легли в основу тренировок с младшими товарищами. В 1903 году, будучи уже чемпионом России, Панин подготовил целую группу талантливых фигуристов - А. Росса, Е. Тягельского, И. Биркина, К. Олло. В журнале «Спорт» Панин опубликовал серию методических заметок.

Все это стало хорошей основой для работы над учебником. Но прежде надо было завершить дело, которому Панин придавал особый характер, ибо видел в нем зародыш стройной структуры будущей «всероссийской школы» фигурного катания, позволяющей

последовательно поднимать по ступенькам мастерства тысячи фигуристов, обеспечивая преемственность и передачу всего объема информации от поколения к поколению.

Идея была не нова. Принадлежала она Алексею Павловичу Лебедеву, человеку, к которому Панин всегда испытывал самое искреннее и глубокое уважение. И не только потому, что Лебедев был первым учителем Николая Александровича, когда он стал систематически посещать каток Юсупова сада. Лебедев был выдающейся личностью, с оригинальным и сильным интеллектом. Многие его спортивные идеи опережали время и получили настоящее развитие лишь после революции. Таким было и предложение Лебедева о создании разрядных нормативов для фигуристов, которым увлекся Панин, тем более что оно перекликалось и с рекомендациями будущей книги.

Сегодня идея Лебедева не кажется нам сколько-нибудь оригинальной: разрядные нормативы давным-давно стали основой подготовки спортсменов не только в Советском Союзе, но и во многих странах. И никто не вспоминает, что первым предложил ее «дедушка русских фигуристов», первый неофициальный чемпион мира Алексей Павлович Лебедев. Именно он в 1895 году не только предложил ввести разрядные нормативы, но и выработал краткие правила с перечнем упражнений для сдачи испытаний по трем разрядам. К сожалению, предложение Лебедева не нашло нужной поддержки. Понадобилось восемь лет, чтобы идея, так сказать, созрела и стала доступной для понимания. В 1903 году комитет «Общества» наконец утвердил модернизированные Паниным правила разрядных испытаний.

Разрядов было установлено четыре. Основа экзаменов - требования международной программы. Те, кто выдерживал испытания, награждались соответственно бронзовым, серебряным значком, серебряным с золотыми коньками, золотым значком. Только-только

Разрядные требования были приняты, как вокруг них начался вполне здоровый ажиотаж. Уже сам процесс подготовки, а затем и сдачи испытаний был интересным и сразу же привлек десятки фигуристов. История сохранила имя первого русского спортсмена-разрядника - это Федор Датлин, один из самых верных и преданных учеников Панина. В течение многих лет он был конкурентом своего учителя, выступая вместе с ним и на внутренних, и на международных соревнованиях.

Разрядный значок (IV разряда) Датлину был вручен 31 декабря 1903 года. А затем уже его обладателями стали сам Панин и его ученик К. Олло. В 1905 году Панин стал первым обладателем II разряда, в 1907-м - самого высокого - I. Лишь через год присоединились к нему петербуржцы Олло, Фан-дер-Флит, Ксения Цезар и москвич Малинин.

Каждый новый спортивный экзамен Панина и его учеников был и экзаменом будущих рекомендаций, которые ложились в основу книги. Подобно некоторым ученым-экспериментаторам, Николай Александрович все основные опыты проводил неизменно на себе. Затем, после корректировки, применял рекомендации к своим ученикам. И только после этого опыт укладывался в скупые строчки книги. Никаких поспешных выводов, никаких непродуманных, неапробированных советов. Русские фигуристы должны получить учебник, который будет их надежным, добрым, все знающим советчиком. Задача максимальная и предельная. Другие варианты для Панина неприемлемы. Потому и работа идет сравнительно медленно, и на нетерпеливые напоминания некоторых руководителей «Общества» Панин непременно отвечает: «Мне хотелось бы, чтобы по нашим наставлениям могли заниматься и дети наши и внуки. И чтобы они всегда благодаря им были красивыми и здоровыми. Я чувствую себя не только спортсменом, но и врачом, педагогом. Так что спешка нам абсолютно противопоказана. Один промах, одна ошибка - и мы придем к искалеченным судьбам...»

Иногда Панин представлял собой весьма странное зрелище. Довольно солидный уже человек вдруг замирал и неожиданно, рывком поворачивал корпус вправо или влево. Так он повторял несколько раз, а затем как ни в чем не бывало продолжал прерванное дело. Служивцы даже коситься стали на него: Николай Александрович случайно не того?.. И на тренировках такое с ним тоже случалось, хотя здесь дополнительных заданий на вращение корпуса как будто и не требовалось. Выполняя сложную фигуру, Панин, бывало, останавливался на полпути и все тем же резким, ничем не вызванным поворотом изумлял своих коллег.

- Что это с вами, Николай Александрович, новый пируэт сочиняете или чертеж специальной фигуры на лед переносите?

Панин отшучивался как мог:

- Пируэт не пируэт, а вот задачу с одним, но очень важным неизвестным решаю.

- Отгадка уже близка?

- Да, она рядом, она уже во мне, а не дается. Хочу ее рывком враспloch застать...

Конечно, можно было и враспloch застать, да только не в характере Панина кавалерийские наскоки. Пять лет ушли на эксперименты, на анализ деталей, которые понятны только специалистам, на самоанализ, иногда мучительный, потому что требовал раздвоенности сознания. Шаг за шагом приближался Панин к пониманию общих закономерностей техники фигуриста. В конце концов, собрав все производимые фигуристом на льду движения, он пропустил их через центрифугу экспериментов и разбил на три основных, определяющих группы. В первую попали движения, направленные на получение и ускорение хода. Во вторую -

направляющие ход конька или изменяющие уже данное направление. И, наконец, к третьей Панин отнес движения, изменяющие положение тела так, чтобы изменился фронт скольжения или получилось вращение конька; сюда отнес он и движения, подготавливающие эти изменения или вращения.

Теперь уже легко можно было сформулировать основной признак каждой из групп. Им является направление движений. Если движения первой группы связаны с продольными перемещениями и ускорениями, а второй - с поперечными, то движения третьей охватывают круговые перемещения отдельных частей тела по продольной оси его. Само собой разумеется, что движения всех трех групп применяются чаще всего комбинированно, что создает механически очень сложные движения, при этом соединение первой и третьей групп совершенно невозможно.

Несколько сложные теоретические выкладки для нас крайне необходимы, тем более что они не так уж сложны для расшифровки. Речь идет о движениях и действиях ныне понятных - и с помощью телевидения, и без оногo - миллионам поклонников фигурного катания. В самом деле, кто не знает, как набирается скорость фигуристами. Или не знаком с шагами, которые помогают создавать сложнейший узор на льду, молниеносно перенося спортсмена или спортивную пару от одного борта к другому. И, естественно, все рукоплещут стремительным вращениям и прыжкам, в основу которых легли движения третьей группы.

Конструктивная жилка в мышлении Панина неизменно давала себя знать. Чертежи, векторы сил, таблицы. Все постепенно укладывалось на свои полочки, чтобы при первой возможности быть пущенным в обучение основ фигурного катания. По таблице закономерностей основных движений фигуриста можно получить нужные сведения, как школьник получает готовые ответы по таблице умножения. И в итоге Панин выводит основной закон, то

Волшебная восьмерка Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине
главное неизвестное, которое он искал в задаче протяженностью в пять лет.

Вот он, этот закон, формулировку которого Панин практически не изменял в течение десятилетий и с которым он сразу знакомит всех заинтересованных лиц в своих неоднократно переиздававшихся и все увеличивавшихся в объеме учебниках.

«Основной механический принцип техники фигурного катания заключается в овладении весом и инерцией своего тела в условиях скольжения на уменьшенной площади опоры посредством постоянных скручиваний и раскручиваний корпуса относительно нижней половины тела».

Все остальные факторы: работа опорной, свободной ноги и головы - необходимы и важны, но по сравнению с первым - работой корпуса- занимают второстепенное место.

Странные движения Папина, так удивлявшие его знакомых, нашли свое логическое объяснение. Искать закономерность - это не значит ждать озарения. Искать закономерность - это значит трудиться на открытие непрерывно. Напомню, Панин вел свои исследования в одиночку. У него не было сегодняшних прекрасно оснащенных лабораторий. У него не было никакой техники, которая позволила бы зафиксировать движения графически и тем самым облегчила бы погоню за закономерностями движений на льду. Ничего не было у Папина, кроме зрения ученого и исследователя, готовальни и ватманской бумаги, собственного тела, коньков и льда.

Можно только поражаться тому, как смог Николай Александрович проделать эту титаническую работу. Ведь была вокруг него еще и инерция отношения к спорту, как к делу совершенно несерьезному, никому не нужному. «Какие там закономерности, какой там научный поиск, тоже мне законы - вращения на коньках по льду. От

безделья все это, господа, люди с жиру стали беситься», - подчас Панин слышал нечто подобное не только за спиной. И требовалась абсолютная убежденность в правильности избранного пути и необходимости начатого дела для многих поколений людей, чтобы продолжать его без усталости, чтобы идти в своих поисках до конца.

И вот первая книга Панина готова. В ней масса фотоиллюстраций, чертежей, таблиц: каждый урок должен быть наглядным. «Общество» приняло на себя все расходы по изданию книги, и это позволило издать ее за рубежом на великолепной полиграфической базе. Книга получилась и умной, и красивой. Не случайно, сразу же после ее выхода в свет в зарубежных газетах появились заметки, в которых труд Панина назывался «единственным научно обоснованным в этой области, первым полным и серьезным руководством для подготовки фигуристов от новичков до мастеров международного уровня».

Книга признана мгновенно. Из-за границы посыпались предложения от книгоиздателей - американских, английских, французских - о переводе книги и переиздании. Но Панин отказывается от всех предложений, что тоже вызывает почтительное изумление. В чем дело? Панин отвечает, что он создавал книгу только для своих соотечественников. Но думает при этом еще и о том, что работа только начинается, что книга, несомненно, не дает ответа на многие вопросы педагогического характера, что ее еще надо усовершенствовать, а это потребует времени, так что тут не до переводов, переизданий. Главное - продолжать работу, не останавливаться, не удовлетворяться малым, когда можешь сделать гораздо больше.

А тем временем, получив отказ Панина, книгоиздатели заказывают учебники по фигурному катанию другим. Быстро позаимствовав большинство теоретических и практических разработок и рекомендаций Николая Александровича (и по большей части без всяких ссылок на книгу русского чемпиона), выпустили в свет свои

книги Э. Сайерс в Лондоне, Л. Магнус в Париже и, наконец, И. Брокау в Нью-Йорке. Панин, получив в свое распоряжение эти книги, был искренне огорчен. Авторов - известных фигуристов - он хорошо знал, не раз вместе выступали на соревнованиях, Ирвинг Брокау был ему даже ближе остальных, - и вот тебе на: никто не попросил у Панина разрешения использовать те или иные его мысли, выводы, гипотезы и законы в своих сочинениях, нет даже ссылок на книгу Панина, откуда взяты основные положения.

Панин, однако, не был злопамятным, тем более что его открытия в итоге пошли на пользу фигурному катанию. И когда из-за границы пришло письмо от Ирвинга Брокау с просьбой помочь, он охотно пришел ему на помощь. «Он прислал мне письмо с просьбой заказать ему пару коньков моей последней модели. Эта модель, выработанная в 1907 году, отличалась от сальковской более низкими стойками, несколько меньшим радиусом кривизны средней части лезвия, более низким положением зубцов на носке и большей легкостью всего конька вследствие вдвое меньшей толщины полоза (три миллиметра вместо шести).

Вот эту-то модель я и заказал для Брокау и отослал ему в Америку. Через несколько лет, уже в советские годы, в Высшем совете физической культуры мне довелось познакомиться с новым изданием книги Брокау «Искусство катания на коньках», 1926 год. В главе «История конька» я прочел следующее: «Проводя зиму 1909-1910 года за границей, я впервые увидел и испытал тот конек, который был тогда в употреблении среди лучших конькобежцев Европы, а также испытал международный стиль катания. Известный русский конькобежец и чемпион фигурного катания Н. Панин имел пару коньков в основном его собственного рисунка, и этот рисунок я использовал для Америки. Такие коньки были им сделаны для меня... В следующем году «А. Г. Спольдинг и братья» выпустили в массовую продажу этот конек под моим именем. Я полагаю, что всеобщее пользование этой моделью коньков способствовало восстановлению в нашей стране грациозного и

художественного катания, известного под названием «международного стиля».

И далее Николай Александрович с гордостью подчеркивает, что фигуристы Америки, только позаимствовав «нашу русскую модель», смогли перейти от безобразной и устаревшей местной манеры исполнения к грациозному и художественному новому стилю. Ни слова о том, что конек Панина превратился в конек Брокау, ни слова о плагиате, который никакие реверансы между строк книги не оправдывает. Русская модель помогла американцам освоить новый, более классный стиль - и это главное, ради этого можно забыть мелкие личные обиды!

На родине Николая Александровича чествовали как триумфатора. 28 декабря 1909 года общее собрание «Общества любителей бега на коньках» вынесло решение: как победителя многочисленных состязаний и автора сочинения, составившего гордость «Общества», избрать Н. А. Панина-Коломенкина почетным членом «Общества». Решение было принято единогласно. А на Царскосельской юбилейной выставке 1911 года в честь 200-летия города и на Всероссийской гигиенической выставке 1913 года Панину были присуждены большие золотые медали «За выдающееся в области спорта научное сочинение по фигурному катанию на коньках». Награды приятны, признание радует, тем более что книга уже настольное пособие у всех известных и многих неизвестных фигуристов. Но новая записная книжка, еще более толстая, чем раньше, неизменно в руках у Панина. Новые записи, пометки, чертежи.

И после революции Панин продолжает труд своей жизни, и томик Гёте на его столе - как ориентир в поисках прекрасного. А оно «существует в мире разрозненно, и это - задача нашего духа: обнаруживать связи и тем самым создавать произведения искусства. Цветок обретает свое очарование лишь благодаря насекомому, сидящему на нем, капле росы, которая его увлажняет,

сосуду, из которого он берет свою последнюю пищу...» И Панин ищет и находит взаимосвязи фигурного катания с другими пластическими искусствами. Он становится настоящим энциклопедистом, потому что старых знаний не хватает и надо серьезно изучать не только анатомию, физику или механику, но и литературу, архитектуру, балет и даже... языкознание.

Когда появились в Европе коньки? Археологи дают вполне определенный ответ, находя обломки костяных коньков среди остатков свайных построек на озерах Швейцарии. О таких же орудиях для бега по льду, как обнаруживает Панин, сообщают и литературные источники. В 1174 году кентерберийский монах Стефаниус в своей «Хронике знатного города Лондона» записал: «Когда большое болото, омывающее с севера городской вал у Мурфильда, замерзает, целые группы молодых людей идут туда заняться спортом на льду. Одни, шагая как можно шире, быстро скользят. Другие, более опытные в играх на льду, подвязывают к ногам берцовые кости некоторых животных и, держа в руках палки с острыми железными наконечниками, по временам отталкиваются ими об лед и несутся с такой быстротой, как птица в воздухе или копьё, пущенное из баллисты»

Костяные коньки находят повсюду. Первый президент Международного союза конькобежцев В. Мульер в своей книге о зимнем спорте утверждает даже, что в апреле 1869 года у бывшей лондонской крепостной стены вместе с древними римскими сандалиями была найдена и пара костяных коньков. Вот как далеко уходит история конькобежного спорта. Но сбором таких фактов Панин ограничиться не может. А что если провести сравнительно исторический анализ самого слова «конек»? Возможно, тогда обнаружатся новые данные о времени появления коньков?

Он выстраивает столбцы слов, взятых из языков народов, которые принимали, судя по всем имеющимся в его распоряжении данным, главное участие в создании коньков, его развитии. И находит здесь

прежде всего ряд слов, родственных средневековому латинскому «scatia»: старофранцузское - escach;

древнее англосаксонское - scitan;

современное французское - echasse;

современное английское - skate, skatch;

современное шотландское - skatcher;

современное голландское - schaats;

среднеголландское - skaetse;

современное датское и норвежское - skoi'te.

И отмечает, что все эти слова, несомненно, западноевропейского с «северным оттенком» происхождения. Большинство из них лишь впоследствии стали означать «конек», а первоначальное значение было - «башмак с деревянной подошвой», «ходули» или какое-нибудь иное приспособление для приподнимания человека, идущего с ношей. При этом самое раннее употребление слова «skate» в современном смысле Панин обнаруживает в англо-голландском словаре Гексама, изданного в 1648 году, а «schaats» относится к 1573 г. одно семейство слов. А второе группируется вокруг современного немецкого «schlittschuh» (помните спор Гёте и Клопштока?). Николай Александрович находит в немецких наречиях праслово «skritskohe», означающее сказочный «семимильный сапог» или обувь для фантастических полетов. Происхождение его совершенно очевидно, староскандинавское «skridsko» до сих пор остается в шведском языке. «Schlittschuh» является развитием древнего предка, оно окончательно укрепилось в немецком языке благодаря своему созвучию с подходящим по смыслу корнем слова «schlitten» - скользить.

Наконец, современное французское «*patin*», отмечает в своей записной книжке Панин, и английское «*patten*», происходят от латинского «*patini*», чье появление возможно не ранее конца XIII столетия. Их современная форма стала отмечаться в XV столетии, но тогда и долго еще после означала не конек, а деревянный башмак с выступающими из него гвоздями - чтобы не скользить на льду. Причуды языковых преобразований и смен смыслового значения на первый взгляд не поддаются учету, но соответствуют определенным законам...

В итоге Панин делает вывод, что наличие в европейских языках нескольких обособленных групп слов для обозначения конька и тот факт, что они имели ранее другое значение, подтверждают мнение, что возникли коньки не в доисторическую эпоху, а в более поздние времена - в начале нынешнего тысячелетия. «Ибо, если бы конек существовал уже в неолите, то, по всей вероятности, у всех позднейших разветвлений прагерманского племени должна была бы обнаружиться общность корня в их словах, обозначающих «конек».

И все-таки зачем же нужны весь этот тщательный и разнообразный анализ, поиски времени возникновения коньков? Ответ парадоксальный, но в стиле Николая Александровича. Все собранные материалы безусловно утверждают, что костяной конек не мог ни в какой мере способствовать зарождению искусства фигурного катания: это не конек в сегодняшнем нашем понимании, а, скорее, полоз сродни лыжам. И понадобилось изобретение железного конька, чтобы развитие конькобежного спорта быстро пошло вперед, приближая человека к новому виду спорта.

Забегая вперед, можно сказать, что Панин далее собирает сведения о железных коньках и их постепенном усовершенствовании опять-таки для того, чтобы параллельно проследивать связанную с этим эволюцию спортивной техники. Двуединство здесь налицо: новые

коньки дают толчок для появления новой спортивной техники, новых приемов, и, наоборот, новая техника требует модернизации самого орудия этого вида спорта.

Если дату появления костяного конька определить с достаточной точностью просто невозможно, то о металлическом коньке первые упоминания зафиксированы в 1380 году в скандинавском эпосе, а еще точнее - в саге о герое Фритьофе: именно он подкованной сталью ногой врезает в лед руны, изображающие имя его невесты Йнгеборг. Отыскав эту первую ссылку на стальной конек, Панин был счастлив. Он уже собрал целую коллекцию рисунков, показывавших голландских, английских, французских конькобежцев XV столетия. Судя по уверенной осанке, хорошей скорости, эти люди давно и основательно знали технику движения на коньках. Значит, изобретены они все-таки раньше. Пришлось перебрать сотни книг, пока он не наткнулся на сборник скандинавского эпоса с сагой о Фритьофе.

Нашел Панин и изданную в Голландии «Жизнь Людвины», в которой рассказывается о несчастном случае с шестнадцатилетней девушкой: в 1396 году, катаясь на коньках, она была сбита своей подругой и стала калеккой. На гравюре, помещенной в книге, на упавшей девушке хорошо известные впоследствии коньки - деревянная колодка с железным загнутым спереди лезвием. Кроме того, один из конькобежцев, изображенных на гравюре, скользит в характерной позе - с откинутой назад свободной ногой и некоторым наклоном наружу, - совершенно невозможной при костяном или деревянном коньке.

Словом, книги и старые рисунки подсказали время рождения железного конька. И одновременно дали представление о тогдашней технике конькобежцев, главным образом - голландских, ибо именно здесь, на широких, отлично замерзающих зимой каналах, были самые массовые катки Европы. Бег на коньках - естественное занятие голландцев, ведь, помимо всего прочего, это

был и самый быстрый, и самый простой способ передвижения по стране, усеянной тысячами каналов и озер. Жизнь придала массовый размах конькобежному спорту среди голландцев, сузив возможности для развития того, что называлось «искусством катания». Практичные голландцы изобрели специальный шаг в виде длинной дуги на одной ноге на наружном ребре, этот шаг в дальнейшем так и назывался - голландский. Сами они называли этот маневр - «Zylen» («парусить»), в то время как немцы - «Hollendern» - «голландить», а англичане - «the Dutch roll» - «голландский шаг».

Понадобилось почти два столетия, чтобы массовое увлечение коньками переправилось через Ла-Манш в Англию. В середине XVII столетия возникает первый на островах конькобежный клуб - в Эдинбурге, сохранились даже условия, которые должен был выполнить новичок, чтобы стать членом клуба. Испытания требовали весьма высокой техники: надо было исполнить целый круг на каждой ноге, перепрыгнуть через три шляпы, поставленные одна на другую, и т. д. Свидетельством дальнейшего развития техники была и книга лейтенанта королевской артиллерии Роберта Джоунза- «Трактат о катании на коньках». Здесь уже есть описание внутренних и наружных дуг, спирали вперед-наружу, «кораблика» и даже восьмерки вперед-наружу.

Рисунки позволяют определить и стиль тогдашнего английского катания - сентиментально-слащавый, манерный. Но больше всего занимает Панина одна деталь, на которую ранее никто внимания не обращал: «Огромной заслугой тогдашних любителей фигурного катания было усвоение ими правильной работы корпуса. Кавалеры из книги Джоунза держат свое тело почти в поверхности движения, их позы ничем не напоминают положение тел голландцев, выполняющих примитивные дуги...»

И так шаг за шагом Панин исследует перемены в технике, в коньке, в стиле. Французы и голландцы, англичане и американцы, немцы и

скандинавы - все вносили свой вклад - больший или меньший, - все изобретали, добавляли, уточняли. И главное, было определить, куда идет история - последовательно и не отвратимо. Все было закономерно. И на смену одной технике неумолимо приходила другая, так же как исторически неумолимо костяной конек должен был быть заменен железным. Приемы, описанные Джоунзом, были бы немислимы при обычном голландском коньке. И он перестраивался: крючок впереди стал короче, затем к середине XIX столетия он исчез совсем, а лезвие стало более высоким и более закругленным, задний же конец его стал доходить до кромки каблука и даже выходить за нее. И, наконец, по примеру американцев коньки стали делать полностью стальными, совершенствуя и крепление их к обуви, пока не начали привинчивать к обуви наглухо.

В голландских книгах Панин находит неясные указания на то, что привинчивать коньки к ботинкам первым как будто начал русский царь Петр I во время его пребывания в Заандеме. Но сведения эти настолько отрывочны и при этом не подтверждаются другими источниками и документами, что Панин не берется утверждать приоритет русских в изобретении, перевернувшем все представления о возможностях фигурного катания и сделавшем коньки доступными каждому желающему. Точность, историческая достоверность не должны страдать, даже если есть один процент сомнений.

Прообраз нынешнего конька был создан американцем Е. Бушнеллом в 1850 году. Панин сумел достать и изучить его «геометрию» так, как, вероятно, не смог бы сам изобретатель. «Конек Бушнелла впервые был сделан целиком из металла, ни по высоте, ни по форме лезвия он не был похож на старые древо-железные коньки. Он был гораздо выше прежних и по внешности напоминал санный полоз - лезвие спереди круто и закругленно поднималось к носку сапога; конек имел четыре стойки, последовательно повышавшиеся от задней к передней. К

сожалению, крепление сохранено было традиционное - с помощью ремней с пряжками. Это снижало возможности фигуристов».

Конек Бушнелла и дальнейшие его усовершенствования привели к созданию в США и Канаде своеобразной, не похожей на европейскую школы, в которой точность и правильность рисунка на льду оценивались выше всего. Грация и красота теоретически признавались, но вырабатывались слабо. В результате появилась даже нелепая формула: «правильность рисунка доказывает правильность постановки тела». Но и здесь были исключения. Именно американцы воспитали в своей среде человека, которому суждено было революционизировать процесс развития и создания современного стиля в фигурном катании. Словно метеор мелькнул он на спортивном небосводе Америки и Европы во второй половине прошлого столетия и исчез, оставив за собой сверкающий романтический след. «Американец Джексон Гейнс достоин того, чтобы написать о нем отдельный научный трактат», - заключил Панин. И в своих исторических изысканиях он неизменно подробно описывает достижения Гейнса и прокладывает проекцию от них на современные приемы школьного и произвольного катания.

Панин ищет без устали и в конце концов находит движущие силы, которые обеспечивали неуклонный прогресс фигурного катания. Обычная «ледовая потеха» постепенно становится видом спорта, обретает свои границы, свои правила; внутренние законы развития ведут к созданию особой формы, непохожей ни на одну другую. Вначале был просто бег по льду. Затем конькобежцы стали чертить на льду фигуры, создав целый альбом обязательных чертежей, как бы школьный задачник по спортивной геометрии. А уж после этого был сделан следующий закономерный шаг: фигуристы поняли, что с помощью конька можно не только быстро бегать или чертить на льду фигуры, с помощью конька можно создать на льду множество оригинальных «па». Конечно, для этого нужен был и опыт балета и знание обычной акробатики. И одним из первых увидел

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине
заложены в фигурном катании художественные возможности
именно Джексон Гейнс...

Глава 7. Твердые принципы и их соблюдение

Ничто так не противостоит дилетантизму, как твердые принципы и строгое их соблюдение...

Так же как и педагог не должен считаться с мгновенными фантазиями детей, врач - с мечтами и капризами пациента, судья - со страстями тяжущихся сторон, так и настоящий художник видит цель своего творчества не в том, чтобы нравиться. Он, так же как и педагог, врач и судья, хорошо, насколько может, относится к тем, для кого работает, но он еще лучше относится к себе самому, к идее, витающей перед ним, к той далекой цели, которую он себе поставил, и предпочитает увлечь к ней других, пусть даже недовольных, а не располагаться вместе с ними на привал на полпути.

И.-В. Гёте. «О строгих оценках»

Ритмы Гейнса заставили всех поверить в волшебство фигурного катания. Это в полной мере относилось не только к венским зрителям, но и к петербуржцам, ибо американец выступал и на русском льду и здесь тоже сыграл роль катализатора творческих и организационных процессов. Семя, брошенное им, упало на благодатную почву, ибо в России конькобежный спорт, как уже говорилось, был очень популярен. Нужен был толчок, чтобы сдвинуть дело с места. И спасибо Гейнсу, что удалось это сделать, хотя вместо него мог в принципе быть и кто-нибудь другой: почва, подчеркиваем, уже была подготовлена...

Панин все допытывался у Срезневского:

- Вячеслав Измаилович, очень прошу вас припомнить по возможности детали, подробности, эмоциональные впечатления от того, давнего выступления Гейнса. Вы ведь не раз мне говорили о нем в самых возвышенных тонах, а вот подробно поговорить нам не удавалось; мне же крайне необходимо яснее представить себе роль Гейнса, его творческий почерк, его индивидуальность, чтобы в историческом разделе будущей новой своей книги влияние американца проследить достаточно тщательно...

Срезневский осторожно трогал бородку и отвечал со свойственной ему любовью к длинным периодам, чувствуя себя как бы стоящим на университетской кафедре.

- Прежде всего, дорогой коллега, вы должны знать биографию Гейнса. Возможно, я не все вспомню, но в весьма откровенных беседах с американцем мне тогда удалось выяснить несколько достаточно любопытных фактов, и они интересны, надо полагать, для любого историка фигурного катания и спорта вообще, так как характеризуют человека независимого вкуса, необычного для шестидесятых годов таланта...

В небольшом доме чикагского столяра-мебельщика Гейнса-старшего всегда было полным-полно зеркал. Он опасался хранить их в мастерской и расставлял вдоль стен в комнатах. И от этого комнаты и коридоры становились глубокими, иногда бесконечными, и всегда таинственными. Маленький Джекки любил зеркала, ему нравилось рассматривать себя, двигаться перед ними: у него сразу появлялся брат-близнец, с которым было так славно и весело.

Любовь к зеркалам осталась и когда он подрос. Зеркала были свидетелями его гимнастических упражнений, веселых танцев. Закончив польку или вальс, Джекки раскланивался и затем, изображая публику, восторженных зрителей, шептал:

- Молодец, Джекки, так держать!

В хореографической студии его приняли с распростертыми объятиями, он был милым парнишкой, затейником и весельчаком. Он никогда не чувствовал себя скованно, и пластика у него была естественной.

Выдающимся танцором он не стал, и совсем не по причине ущербности таланта. Просто пришло к нему, казалось бы неожиданно, другое увлечение, ставшее главным, и балет нужен был ему только как подспорье. Став балетмейстером, Гейнс через несколько лет покинул Филадельфию, где он работал, чтобы больше не возвращаться сюда. Он принял окончательное и бесповоротное решение: перед ним карьера профессионального фигуриста, солиста, способного давать целые концерты на льду, пройти по всем ее ступенькам - до самого верха - его жизненная цель.

Как и многие другие выдающиеся фигуристы, Гейнс начал кататься на коньках очень рано - в детстве. Он не оставлял занятий на льду никогда, конькам отдавал все свободное от балета время. И так было до тех пор, пока не произошла смена ролей. Что конкретно послужило толчком для перемены декораций - неизвестно, но догадаться, в общем-то, нетрудно. Фигурное катание в США было чрезвычайно популярно, во многих городах успешно работали конькобежные клубы, уже существовали закрытые катки - пусть маленькие, но дававшие возможность тренироваться большую часть года, а на этих катках работали с новичками первые в мире профессиональные инструкторы, не только умевшие превосходно - что было, напомним, свойственно всем американским фигуристам тех времен - чертить сложнейшие фигуры, но и отлично владевшие техникой произвольного катания. Гейнс, посещавший тренировки на платных катках, легко мог представить себе, какие великолепные перспективы ожидают танцовщика, который сумеет соединить пластику балета с техникой спорта. Мы ведь должны при этом учитывать и психику американца, которого с детства учат искать

свое Эльдорадо, способное принести ему успех, признание и деньги.

Все, что он успел узнать в жизни, все, что он постиг в балете, сразу же пригодилось Джекки. Он не был человеком половинчатых решений, он вошел в свое «дело» навсегда. А раз так, то и создавать он его должен, вкладывая «накопления» до конца, до последней «копейки».

Актер на льду, рассуждал Гейнс, должен иметь совсем другую технику, чем та, которой обычно пользуются рядовые фигуристы и инструкторы. Одними сложными фигурами зрителя не заманишь. Нужны специальные балетные номера - строго продуманные, концертные, эффектные, которые могут показать, на что способно фигурное катание.

А в самом деле, на что уже способно фигурное катание? Чего не хватает ему? И что способен в связи с этим предпринять сам Джекки?

И Гейнс, думая пока только о собственных концертах, становится изобретателем. Для концертов на больших ледовых площадках ему нужна огромная скорость: зрители должны сравнивать его с молнией. Старые коньки этого дать не могут. Выход только один - сконструировать новый конек - легкий, простой, удобный. И Гейнс создает его. Панин имеет возможность сравнить: «...он, правда, заимствовал очертания своего конька от филладельфийского конька Бушнелла (не забывайте, что именно в Филадельфии Гейнс работал несколько лет балетмейстером), но сумел придать ему гениально простую и в то же время изящную форму и удобную кривизну трех радиусов».

Далее пришло еще одно решение, опять-таки вызванное требованиями сцены. Выступать надо в специальных костюмах, которые выглядели бы достаточно эффектно и могли подчеркивать

характер танцев на льду. Коньки, которые крепятся к ботинкам грубыми ремнями, только нарушают эстетическое впечатление. Значит, надо крепить коньки к обуви наглухо, надежно и красиво. Вновь, как и при разработке «геометрии» конька, Гейнс использует некоторые, еще детские, знания, вынесенные из мастерской отца. Он просверливает отверстия на платформах коньков и привинчивает их наглухо к сапогу. Ботинок и нога наконец как одно целое.

Главное орудие производства готово. Оно создано на многие годы и никаким особым реконструкциям не подлежит. Можно изменить некоторые детали, можно улучшить сталь, из которой изготавливают коньки, усовершенствовать методы заточки - но все это только лишний раз доказывает прочность и перспективность конструкции.

Теперь можно приступить и к созданию танцевальных программ. Гейнс не любит экспромтов, он конструирует свои программы тщательно, обдумывая все варианты сюжетных ходов, чтобы они были понятны и видны каждому. Лед стоит дорого, времени в обрез, и Гейнс по целым дням не снимает роликовых коньков, имитирующих обычные. Именно они помогают ему работать продуктивно и интенсивно, отрабатывая каждое движение. Нелегко, ох как нелегко переносить даже самые простейшие балетные движения на лед! До Гейнса никто всерьез и не пытался это делать, и он даже не предполагал, насколько это сложно. Самый простой шаг становился непреодолимым барьером, если Гейнс не мог совместить его с требованиями ледовой техники. Особенно трудно давались детали, которые подчеркивали колорит того или иного национального танца. Так и не смог он перенести на лед «испанский шаг», хотя месяцы потратил на поиск решения, а ведь так хотелось темпераментному американцу выйти на лед в обличье страстного тореадора. Не получилось. Да, возможно, и не могло получиться, потому что для этого нужна уже была несравненно более высокая техника владения коньком.

И вот наступает день, когда Джекки Гейнс, дав несколько концертов на родине, покидает ее и отправляется в Европу. Больше Атлантический океан он не пересекает. Европа встречает его несравненно лучше, чем соотечественники. С первых же выступлений - всеобщее признание. В ореоле славы несравненного ледового танцовщика прибывает Гейнс и в Петербург.

- Это был изумительный день, - говорил Срезневский Панину. - Для всех нас - открытие мира, доселе совершенно неизвестного. Наше состояние легко представить, поскольку мы знали только азбуку фигурного катания, а вдруг услышали поэму, прочитанную великим актером.

Каток находился на площадке между Адмиралтейством и «Медным всадником». Особых мест для зрителей подготовлено не было. Густой полосой сжали они небольшое пространство, огороженное разноцветными тумбами. Лед был отличный, на нем поработала специальная артель рабочих - новолодожских рыбаков, из года в год приходявших на заработки в столицу. Они затем десятки лет готовили лед, места в артели переходили по наследству из поколения в поколение.

- Гейнс был удивительно легок. Мы казались себе сами тяжеловесными мастодонтами, еле передвигающимися по льду. Наша неуклюжесть подчеркивалась и элегантным артистическим костюмом Гейнса. Венгерский доломан, короткие, значительно выше колен, бриджи, легкие сапоги, отороченные сверху мехом, и несколько легкомысленная стилизованная шапочка с пером. Он продемонстрировал нам ряд очень сложных фигур, нарисовав чертежи, которые, если бы их нарисовал кто-то другой, показались абсолютно невыполнимыми. А затем настал черед танцев. Не помню музыки, но музыкальность американца помню. Удивительное сочетание движений и музыки. Хотелось, чтобы зрелище продолжалось вечно.

Может, я немного преувеличиваю? Хотя вряд ли. И вы, дорогой Николай Александрович, поддались бы очарованию Джекки, хотя вашу музыкальность и понимание музыки и пластику я ставлю не ниже, а даже выше, чем Гейнса.

К записям, сделанным в своих блокнотах накануне первой мировой войны, Панин возвращался не раз. Он обдумывал ход процессов, выдвинувших в какой-то момент на передний план Джексона Гейнса, и, в конце концов, пришел к выводу, что закономерность здесь совершенно определенная. Фигурное катание ждало такого лидера, он должен был появиться. И если бы не пришелец из-за океана, лидером стал бы другой. Кто именно из фигуристов тех времен смог бы рано или поздно взять на себя такую роль - гадать не стоит, несомненно только одно: такой спортсмен непременно должен был бы быть таким же разносторонним, гармонически «сконструированным» человеком, как и легендарный Джекки.

В конце концов, в книге появился абзац, формулировавший кредо Гейнса, под которым мог бы подписаться и сам Панин: «Еще в 1864 году в Европу прибыл американский фигурист Джексон Гейнс, которому суждено было стать основателем современной нам формы искусства катания на коньках. Его манера катания, совершенно исключительная по красоте и естественной легкости, ритму и музыкальности движений, развивалась, по-видимому, вполне самобытно... Кроме того, в области техники именно он показал впервые в Европе, что ход зависит не только от инерции после толчка, но что при каждом повороте корпуса, связанном с вытягиванием и сгибанием колена опорной ноги, можно получить новое поступательное движение. Этот важный принцип, в связи с характером всех приемов Дж. Гейнса, оказался фактором неопределимого значения. Но самая большая заслуга Гейнса была в том, что он, как истинный художник, вполне обладал чувством меры, категорически преграждавшим ему путь к крайностям; он понимал, что эстетическая сторона не должна подавляться чисто спортивно-технической, что точность, уверенность и быстрота

должны сочетаться с красотой, свободой и естественностью, и сумел поднять свое исполнение на ступень действительного искусства, непреодолимо заражавшего зрителя своей эмоциональностью. Благодаря этому он показал изумленным европейцам совершенно неожиданные возможности исполнения связных последовательностей, стремительнейших фигур и элегантных ритмических танцев в красивейших постановках и грациознейших движениях тела... Влияние его искусства было колоссально. Оно послужило тем толчком, который вызвал огромный качественный скачок вперед и привел впоследствии к образованию новой формы проявления искусства - к международному стилю».

К сожалению, карьера Гейнса закончилась очень быстро, он умер в начале семидесятых годов. Но к этому времени он успел создать целую венскую школу фигурного катания. Именно в Вене он провел большую часть своих выступлений, именно здесь особенно активно работал инструктором со спортсменами-фигуристами разных поколений. Толчок, который он дал творческому развитию венских фигуристов, был настолько мощным, что движение продолжалось несколько десятилетий.

Последователи нового стиля сразу же нашлись и в России. Первым и самым выдающимся из них был, конечно же, Алексей Павлович Лебедев. Панин знал «дедушку русских фигуристов» как никто другой. И любил его тоже как ни один другой ученик. Их знакомство началось в те дни, когда гимназист Коля Коломенкин вместе со своим ближайшим другом Сережей Палеховым решил попасть на каток Юсупова сада. Дело это было чрезвычайно трудное, но гимназистам так хотелось увидеть самых знаменитых фигуристов Петербурга - Лебедева и Паншина! И они обратились за официальной рекомендацией к Колиному дяде - П. В. Смирновскому, автору учебников русского языка, хорошо знавшему В. И. Срезневского - русского ученого, общественного деятеля, одного из основателей «Санкт-Петербургского общества

любителей бега на коньках». Дядино письмо и открыло вход на каток. Коля и Сережа приобрели абонементы и стали завсегдатаями Юсупова сада.

Конечно, поначалу они робели. Но замечали ли вы одну любопытную психологическую деталь, которая всегда проявляется в таких случаях? Робкие новички смотрят на мир предельно раскрытыми глазами. Они примечают то, чего иной самоуверенный и чувствующий себя в своей тарелке в любой обстановке человек никогда не увидит. Взгляд их предельно обострен. Слух тоже. Новички запоминают лица, музыку, движения с первой ноты, с первого знакомства. Робость - чисто внешняя, а внутри радостный процесс познания и одна тревога: как бы что-нибудь важное не пропустить.

Таким вот новичком в Юсуповом саду был и гимназист Коля Коломенкин. Его первым впечатлением была встреча с высоким худым человеком - бородка клинышком, немного грустные голубые глаза. Сережа, знавший всех и все, подтолкнул Колю:

- Это он, Лебедев. Только он при всех но тренируется. Надо застать его поздно вечером или в субботу и воскресенье рано утром. Чтобы никого на катке не было. Тогда и увидим, что и как он делает на льду. А вообще его всегда здесь можно застать и попросить, чтобы он поучил...

И они попросили Лебедева посмотреть, что они умеют...

С того дня Коля, приходя в Юсупов сад, всегда сразу же искал взглядом Лебедева. Это было как психологический допинг: чеканный, тонкий силуэт, воздушность скольжения, слова негромкие, но запоминающиеся, жесты не щедрые, но как у актера-мима, поражающие насыщенностью. «Потому, наверно, жесты такие, что Алексей Павлович гимнастикой занимался, и греблей, и

бегом», - думал Коля. И Лебедев еще больше нравился ему из-за его спортивной разносторонности.

Они подружились. Лебедев не имел от маленького гимназиста секретов. И даже утром, когда Лебедев неизменно хотел на тренировке остаться в одиночестве (этой своей небольшой причуды он никому не хотел объяснять), был один зритель, которого не просили удалиться, - Коля. Алексей Павлович к тому времени (к середине девяностых годов прошлого столетия) уже не думал о стартах в официальных соревнованиях - его обычная стеснительность усилилась, и даже сама мысль о демонстрации своих фигур и произвольных программ на людях была ему неприятна. Но он охотно рассказывал Коле о своих выступлениях в недалеком прошлом.

Лебедев часто повторял, что «гораздо труднее и почетнее хорошо проиграть, чем плохо выиграть». В этих словах было его спортивное кредо, и он был верен ему, и такой же верности учил других. Коля Коломенкин был и здесь образцовым учеником.

Во время одной из бесед с Колей Лебедев сказал ему, что своими спортивными успехами он очень обязан дружбе с петербургским художником Р. Бюхтгером. Спустя много лет Панин вспомнил эти слова Лебедева и захотел выяснить, что он имел в виду. Алексей Павлович был с ним предельно откровенен:

- Я вам не раз в былые времена говорил, что фигурист должен быть в близкой дружбе с людьми искусства. Мы не должны замыкаться в своей сфере, это сужает мир наших движений и, что еще важнее, обедняет наше понимание самого фигурного катания. Я говорю это на основании своего опыта и опыта других - вы ведь хорошо знаете историю Гейнса, балетмейстера и профессионального танцовщика на льду.

Бюхтгер, с моей точки зрения, выдающийся художник, он очень тонко чувствует движение, линию тела, готового к движению. Возможно, что такой талант его усилило фигурное катание, ибо он занимался на одной площадке со мной рьяно и без усталости. Кстати, Бюхтгер и добился великолепных для тех времен результатов, он выезжал на международные соревнования в Мюнхен - было это в 1887 году - и победил там всех, стал чемпионом Баварии. А ведь среди побежденных был очень сильный соперник - Зейберт, да, да, тот самый Зейберт, который приезжал вас тренировать.

Заметьте для себя такой факт: Зейберт был сильнее в «школе», где не требуется особой выдумки и нужна строгая техника. Зато в произвольном катании Бюхтгер был настолько сильнее, что его и сравнивать было не с кем. Художник-профессионал пришел на помощь фигуристу-любителю! Бюхтгер, имея прекрасный вкус и хорошо развитое пространственное ориентирование, создал для себя столько эффектных поз и «па», что все произвольное катание его шло под сплошные овации.

Теперь вы понимаете, что могла дать мне многолетняя дружба с Бюхтгером? Когда рядом такой неистощимый художник, когда его фантазия оказывает катализирующее действие на всех, тренироваться и изобретать новые программы и легче и интереснее. И даже если заходишь в творческий тупик, то выход из него тот же Бюхтгер подсказывает с такой очаровательной непосредственностью и простотой, что отказаться от «подсказки» не может никто.

Я очень многим в своем творчестве на льду обязан и Бюхтгеру, и другим художникам, чьи картины стали моими друзьями. Я и вам, дорогой Николай Александрович, советую при постановке новых программ советоваться с художниками...

Алексей Павлович не стал рассказывать о том, что и сам, как Бюхтгер, добивался преимущества за счет пластичного, тонкого и

необычайно музыкального произвольного катания. Да это Панину и не было нужно. Каждый шаг Лебедева на соревнованиях, по свидетельству многочисленных очевидцев, он восстановил с документальной тщательностью. Конечно, самым великим его восхождением было международное соревнование в Петербурге в 1890 году. В русскую столицу, считавшуюся одним из главных центров европейского фигурного катания, приехали такие сильнейшие фигуристы тех лет, как представители венской школы Карл Кайзер (чемпион Германии) и Бальтер Динстль, Джон Катани из Хельсинки, швед Ивар Хульт, еще один швед, живущий в Петербурге, - Рудольф Сундгрэн. А кроме них - канадец, чемпион Северной Америки Луис Рубенстейн. Панин называл эти состязания первым неофициальным чемпионатом мира, и в принципе имел на это основания, поскольку соревнования оказались самыми представительными из всех, которые проводились до 1890 года.

Обязательные и специальные фигуры не дали главным соперникам - Лебедеву и Рубенштейну - особого преимущества, они шли наравне, и судьба первого приза решилась в произвольном катании. Американец представил судьям программу, составленную из достаточно сложных, часто трюковых, элементов, но художественное начало в программе отсутствовало. Зато у Лебедева были и сложные элементы, и музыкальность, и та особая пластичность поз, которая запоминается навсегда, как бы фотографируется глазом. Превосходство Лебедева было полным. Именно это выступление и сделало русского фигуриста личностью легендарной, кумиром юных петербургских спортсменов.

Он еще долго оставался кумиром, даже после того как перестал выступать. В течение многих лет Лебедев был председателем «Петербургского кружка любителей спорта», а в «Обществе любителей бега на коньках» возглавил комиссию по проведению соревнований. Справедливый суд при борьбе равных и сильных всегда торжествовал под руководством Алексея Павловича - для

подготовки фигуристов, особенно молодых, только начинающих, это имело огромное воспитательное значение.

Этим можно объяснить и чрезвычайно резкий, в общем не свойственный Николаю Александровичу, тон его критики в адрес Ирвина Брокау, когда тот в 1926 году, будучи почетным президентом Американской федерации фигурного катания, издал книгу, в которой указывалось, что в 1890 году в Петербурге победил не Лебедев, а Рубенстейн, который и стал, таким образом, первым неофициальным чемпионом мира. Эта дезинформация попала затем в другие американские книги о фигурном катании. Панин был возмущен до глубины души и при первой же возможности сообщил советским читателям, что Брокау не описался, не ошибся, что в его книге - намеренная фальсификация, поскольку в первом издании книги, в 1910 году, он совершенно правильно изложил все факты и назвал именно Лебедева чемпионом. В этой реплике и желание восстановить историческую правду, и протест человека, не терпящего лжи и несправедливости!

Панин мог сказать, что Лебедев не только помогал ему делать первые шаги на льду. Он помог косвенно Николаю Александровичу и при написании книг. Это ведь он был обладателем первой фундаментальной библиотеки спортивной литературы. Он получал книги из многих стран мира, и благодаря этой библиотеке Панин смог создать исторический раздел в учебнике фигурного катания.

Чтобы поставить все точки над «і», Панин пишет: «Победа Лебедева объясняется именно тем, что катание его по характеру своему было ближе других к международному стилю, несомненно наиболее привлекательному из всех когда-либо существовавших. Это стиль соединил в себе наилучшие черты всех предшествовавших школ, оставив в стороне их недостатки, и представляет для зрителя завлекательное зрелище и немалое эстетическое наслаждение. Из английского стиля к нему перешли широкий ход, чистота переходов и точная скатанность в парном

катании; из скандинавской школы - лихость и бесстрашие в произвольном катании вообще, и в частности в прыжках; от американцев - чистота, геометрическая правильность рисунка и покрытие следа в школьном катании и тонкий баланс в произвольном (пируэты); от венской школы - грация, свобода, легкость, уверенность и музыкальность Дж. Гейнса...»

Как видим, Панин соединяет имена Гейнса и Лебедева. А мы могли бы продолжить этот ряд, поставив вслед за ними имя Панина - самого яркого представителя международного стиля, спортсмена, гармонично соединявшего спортивную технику и пластику балета. А за ним - наших современных чемпионов Европы, мира и олимпийских игр, появления которых он не дождался, хотя многое сделал за свою долгую спортивную жизнь, чтобы приблизить их выход на широкую международную арену.

Страница за страницей укладываются в папку. Панин делает выводы из своего исторического обзора. Он уже не думает о прошлом. Даже сегодняшний день его интересует только как сжатая пружина, дающая возможность стремительно взлететь в завтрашний день. «Я буду бороться, пока живут мои книги, пока у этих книг будут читатели, за тот совершенный стиль, ростки которого я заметил в прошлом. За этим стилем будущее. За этим стилем и за теми мальчишками и девчонками, которых увидел на катке. Они поймут меня, и именно для них и для тех, кто дает им уроки спорта и жизни вместе со мной, эти трудные мои страницы, мои мысли и идеи».

Высокий талант не стареет, его язык свеж в любую эпоху. И разве не воспринимаются как написанные только сегодня такие выводы Панина:

«Ближайшие задачи фигурного катания как спорта - это:

1) совершенное овладение техникой передвижения по льду с использованием всех возможностей, представляемых в этом отношении современным коньком;

2) использование этой техники, с одной стороны, для начертания на льду красивых, округленных линий и рисунков любых, в пределах возможности, форм и сочетаний путем красивых, свободных и непринужденных телодвижений, а с другой - для воспроизведения художественных образов путем выполнения в музыкальном сопровождении целых связных программ катания, составленных из разнообразных по характеру и содержанию элементов, в которых рисунок на льду играет уже более или менее второстепенную роль. Но, кроме того, при достаточном овладении как техникой, так и пластикой, свободой постановок и выразительностью движений и в рисунках, и в самом выполнении их, и в совокупности движений безрисуночного значения (прыжки, пируэты) может проявляться известное художественное содержание. Красота и разнообразие линий и рисунков (например, в сложнейшем орнаменте специальных фигур) - с одной стороны, а с другой - ритм, грация, темперамент, пластика, гармония и музыкальность движений могут вызвать как в самом исполнителе, так и в зрителе эмоциональные состояния, обусловленные удовлетворением требований чувства красоты.

Мало того, без этих элементов красоты вообще не мыслится и само фигурное катание в современном смысле слова. Чувство красоты имеет в фигурном катании весьма большой удельный вес, что, как увидим ниже, ярко отражается и на методике его. Уже это необычно большое значение эстетической стороны отличает фигурное катание от других видов спорта. Но отличие идет еще гораздо дальше. Высшие проявления фигурного катания - произвольное катание одиночное, парное, групповое - должны не только воздействовать на самих исполнителей, но заражать своей эмоциональностью и массу; они могут не только вызывать в последней определенные ассоциации, но и создавать известные художественные образы с каким-то тематическим

(психологическим или социальным) содержанием. Поэтому нельзя не признать фигурное катание стоящим почти в одной плоскости с хореографическим искусством, оговорившись при этом, что эта сторона фигурного катания до сего времени носит у нас еще крайне сжатый и неопределенный характер и что развитие ее является актуальнейшей задачей ближайшего будущего.

Само собой разумеется, что здесь возможен целый ряд постепенных градаций от чисто элементарных и по преимуществу физкультурных упражнений до высших форм фигурного катания, где оно уже вплотную подходит к искусству, сохраняя в то же время и все признаки средства физической культуры. Таким образом, природа фигурного катания имеет двойственный характер.

Это, с одной стороны, определяет границы его проявлений: составные элементы не должны выходить за пределы этой двойственности, т. е. уклоняться в чисто спортивные или, наоборот, в чисто хореографические номера. А с другой стороны, вытекает чрезвычайная сложность построения теории фигурного катания; механика выполнения его элементов с первого взгляда как будто расходится с требованиями пластики, так как приводит к необходимости периодически прибегать к очень некрасивым, часто уродливым по своей напряженной перекрученности постановкам тела».

И далее речь о том, что некрасивые и неудобные положения тела фигуриста тут же разрешаются снова в развернутые и красивые постановки. «Оказывается далее, что, благодаря этим постоянным последовательностям противоположных по характеру положений, некрасивая напряженность части их не только не нарушает общей эстетичности движений, но и становится необходимейшим элементом для создания высшей гармонии их. Всякая попытка построить школьное катание на одних только красивых, пластичных постановках или составить свободное катание без контрастов в постановке тела и в характере движений приведет

лишь к скучной монотонности и обречена на такую же неудачу, как компоновка музыкальной пьесы из одних только трезвучий без диссонирующих септаккордов...»

Автор просит прощения за столь длинную цитату, но она вызвана крайней необходимостью, поскольку в ней - квинтэссенция понимания Николаем Александровичем современного и будущего фигурного катания. В каждой строчке, в каждой мысли прочнейший сплав знаний из области искусства, биомеханики и механики вообще, музыки. Такое было под силу только такому человеку, каким был Панин, - настоящему энциклопедисту, практику, сумевшему подняться до вершин теории, ученому-историку.

Глава 8. Каждый человек спортсмен, только не каждый знает это!

Иногда Панин говорил: «Терпеть не могу, когда во мне проявляется прошлое столетие». Он всегда смотрел вперед, и это делало его молодым! И еще так любил говорить: «Не хочу быть мумией ходячей, не хочу быть архаичным». И он никогда не был таким. Даже, когда пошел ему девятый десяток...

Профессор Александр Борисович Гандельсман:

- Вы, конечно, необыкновенно одаренный физически человек. Это у вас от рождения. Так вас запрограммировали. Никто другой не смог бы сочетать в себе дарования, совершенно различные по характеру. Вы и фигурист знаменитый, и стрелок необыкновенный, и яхтсмен милостью божьей, и велосипедист, и легкоатлет... И везде чутье особое, везде результаты, стоит только вам чуть-чуть руку приложить. Нет, нет, и не переубеждайте! Вы человек, от природы одаренный способностью успешно заниматься любым видом спорта...

Панин не раз и не два участвовал в таких спорах и был непримиримым оппонентом любителей подобных утверждений.

- Что это за врожденная способность к физическим упражнениям? Почему некоторым людям приписывают необыкновенные спортивные способности, а других таких способностей лишают вообще? Ерунда это, чушь. Каждый человек может быть спортсменом, причем спортсменом разносторонним. Именно такова наша человеческая сущность. Но мы забываем подчас о ней, мы мало двигаемся, мы лентяйничаем и предпочитаем, чтобы за нас двигались другие, хотя движение - это жизнь. Вы вот все на меня ссылаетесь - одарен от рождения! Но вы меня знаете уже взрослым, а ведь я и мальчишкой был. Слабеньким, вечно больным, отстающим в росте и силе от очень многих своих сверстников.

Меня и сегодня сверхатлетом не назовешь - никаких бугров мышц я не признаю. Люблю мышцы-работяги, незаметные, но крепкие и выносливые. И чтобы такие мышцы появились, чтобы ловкость возникла как будто на пустом месте, весь свой характер в ход пришлось пустить. И сейчас, когда думаю о том, почему именно у меня золотые медали, не сомневаюсь, что «причиной» всему - характер. Можно назвать это силой воли, если хотите. Вначале характер помогал стать крепким, не уступать другим, более сильным. А затем уже сила и выносливость помогали укреплять характер. Так и идут они рядом в моей жизни: характер спортсмена и спортивные навыки. Если коротко сформулировать мою мысль, то получится, что любой человек природой создан для занятий спортом. Каким - это уже другой вопрос. Тут совсем иной разговор потребуется. Но спортсменом может быть каждый. Это вопрос воспитания с самого детства. Воспитания характера в том числе. Воспитания чувств. И когда речь, скажем, идет о том, что во мне, неизвестно почему, чуть ли не по велению высшего духа, сочетаются совсем разнородные спортсмены - фигурист и стрелок, я могу ответить: чепуха, чепуха это, чистейшей воды идеализм, лишнее свидетельство того, что незнание порождает мифы. В том числе и спортивные. Фигурное катание и стрельба на поверку самым тесным образом связаны друг с другом. Они дополняют друг друга. Если бы медики исследовали мой организм с самого раннего детства и смогли бы проследить его развитие шаг за шагом, они увидели бы то, что мне самому понятно. Фигурное катание, которым я занялся с детства, вытенировало мой вестибулярный аппарат, научило ловко управлять телом в пространстве. И когда пришла очередь стрельбы, эта пространственная ориентация, глазомер, быстрота реакции сразу позволили мне добиться потрясающей точности. И опять-таки начал тренироваться в стрельбе - и сразу заметил, что фигуры на льду получаются точнее, вращения, которые раньше были замедленными, вскоре стали стремительнее.

Так что каждый человек - спортсмен, только многие в течение всей жизни даже не знают об этом. Когда-нибудь - надеюсь, что достаточно скоро, - это станет аксиомой. А пока мне просто хотелось бы, чтобы выдающихся спортсменов не считали уникалами...

Панин не произносил такого длинного монолога. Он составлен автором на основании рассказов учеников чемпиона, по фразам из его книг и писем. Но в принципиальной возможности такого монолога можно не сомневаться. И самое интересное заключается в том, что произнесен он мог быть еще в самом начале нынешнего столетия, когда почти никто всерьез над вопросами теории физической подготовки, родственности разных видов спорта и не задумывался.

Сам Панин четко сформулировал эти мысли после одного из наиболее примечательных своих стрелковых рекордов - в конце апреля 1911 года. «Дело было не в одаренности, а в тренированности моих вестибулярных аппаратов (вестибулярный аппарат - орган равновесия и чувства положения, находящийся во внутреннем ухе), связанной с занятием фигурным катанием на коньках, с постоянными длительными вращениями тела на льду. Этим же объясняется и моя стойкость в отношении морской болезни, в чем я давно убедился, участвуя в морских парусных гонках. Так, в замечательной форме проявилось «содружество» различных видов спорта, в порядке сложного переноса навыка, ярко подтвердившее значение разностороннего физического развития».

Рекорды - это не только метры, очки, секунды. Рекорды - главный повод для размышления, для анализа. А уж если рекорд выглядит необычно, если все обстоятельства, связанные с ним, настолько нестандартны, что и сам не можешь понять, как удалось превзойти и свои собственные и чужие достижения, - тут пищи для догадок, для психологических проекций хоть отбавляй. Так было и 30 апреля 1911 года.

Утро в Царском Селе выдалось солнечным, приветливым. Утро не хотело мешать беседе, которая началась еще вечером и длилась всю ночь. Маленький семейный праздник Паниных, встреча с друзьями, которых видишь не так уж часто. Было шесть часов утра, но солнце уже припекало, когда хозяева пошли проводить гостей на вокзал. Замечательное в своей весенней чистоте утро длилось бесконечно долго.

Первый пригородный поезд профырчал недовольно - слишком рано заставили его проснуться и отправиться на работу. Посадка закончилась. Панин долго еще стоял на платформе и улыбался своим мыслям. Уже дома сказал жене:

- Не могу я расстаться с этим утром. Все так чудесно...

Дурманящая усталость после бессонной ночи, как это ни странно, несла одновременно и невиданную яркость и объемность зрения. Высвобождала тело из пут обычного самоконтроля. Панину не хотелось анализировать свое состояние, он бережно охранял его от какого-либо вмешательства. Он скользил по солнечной дорожке вслед за утром, отдаваясь его власти и не желая хоть чем-нибудь спугнуть его очарование.

Даже после прогулки Панин был почти бестелесным. Он отказался от грубой прозы завтрака - еда могла приземлить, а ему хотелось оставаться воздушным. И когда жена прилегла отдохнуть, он взял в руки футляр с револьвером и ящик с дуэльными пистолетами и снова пошел на вокзал. Маленький паровозик приветствовал его как старого знакомого. Домики Царского Села пожелали ему доброго пути. Гипнотический стук колес завершил то, что начало утро: Панин окончательно растворился в мире звуков, красок, ароматов.

На стрельбище в это утро уже были спортсмены. Панин как будто их и не видел: странное состояние покоя и бодрствования, собранности и сонливости только усилилось, выстрелы так и не спугнули его. Служитель поставил простую тренировочную мишень для револьвера, и Панин не медля сделал первый выстрел.

Три пули пошли в «шестерку». Рука была каменной, хотя Панин ее и не чувствовал. Видел руку, видел мушку и мишень, знал, что они не шелохнутся, но сам как-будто для этого почти ничего и не делал. Событиями он не управлял, но и события им тоже не управляли. Время остановилось. Солнце вдруг стало неподвижным. Такое ощущение иногда бывает во время последней вспышки предутреннего сна. Спишь, слышишь, что происходит вокруг, понимаешь, что настала неотвратимая пора пробуждения, но так сладко, так покойно. Счастливые секунды.

- Пожалуйста, конкурсную мишень...

Мишень бессильно повисла рядом с тренировочной, готовая к беспощадной расправе. «Глупышка, это же не расправа. Это наступает твой самый счастливый миг. Ты уже сделала первый шаг к славе. Сегодня такой день, что ты непременно прославишься, и я помогу тебе в этом. Так что виси и не дрожи. Мне нужно, чтобы и ты помогала мне. Твое счастье - это и мое счастье. Мы связаны накрепко, орудия этой связи - револьвер, пуля, траектория, по которой эта пуля полетит. Теперь тебе все ясно? Ну, тогда приступаем...»

Первый выстрел - «пятерка», 3 часа.

«Не слишком удачное начало», - подумал Панин, но не расстроился, не огорчился, вроде и не он сейчас стрелял. Некоторая притупленность чувств налицо. Немножко равнодушия и безразличия. Но апатии нет. Рука остается каменной, на мишени видна даже структура бумаги.

«Жаль только, что черная дыра пробойны рядом с черным центром мишени испортят мне ориентир. Но это уже вне пределов моей власти. Эта серия особой удачи не принесет, и бог с ней. Потом начнем новую. 40 очков, пробойны одна в одной - но все правее, чем требовалось».

Еще одна конкурсная мишень. Маленькая передышка. Проверка револьвера и патронов. Она всегда необходима, потому что патроны и пули у Панина необычные. Здесь есть один производственный секрет, а проистекает он оттого, что стрельба из револьвера намного труднее, чем из пистолета. Причины Панин здесь определил такие:

1. При сравнительно большем заряде пороха и более тяжелой пуле отдача в руку во время выстрела часто причиняет боль, отзывающуюся на плавности работы пальца, спускающего курок.
2. При переходе пули из барабана в ствол неизбежен некоторый прорыв газов, который не может быть равномерным. Отсюда постоянные колебания в высоте попаданий.
3. Стрельба патронами, в которых пуля обжата медной гильзой так, что края последней глубоко вдавлены в свинец пули, неравномерна по высоте, так как сопротивление гильзы на разжатие ее краев вылетающей пулей не может быть всегда одинаковым.
4. Огромную роль для правильного полета пули играет точность, незабитость прямого угла между базисом пули (нижним основанием) и ее/стенками. Если этот угол где-нибудь закруглился при отливке пули, то при вылете ее из ствола прорыв газов с одной стороны пулевого дна происходит на какую-то ничтожную долю времени раньше, чем с другой. Из-за этого ось вращения пули не

совпадает с ее продольной осью, и в результате правильность полета пули нарушается.

Панин после участия в первых своих состязаниях по револьверной стрельбе в 1907 году сразу решил: технику надо улучшить. Конечно, револьверов изобретать не надо, но усовершенствовать некоторые детали просто необходимо, иначе стабильных попаданий не жди. И тогда приступ изобретательской лихорадки надолго прихватил его.

Фирма «Смит и Вессон» выпускала так называемую «русскую модель» своего револьвера 44-го калибра. Панин приобрел отличный экземпляр этого оружия. Оружейники усовершенствовали для него мушку и прицел, который с помощью винта мог подниматься и опускаться. Но этого оказалось мало. Вскоре он сменил прицел на более совершенный, сконструировав его самолично. Этот открытый прицел, подвижный по горизонтали и по вертикали, монтировался к ручке револьвера за курком. Таким образом, он почти на 7 сантиметров удлинял линию прицеливания, что автоматически улучшало и точность боя.

Но это было только полдела. Панин стал экспериментировать с порохом и пулями. Он нашел для себя самый лучший порох - «жемчужный», Охтинского завода, стал собственноручно отливать пули, безжалостно бракуя те, что не выдерживали его технических норм. Затем отобранные пули он вставлял в необжатые, строго цилиндрические гильзы. Каждая пуля была обсалена, так что при выстреле она легко, как на ползках, соскальзывала в ствол.

Если в шестизарядном барабане «Смит и Вессона» все патроны были панинской конструкции, то пули при выстреле по инерции шли чуть-чуть вперед и мешали вращению барабана. Именно поэтому Панин долгое время стрелял с одним патроном в барабане. И так длилось до тех пор, пока судьи из «Атлетического общества»

не начали придирааться, заставляя его на официальных состязаниях заряжать весь барабан шестью патронами.

Судьи недооценили тактической сметки Панина. Он выполнил их указание, но с определенной коррекцией. Действительно, все шесть гнезд в барабане были заполнены патронами. Но пять из этих патронов были «обжатыми», стандартными, и только один - «панинским». Сделав выстрел, Панин вынимал гильзу и вкладывал новый, подготовленный его руками патрон. Придираться более было не к чему.

И вот Панин проверяет еще раз каждый патрон. Прикосновение к сверкающим гильзам, к отполированным и чуть скользким пулям доставляет ему удовольствие сродни эстетическому. Он чувствует, как они полетят. Траектория для него вещь осязаемая, а не только условная кривая в пространстве. Провернув барабан «Смит и Вессона» и услышав при этом как бы тихий перестук колес, Панин возвращает себе солнечное утро и зелень парка. Возвращает воздушность. «Ладно, поехали. Пора начинать, не то облачко случайное набежит, у нас это недолго».

Панин увидел, как пуля вошла в «семерку». Невероятно, но он это увидел своими глазами. Ощутил рукой вслед за пулей шершавость тонкой мишени, ее податливость. «Славно-то как, Панин. Теперь еще раз попади туда же - это ведь удовольствие невероятное снова прикоснуться к мишени в уже знакомом месте!»

Вторая пуля попала «в объятия» первой. И еще четыре пошли в центр мишени, почти без отклонений. Было уже 39 очков, когда в барабане остался последний патрон. Панин подумал: «А что, если испорчу все последней пулей?» И опять-таки, как уже не раз было в этот день, не ощутил ни малейшего волнения, беспокойства. Он прицелился и сразу же нажал на спусковой крючок. «Шестерка». 45 очков. Всероссийский рекорд. Конец серии. Невероятный результат, в который сразу и сам Панин поверить не мог. Успех он

встречает так же спокойно, как и первую неудачу. Счастливый сон в весенний день продолжается. Мир вращается вокруг, как во время стремительного пируэта, и только Панин замер, прислушиваясь и всматриваясь.

Несколько случайных свидетелей рекорда поздравили Николая Александровича. Поздравления подтолкнули его к телефонному аппарату. Он услышал сонный голос жены. Сказал тихо:

- У меня - рекорд. 45 очков. Я на каком-то пике блаженства. Все вижу, все могу, но остаюсь спокоен. Ты понимаешь меня? Ты слышишь, что я говорю! Это явь, а не сон?

- Явь. Не сомневайся ни в чем. Как не сомневаюсь и я в том, что сегодня буду тебя поздравлять еще раз...

Жена сказала то, что ему хотелось услышать. Телефонная трубка звякнула на своем ложе. «Третий звонок, актеры, поторопитесь занять свои места. Где там моя мишень? Скорее ее на крючок. Где «Девим»? О, ты уже готов, ты затаил дыхание в ожидании очередного броска! Тогда мы дадим тебе твой заряд энергии, вложим в ствол твоего маленького свинцового друга и недруга, которого ты поторопишься с помощью моего сигнала молниеносно отторгнуть. Отправить в мишень.

Надеюсь, вы меня не подведете - не напрасно же я вас холил, не случайно так вам доверял!»

Панин пошел еще на один рекорд. Завсегдатаи стрельбища торопились обзвонить своих знакомых: «Он на огневом рубеже, сейчас начнет стрелять. Да, да, вы еще можете увидеть, как это бывает!..»

Зрители опоздали. Панин ни разу не примерился для выстрела дважды. Каждое его движение было красивым, пластичным и

законченным. Ничего лишнего, ненужного. Пистолет заряжен. Рука медленно поднимается. Черный круг мишени торопливо застывает перед прищуренным глазом. Палец ласково нажимает спусковой крючок, и вместе с ним идет до той таинственной черты, за которой качественно новое существование. Выстрел. Звук. Усилие. Крохотный вулкан, мгновенно потерявший свою лаву. Безмолвная пустыня. И снова заряжается пистолет. Чтобы поднялась рука, чтобы была взорвана тишина и безмятежность существования, чтобы погас вулкан, оставив свой крохотный след на черном кружке в центре белого бумажного поля.

После седьмого выстрела черного круга мишени практически не существовало. Лишь почти незаметные две черные дужки напоминали о том, что были шестой и седьмой пояса мишени. 46 очков. Еще один всероссийский рекорд. И это уже на сегодня, кажется, все. Тело наливается тяжестью. Глаза начинают слипаться. Пора, пора отдыхать рекордсмену, больше суток он уже на ногах.

Старый знакомый паровозик пригородной линии радостно салютует ему и с места в карьер мчит домой.

В течение всей своей долгой жизни Панин возвращался к этим счастливым суткам и все думал о том, что с ним было. Может, «имело место проявление твердо сформированных навыков стрельбы в условиях торможения каких-то сторон деятельности центральной нервной системы»? А может, эйфорическое состояние вызвали и затем усиливали и усиливали разговоры с близкими друзьями, весеннее утро, серебристо-голубое небо, доверчивые птицы, дружные яркие листья только что распушившихся деревьев?

Как бы там ни было, но тот порыв что-то в нем на время изменил. Началась апатия. Стрелять не хотелось. Панин попробовал пересилить себя. Он повторял и повторял в уме, что тверд и уверен в новом высоком результате, что никогда он еще не был так меток. Искусственно создаваемая уверенность была похожа на карточный

домик. Легкое, незаметное движение руки - и домика нет. Серии пуль, выпущенных и из пистолета и из револьвера, были сравнительно высокими, но удивительно неровными. И хотя никто из основных соперников в борьбе за главные награды чемпионата России 1911 года и близко не мог подойти к суммам очков Панина (214 - пистолет, 206 - револьвер), сам он был глубоко неудовлетворен.

Но хорошая спортивная форма возвратилась. И в общей сложности двенадцать лет подряд Николай Александрович завоевывал звание чемпиона России в стрельбе из пистолета и револьвера. Закончил он свое победное шествие только в 1917 году, в двенадцатый раз завоевав свою пару золотых наград. Но и это было еще не все. Прошло еще одиннадцать трудных лет, и в 1928 году Панин, будучи уже 56-летним человеком, вновь взял в руку пистолет и вышел на огневой рубеж официальных соревнований - турнира стрелков на I Всесоюзной спартакиаде.

Он уже давно не тренировался регулярно - позади были годы, когда о стрелковых тренировках и думать не приходилось, стрельба велась боевыми патронами на фронтах гражданской войны. Узнав о решении Панина участвовать в Спартакиаде, некоторые его ученики-фигуристы взволновались не на шутку. Ксения Цезар, его лучшая воспитанница, многократная чемпионка России, даже попробовала его отговорить. Не тут-то было. Панин, раз приняв решение, никогда не менял его, если не было на то серьезных причин. Он мягко, но решительно объяснил Ксении:

- У меня было много наград, и я горжусь ими всеми. Но ты пойми меня, старого спортсмена, Ксана: то были награды дореволюционные. Их вручали от имени небольшой группки спортсменов. Ну, сколько нас было объединено в клубах - сто, двести человек? А сколько участвовало в соревнованиях? Десять-двадцать? И все. Я не хочу противопоставлять сегодняшние и вчерашние результаты и уж вовсе не хочу принизить заслуги наших

чемпионов до 1917 года. Но они были одиночками. А сегодня на старт выходят миллионы, и я, старый русский чемпион, не могу не пойти вместе с ними. Даже если бы был не на шестом, а, скажем, на восьмом десятке, - непременно нашел бы свою мишень. Словом, хочу не тренером, а рядовым стрелком участвовать в Спартакиаде, выступать вместе с молодыми спортсменами и, если надо, учиться у них.

От одной только мысли, что снова - соревнования, снова - конкурсные мишени, снова - судьи и зрители, у него даже голова кружилась. А в день стрельб, ясный и солнечный, как много лет назад, он старался восстановить в себе то счастливое и безмятежное состояние духа и тела, которое, казалось бы, беспричинно овладело им в апреле 1911-го.

Молодые стрелки, немного удивленные, искоса посматривали на сухого, поджарого с сильной сединой человека, одетого несколько старомодно. Мало кто из них знал, что это - чемпион России. Дореволюционные чемпионаты были для них чем-то таким далеким, скрытым в дымке десятилетий, что и представить было невозможно одного из тех стрелков сегодня да линии огня.

Панина это удивление молодых коллег даже веселило слегка. Оно добавляло огня в костер его спортивного азарта. «Маленький психологический допинг мне всегда нужен, - думал он. - Это даже хорошо, что они сразу не поверили в мои возможности. Да и как поверишь, если уж быть откровенным. Кто, кроме меня, знает, что порох в моей пороховнице не отсырел, что многолетние навыки сохранились и на теперешний салют меня обязательно хватит! И потом: надо им в работе показать, что и ветераны стоят много. Словами им ничего не докажешь, только попаданиями!..»

И пистолет его разил без промаха. После первых выстрелов зрители, знатоки стрелкового спорта, стали собираться неподалеку от Панина. Потом они начали аплодировать. А когда стало ясно,

что человек, который многим другим участникам казался дедушкой, победил, что именно он - лучший стрелок из пистолета Всесоюзной спартакиады, рухнули возрастные стены и Панин растворился в массе благодарных слушателей и поклонников.

- Николай Александрович, а какими были условия чемпионатов России?

- Николай Александрович, а кто участвовал в соревнованиях?

- Николай Александрович, товарищ Панин, а вот такой, как я, крестьянин, мог бы тогда соревноваться за золотую медаль?

Спартакиада оказалась фейерверком знакомств и встреч, она свела его с новым юным поколением, которому нужны, очень нужны были его опыт, его знания, его понимание спорта и жизни.

Спартакиада оказалась тем перевалом, за которым Панин увидел совершенно новые для себя горизонты. Азарт соревнования на этот раз не сменился спадом, он дал толчок совершенно новому состоянию души. «Я им нужен! И это главное. Это даст - уже дает! - мне новые силы, новые идеи. Я с ними действительно чувствую себя замечательно. Я не уговариваю себя, мне уговоры, иллюзии и самообман ни к чему. Это замечательные молодые люди, они ясно видят будущее и верят в него. Мы должны вместе идти вперед. То, что я делал раньше, незначительно. Надо делать больше. И я тоже создам для себя собственные социалистические планы, чтобы в итоге перевыполнить их!»

Глава 9. Подсчитали - прослезилась!

...Цели олимпийского движения заключаются в содействии развитию тех прекрасных физических и моральных качеств, которые приобретаются в соревнованиях на дружеских полях любительского спорта, и в объединении молодежи мира раз в четыре года на великом празднике, создавая тем самым международное доверие и добрую волю и способствуя созданию лучшего и более спокойного мира.

Олимпийские игры. Основные принципы

Приближение срока Мировой олимпиады усиливало стремление русских спортсменов к массовому участию в этих международных соревнованиях. Инициативу в осуществлении этих стремлений взял на себя «Петербургский речной яхт-клуб». По его приглашению в декабре 1910 года состоялось собрание представителей столичных и московских клубов, обществ и кружков, а также всероссийских союзов. На этом многочленном совещании был избран организационный Олимпийский комитет, которому надлежало заняться подготовкой команды России к выступлению на Олимпиаде.

Нам предстояло в течение остающихся до этих серьезнейших состязаний полутора лет сделать то, на что Западная Европа и Америка затратили десятилетия. Комитет сознавал, что для разрешения задачи - добиться официального участия России в Олимпиаде - ему придется

обратиться с ходатайством к правительству и доказать, что это дело имеет государственное значение; придется также «обивать пороги» высокопоставленных особ, чтобы обеспечить их содействие. Но это не умалило энергии членов комитета. Таким образом, инициатива широкого выступления русских на олимпийской международной арене исходила не от правительства, а от самих спортивных организаций.

Н. А. Панин-Коломенкин. «Страницы из прошлого»

Бум-м-м... Бум-м-м... Звенела палуба над головой. Колокола били не умолкая. Стоило только пройтись по палубе, пробежаться, подпрыгнуть. В ночной тишине даже на цыпочках ходить невозможно: ни спрятаться, ни укрыться. Везде достанет неумолчный гул, звон, шелест, скрип.

Самая страшная пытка - это, наверное, пытка звуком. Размеренным, монотонным. Звук врывается в твои мысли, разрушает их. Он не дает сосредоточиться, успокоиться, отвлечься. Просто заснуть. Голова начинает вибрировать в такт словам, буханью ног по палубе, звону металла в коридорах и соседних каютах. Закрыться с головой одеялом? Положить сверху еще и подушку? Но куда тогда деть вибрацию стен и прикованной к полу узкой кровати? Эта вибрация, беззвучная сама по себе, рождает новый звук, и от этого никуда не уйти.

...Ну, о чем же они думали все эти полтора года? Ведь эти «мелочи» так просто было предусмотреть, надо только чуть-чуть влезть в дело. Почему они не могут перестроиться? Пусть «спорт» слово иностранное, но ведь соревнования, состязания в силе, ловкости, смекалке в России были всегда. Были, и есть, и будут! Почему же тогда к спорту отношение как к чему-то третьеразрядному?

Почему в иной спортивный клуб попасть труднее, чем в самый закрытый английский, аристократический. И на соревнования записывать стали только членов клуба. Что же тогда делать тысячам людей, которые желают участвовать в матчах, чемпионатах, первенствах? А ведь только в общедоступности, демократизме соревнований выход из положения, прямая возможность отбирать тех самородков, которые могут прославить русский спорт на международной арене...

...Металлический звон. Каблуки ухают по палубе. Танцы. Нет, так дальше жить на этой «Бирме» нельзя. Так и все стрельбы закончатся плачевно. Скорее отсюда в город. Надо найти недорогую, близкую к олимпийскому стадиону квартиру.

Панин собирает вещи и через несколько минут сообщает капитану океанского лайнера «Бирма», что он покидает корабль, поскольку здесь нет никаких удобств для жителя и отдыха.

Капитан даже несколько удивлен. «Как так нет условий для отдыха? Богатых туристов мы возим. На комфорт еще никто не жаловался. В целостности и сохранности, в хорошем состоянии духа и тела перевозим через Атлантику в Нью-Йорк. А тут несколько дней прожить на корабле у стокгольмского причала - и уже невозможно, нет условий! Впрочем, неволить не будем - ищите квартиру».

Белой июньской ночью, в канун V Олимпийских игр в Стокгольме, Николай Александрович покидал «Бирму». Дым на русской олимпийской плавучей базе стоял коромыслом. Панина по пути к трапу то и дело задевали какие-то подвыпившие люди. Шатаясь, бродили они от борта к борту в обнимку с юными шведскими студентками, которые слетались на корабль, как бабочки на огонек в ночи. Звенели звуки оркестра, и палуба под грохотом ног резонировала незамысловатые ритмы. Среди этой толпы можно было увидеть нескольких спортсменов, которых, наверное, мучила

бессонница в канун старта. Впрочем, если даже бессонницы не было, ее на «Бирме» можно было быстро нажать.

Панин скоро нашел квартиру - маленькую, уютную. Он выбирал ее, ориентируясь не только на свой вкус, но думая и о жене, которая вскоре должна была приехать. Место живописное, главный стадион под боком, и до стрельбища сравнительно недалеко. Остаток ночи проведен в тишине, да сон уже не идет. Утро мучительное. Голова разламывается, и хочется теперь только одного: взять в руки привычное оружие, поймать мушку и далекую мишень, услышать грохот выстрела. Может быть, этот привычный звук вернет жизни привычную ей динамику, настроенность, ритмичность?

Не вернул.

Стрельбище для тренировок было закрыто. Один день только стреляли - в пятницу. А субботу и воскресенье устроители олимпийских стрелковых состязаний сделали выходными днями для сотрудников тира. В понедельник - милости просим, но только не на тренировки, а на соревнования!

«Но как же так, - бушует русская команда, - это ведь непорядок, мы даже привыкнуть к стрельбищу не успеем, вы, дорогие хозяева, нарушаете главные положения Олимпийской хартии».

Вежливые улыбки в ответ никого удовлетворить не могут. А ведь стрелки Швеции тир обживали многие месяцы, для них вся эта туманная лесная низинка - как дом родной, каждый ветерок известен, каждый бугорок при пристрелке учтен. Условия для соревнований явно неравные. Обижены, естественно, не только русские спортсмены, но и все другие. Но они имели хотя бы неделю для акклиматизации. Русский же пароход прибыл в Стокгольм накануне Олимпиады.

Дома, разочарованный и злой, Николай Александрович делает очередную запись в своем олимпийском дневнике: «Должен признаться, что не только это, но и вся организация нашей поездки под казенным руководством Воейкова не возбуждает во многих из нас ни малейшего энтузиазма к соревнованию».

Снова и снова Панин возвращается к событиям последних полутора лет, после того как было принято решение о создании Олимпийского оргкомитета России. Ну зачем же сейчас удивляться и терзать себя, если все это можно было предвидеть заранее? И он предвидел, только все никак не верилось, что сбудутся самые худшие варианты прогнозов. С первых дней («поезд» пошел под уклон, без тормозов, без опытных, мудрых «машинистов») он не мог задержаться ни на полустанках, ни на узловых станциях. Рано или поздно, на крутом повороте он обречен был на аварию. Стоп-краны в действие никто привести не мог, поскольку их даже не спроектировали.

Активность в решении организационных проблем только обозначалась. Пунктир заменял линию. После того как 25 февраля 1911 года был избран Российский олимпийский комитет, стало ясно, что серьезных решений, связанных с демократизацией спортивного движения, развитием его массовости, ожидать нечего. В него попали главным образом представители реакционных кругов. Им принадлежало право решающего голоса. Они им и воспользовались в полной мере.

7 июня состав Российского олимпийского комитета был утвержден царским правительством. Дискуссий по поводу состава не было никаких и не могло быть.

И вот первое решение комитета. Узнав о нем, Николай Александрович схватился за голову: это роковой шаг, он уничтожит те позиции, которые уже завоеваны русскими - не военными стрелками! И вдруг категорическое, не подлежащее оспариванию

решение: поручить организацию олимпийских команд фехтовальщиков, стрелков и конников военному ведомству. А еще конкретнее, за стрелковые сборные непосредственно отвечает генерал Зайончковский, служака, штабист, типичный представитель военной касты, ограниченной и враждебной всему, что вне ее. Уж он-то сделает так, чтобы в Стокгольм поехали только военные стрелки!

А между тем сообщения из Швеции были совершенно недвусмысленными: соревнования будут проходить по «особой» программе, дающей преимущество шведским командам. Значит, надо готовиться особенно тщательно. Значит, в бой надо бросить лучшие силы!

Николай Александрович хорошо понимает, что его, весной 1912 года в седьмой раз выигравшего чемпионат России, обладателя пятнадцати золотых медалей, в команду включат непременно. А вот что же будет с другими его товарищами по стрелковому спорту? Сильнейшие стрелки России публикуют письма в газетах, протестуя против произвола генералов, комплектовавших олимпийские команды по стрельбе. С таким же протестом обращаются в газеты фехтовальщики. Ни ответа, ни привета. Чемпионы России по стрельбе из винтовки Е. Тевяшов, В. Лучинский, О. Шмунк в олимпийскую команду не попадают. В команде пистолетчиков единственным штатским оказывается Николай Александрович.

Дальше - больше. Генеральским приказом было закрыто для тренировок такое привычное и удобное Семеновское стрельбище. Пришлось всей командой ездить в Ораниенбаум, в Высшую стрелковую школу. В итоге на тренировку уходит целый день. К вечеру стрелки совершенно изматываются, и, естественно, вторая половина стрельб дает мало практических результатов. Усталый глаз. Усталая рука. Рассеивание пуль по мишени начинается чудовищное.

И все-таки Панин не сдавался. Это не страшно, что капитаном и общественным тренером команды назначили другого, а не его, самого опытного, уже бывавшего на олимпиаде, уже прошедшего через горнило всех ее испытаний. Обиду отбросим. Главное ведь, как всегда, честь русского оружия.

Личные тренировки Панина - как показательный урок и военным стрелкам. Еще бы: из специального пистолета «Смит и Вессон» на дистанции 50 метров по олимпийской десятичасовой мишени, тратя 60 выстрелов, он добивается изо дня в день очень ровных результатов - 535-545 очков. У остальных редко-редко выше 450.

В эти дни он делает все, чтобы сплотить команду. И к моменту отъезда в Стокгольм результаты стрелков резко выросли. Можно попытаться бросить вызов сильнейшим!

12 июня «Бирма» отплывала в Швецию. Провожающие и спортсмены дружно крикнули «Ура!». Пароход отчалил. И Панин еще раз отметил про себя: ни разу - ни на тренировках, ни на контрольных стрельбах и даже здесь, на набережной, - он так и не увидел генерала Зайончковского, ответственного за подготовку стрелков. Вот каково «генеральское руководство»!

Для Панина в этом, теперь уже не имеющем никакого значения, факте особый смысл. Он для него как бы завершение длительных размышлений по поводу всей организационной кутерьмы накануне Олимпиады. «Ну как же так, обидно все у нас получается. Хорошие результаты, достижения чаще всего не результат правильной, активной организации, заинтересованности сверху, а вопреки ей. И каким же талантливым должен быть наш русский народ, чтобы выдержать все издевки над здравым смыслом, над его талантом и все-таки доказать свое, пробиться, вырваться из цепкой хватки казенщины и бюрократизма...»

..Мишени темнеют, кажется, совсем недалеко. Зеленый радостный лес окружает стрелков, деревья карабкаются по пологим склонам неглубокого лога. Поляна покрыта упругим травяным ковром. Панин не всматривается в лица соперников - это бессмысленно сейчас: ни с кем из них он не знаком. Реальные их силы на сегодня ему тоже неясны. Так что решать задачу придется с очень многими неизвестными. Да тут еще организаторы объявляют, что мишени у каждого стрелка будут меняться через каждые шесть выстрелов и время на каждую такую серию ограничено - четыре минуты. В принципе такой лимит вполне приемлем, но только тогда, когда стрельбище закрытое, когда ничто не способно помешать спортсмену добиться своего результата.

Однако шведы - организаторы олимпийских соревнований по стрельбе - допустили досадный просчет, оборудовав тир без учета переменчивой балтийской погоды.

Русская команда попала во вторую смену. Сначала небо было ясным, чистым. Ни малейшего ветерка. «Чудесно, чудесно, лучше не придумаешь погоды, друзья». Панин повел команду на огневой рубеж - к широкому деревянному барьеру, на который можно положить оружие, патроны, бинокль. И первые выстрелы пошли точно в центр мишени.

Ритм стрельбы начал увлекать, когда случилось непредвиденное. Собственно говоря, шквала, налетевшего с моря, можно было ожидать в любой час. Для тех, кто знает капризную погоду Балтики, это совершенно обычное явление. И Панин именно этого опасался, когда услышал о том, что стрельбище открытое, а лимит времени тем не менее введен.

Закружились, завывали шквальные вихри. Густые фиолетовые облака окружили лощину и стали втягиваться даже в просветы между деревьями. Дождь - такой холодный и злой в этот летний день - оказался поистине неутомимым. Просвета не было. Стрельбы

переносить никто не собирался. Соревнования, несмотря на необорудованность тира, должны были идти, непонятно почему, при любой погоде.

Капли дождя цеплялись за прицел и мушку. Мишень карежилась, извивалась. Иногда она - через каплю дождя - казалась невероятно большой. Иногда исчезала вовсе. Порывы ветра своими могучими руками расшатывали руку, дергали за спусковой крючок, заставляли выстрелить раньше, чем хотелось. Чем было нужно.

Четыре минуты, отведенные на серию, были микроскопически малыми. Иногда приходилось стрелять почти не прицеливаясь, чтобы успеть закончить к смене мишеней.

«Разве можно было ожидать, что на стрельбище понадобится самый обычный зонтик? Но даже зонтиков организаторы не могут предложить нам. И не только нам, а и другим командам из этой смены».

Поистине, подсчитали - прослезились. Результаты стрельбы у русской команды были плачевными. Даже Панин показал результат, намного худший, чем в обычных условиях: четвертое место его устроить не могло. И что досаднее всего: главные соперники - американцы и хозяева тира - стреляли в хорошую погоду, когда каждый выстрел можно было выверить, когда ни одно облачко не застилало ясного неба. Условия, конечно, оказались совершенно неравными. А ведь как легко можно было предусмотреть такое обычное для этих мест осложнение и построить легкое временное здание, в котором стрелки - все без исключения - могли бы укрыться.

Между прочим, шведская команда явилась на соревнования, вооружившись еще и зонтиками...

Шквал пронесся быстро. Через час начался второй акт. Дуэльная командная стрельба. Именно здесь русская команда была сильна, как нигде. Именно здесь Панин не имел себе равных. Теперь, казалось, ничто не могло лишить Николая Александровича и его коллег высшей награды.

...Силуэт человека среднего роста.

Команда «Огонь!», подаваемая по-французски.

Три быстролетных секунды, которые отделяют команду от того мгновения, когда силуэт повернется с помощью часового механизма в профиль и станет невидимым.

Три секунды - выстрел!

Три секунды - выстрел!

Торопись, потому что, если выстрелишь в то мгновение, когда мишени поворачиваются и пробоина окажется не идеально круглой, тебе попадание не засчитают.

Правила жесткие. Правила как будто точные. И, несмотря на это, допускают разночтения. Потому что пробоина теряет свои очертания и становится продолговатой не только из-за того, что мишень в этот момент начала «уходить» от стрелка и выстрел шел вдогонку. Продолговатые пробоины образуются иногда и при нормальной стрельбе, в особенности если мишени сделаны из вязкого древесного картона. «А кроме того, - автоматически зафиксировал про себя Панин, услышав об этом «правиле продолговатого пулевого следа», - пуля не всегда летит строго горизонтально, нередко бывает отклонение продольной оси пули от траектории полета, и тогда «неправильная» пробоина просто неизбежна...»

Для чего же это правило нужно? Ведь все стрелки поставлены в принципе в одинаковые условия. Для всех стрелков мишени поворачиваются в одну и ту же долю секунды. Процент выстрелов в момент вращения мишеней для всех одинаков. Словом, правило совершенно лишнее, только затягивающее стрельбу и подведение итогов, нарушающее четкий ритм стрельбы, без которого не добиться точных попаданий.

Рассуждая так, Панин не учитывал «особых» шведских интересов, о которых так часто писали газеты еще задолго до начала Олимпиады. Корректное на первый взгляд правило становилось опасным оружием в руках недобросовестных арбитров, преследующих «свои цели». Кристально честный человек, Панин не мог - даже будучи хорошо знаком с некоторыми «приемами» судейства в фигурном катании - представить себе, что в стрельбе, с ее объективными оценками, возможно что-то подобное. А ведь именно правило «продолговатого следа» и давало возможность для «субъективных оценок». Остается только добавить, что высшее жюри в дуэльной стрельбе полностью состояло из шведов.

До начала стрельбы Николай Александрович всем этим даже не интересовался. Только черные силуэты волновали его. Только они будили в нем азарт. Русская команда вышла на линию огня после американской. Результат главных соперников был известен. Хотя он и был очень высок, это не смутило ни самого Панина, ни его коллег.

Русская команда стреляла без промаха. Все стрелки почти синхронно выпускали пулю за пулей в мишени. И даже секунда оставалась, чтобы посмотреть на соседа, улыбнуться ему поддерживающе и понимающе: вот это темп, вот эта удача, и так надо держать до конца!

Счастливые, они бросились поздравлять друг друга: ни одного промаха, все пули легли в цель. Пусть теперь попробует кто-нибудь

догнать, ведь американцы уже позади, а сильнее их в мире пока никого нет!

Самыми сильными на Олимпиаде оказались шведские судьи. Они победили всех. Они нашли вдруг у русских стрелков две «косых» пули. И сообщили об этом как раз в тот момент, когда закончила стрельбу шведская команда. И именно у нее они не обнаружили вообще ни одного промаха, ни одной неудачной пробоины.

Панин ощутил бессильный гнев. Никто, кроме судей, не мог контролировать попадания шведских стрелков. До линии огня от мест для болельщиков было около 50 метров. И еще столько же до мишеней. С помощью даже самого сильного бинокля установить характер попаданий было невозможно.

Николай Александрович бросился к человеку, который официально носил титул «капитан команды». Это был полковник Шестериков, человек в такой же степени безликий, как и равнодушный. И все-таки Панин был уверен, что расшевелит его. Ведь тут честь русского оружия, а она должна быть превыше всего не только для спортсмена, но и для представителя русской армии.

Полковник Шестериков спокойно и даже апатично выслушал просьбу Панина допустить к осмотру мишеней участников соревнований и нейтральных судей.

- Ну зачем же так драматизировать ситуацию? Серебряные медали Олимпиады - это тоже замечательно. Мы не должны конфликтовать с хозяевами Игр - генералу Воейкову, руководителю всей нашей команды, это может очень не понравиться. Словом, постарайтесь не скандалить...

Руки у Панина опустились. Что же может сделать он, рядовой участник Игр, если даже капитан команды, назначенный оргкомитетом, попросту говоря, умывает руки и не желает вступить

в борьбу с нечестными судьями, если он отступает с поля боя без всякого сопротивления?

Протест у Панина принимает своеобразную личную форму. Соревнования, окрашенные духом шведского шовинизма, потерявшие свой объективный характер, теряют для него всякий интерес. Он больше не посещает их. Тем более что каждый день приносит все новые и новые сообщения о том, как нечестно действуют шведские арбитры в других видах спорта. И это не от незнания правил или недостаточно сильной спортивной подготовленности. Каждый раз объектами просчетов, а если называть вещи своими именами - судейских преследований, становятся атлеты, являющиеся главными конкурентами шведов в поединках за призовые награды.

Так было в борьбе, когда судьи дисквалифицировали нескольких спортсменов за то, что они вышли на ковер, смазавшись вазелином. Шведские борцы за ту же вину были только предупреждены. В теннисе пары комплектовались так, чтобы как можно больше представителей одних и тех же стран вылетело после предварительных игр и, таким образом, уменьшилась конкуренция для шведских теннисистов. Десятки примеров недопустимой «судейской игры» нашлись в гребле, конном спорте, велосипеде.

В итоге оказалось, что русские спортсмены среди двадцати стартовавших команд заняли только пятнадцатое место. Конечно, виной тому была и необъективность судей. Но ведь от нее страдали не только русские? «Конечно, не только мы, - вел свои записи Панин. - И все же четырнадцать команд нас обошли. Медалей у русских почти нет. Золотых вообще ни одной. Причина может быть только одна, главная причина: мы плохо и несвоевременно готовились к поездке в Швецию. У нас еще очень низка и техника и тактика спортивной борьбы. И все это проистекает от малочисленности спортивных клубов в стране и их недемократичности. В таких условиях невозможно думать о

высоких результатах. И это в стране спортивной по духу, которая может стать гигантом в мировом спорте...»

Разочарование настолько сильно, что Николай Александрович старается не думать о спорте. Ему хочется бросить даже тренировки с юными спортсменами. Он ведь учит их честному отношению к делу, он воспитывает в них лучшие черты человеческого характера, зная, что спорт только помогает их укреплять и развивать. А потом им придется столкнуться с бесчестными приемами, с дельцами от спорта...

От невеселых дум Панин пытается убежать на живописные окраины Стокгольма. Он катается на маленьких парходиках по узким извилистым шхерам. В одном из курортных парков на берегу пролива он видит бронзовую фигуру конькобежца. Его тело легко мчится вдаль. Он, бронзовый, тем не менее раскован и свободен. Его глаза видят где-то там, за линией горизонта, счастливый финиш.

После длительных расспросов Николаю Александровичу удастся выяснить, что прототип этой скульптуры - русский конькобежец Седов, поразивший всех выступлением на чемпионате мира в Хельсинки в 1906 году. И Панин в конце своего пребывания в Стокгольме делает такую запись: «Эта устремленная вперед фигура конькобежца показалась мне символической. Она точно обещала, что русские спортсмены еще поразят в будущем весь мир своими достижениями!..»

Как бы очищенным, сбросившим тяжесть невеселых олимпийских итогов садится Панин на парход, который везет его в Петербург. Нет, он не забросит свою педагогическую деятельность. Ни в коем случае он не оставит ее. Только постарается воспитывать не беспочвенных романтиков (которые все вокруг, в том числе и происходящее в спорте, будут видеть в одном только розовом свете), а реалистов, людей, которые смогут бороться до конца за

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка   Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине
свои убеждения, за свое понимание спорта, за его олимпийские
идеалы.

Глава 10. Гармония личности и жизнь без ВЫХОДНЫХ

В организации занятий по фигурному катанию и в проведении их центральной фигурой является тренер-преподаватель. От его личных качеств, от его опытности и умения зависит в огромной мере успешность всей педагогической работы в секции фигурного катания. Прежде всего он должен быть грамотным в идейно-политическом отношении, авторитетным в своей специальности, обладать твердыми и ясными теоретическими познаниями и практическими педагогическими навыками. Его роль не ограничивается только обучением, он - ответственный воспитатель своих учеников, и об этом он никогда не должен забывать. Он сам своим поведением должен подавать пример...

Н. А. Панин-Коломенкин. «Искусство фигуриста»

В начале небольшой монолог автора, который знаком со многими нашими тренерами и имеет возможность присмотреться к их работе с достаточно близкого расстояния. Трудная это профессия, ох какая трудная. Без преувеличения могу сказать: одна из самых трудных, какие только автору известны. И в этом легко может убедиться даже человек, не слишком хорошо знающий детали тренировки и не имеющий отчетливого представления о том, что есть современная спортивная подготовка.

Естественно, что квалифицированный тренер должен готовить спортсменов, которые могут показывать высокие результаты на соревнованиях. Как готовить - в принципе известно хорошо: книг и учебников у нас издано превеликое множество. Кажется, возьми в

руки эти книги, методические пособия, приложи к этому рычагу некоторые усилия, и ты получишь желаемый результат. Ан нет. Не так все просто, как на учебной схеме. А крупного успеха, всеобщего признания вообще достигают немногие, и отсюда опыт любого известного тренера становится бесценным.

Что же главное в этом опыте? Что подлежит исследованию в первую очередь? Ведь, повторяю, принципиальная схема обучения тем или иным техническим приемам хорошо известна и доступна любому специалисту, а звезды спорта на небосклон восходят с помощью лишь немногих тренеров. Благодаря чему же именно они добились успеха?

Полного ответа на эти вопросы нет. И это вполне понятно, поскольку тренерский дар такой же редкий, как, скажем, дар скульптора. Далеко не каждому ведь, кто скульптором называется, дано найти в граните то, что сохранит созданный им образ на века.

Настоящий тренер должен вначале увидеть в человеке его спортивное дарование, а затем уже с помощью профессиональных приемов, тонко и нежно, снимая ненужные напластования и выделяя истинную сущность «материала», создать чемпиона, который открывает перед изумленными зрителями новые возможности в борьбе с временем и пространством.

Но создать чемпиона сегодня - половина дела. И тренер не тренер, если он сводит свою задачу только к высокому результату. Спорт стремительно молодеет, И на арене мы видим в огромном количестве школьников. Тренировкам они отдают больше времени, чем школе. С тренером они проводят времени больше, чем с собственными родителями. И вот уже тренер заменяет им и школьного педагога, и даже родителей, именно он превращается в центральную фигуру всего процесса формирования новой личности.

Тяжела ноша тренера! Тяжела безмерно, особенно если ученик в зените славы. Мы говорим не только о сложности спортивных баталий, о напряженности поединков с сильными соперниками, о тактике и стратегии борьбы. Но и о том, что тренер сам, беспредельно преданный своему делу, заменяя ученику и школу, и семью, лишается подчас семьи, в которой не бывает неделями. Тренер воспитывает десятки учеников и ведет их к гармоническому развитию личности, но для собственного ребенка времени ему не остается: каждый день, каждый вечер - в спортивном зале. И еще недели и месяцы поездок на соревнования, ибо никто не может заменить тренера, изучившего характер и способности ученика чуть ли не на «клеточном уровне».

Жизнь без выходов. Растворение в десятках судеб и кристаллизация после этого новых знаний, чтобы немедленно возвратить их очередному поколению воспитанников. Процесс непрерывный, растянутый на десятилетия, потому что личность учителя продолжает функционировать и в учениках его учеников.

Автор не собирается, конечно, создавать культ тренера. Его творчество лишь часть огромного процесса воспитания гармонически развитой личности, но именно та часть, без которой процесс так же невозможен, как и при отсутствии тех, кого надо воспитывать.

Возвращаясь к вопросам, которые автор задавал в начале главы, он хотел бы в заключение сказать: чем сильнее, выше, глубже личность тренера, тем сильнее, выше и глубже личности его учеников, тем ярче их талант. И, изучая опыт работы тренеров, не забывайте изучать их личность с такой же тщательностью, как и характеры их учеников. И тогда слетят покровы со многих, казалось бы непостижимых, тренерских тайн.

Закончив монолог, автор возвращается к своему герою и застаёт его в тот момент, когда он приступает к первым своим - еще очень

робким - шагам на тренерском поприще. Он еще очень застенчив, Николай Коломенкин, он даже несколько стесняется своего занятия - неожиданно возникшего желания записывать в блокнот все нюансы тренировки, вести домашний анализ этих заготовок.

Сережа Крупский, близкий товарищ Николая, тоже студент университета, увлекался велосипедом. Коломенкин, сам в гонках не участвовавший - врачи не разрешали, сердце слабое, - решил помочь Сереже подготовиться к гонкам в Михайловском манеже. Он вооружился записной книжкой и на первых порах занимался только одним: старательно фиксировал время прохождения Сережей дистанции на тренировках, его самочувствие при этом. Цифры накапливались день за днем. Цифры становились кодом, с помощью которого при желании можно было определить состояние здоровья Сережи в тот или иной день. Раскладка цифр в графиках позволила заняться прогнозами на ближайшие дни, и часто они совпадали с реальностью. Постепенно Николай научился предупреждать переутомление. Он замечал надвигающийся спад за несколько дней до того, как могла разразиться буря, и советовал Сереже сделать небольшой перерыв, развеяться, отдохнуть.

Это были поиски путей к системе тренировки, поиски сугубо эмпирические, не построенные пока на серьезном знании методов тренировки и физиологии спортсмена. Но результаты они дали, и неплохие. В то, что Николай может дать точную рекомендацию, Сережа Крупский поверил быстро. А затем к нему присоединились еще двое гонщиков - знаменитый в то время Михаил Дьяков и его тезка студент-юрист Репинский. Поле для эксперимента и наблюдений увеличилось втрое. И вскоре Николай пришел к выводу, что «помимо всяких наблюдений за состоянием организма и за правильным режимом жизни главным условием успеха является не что иное, как настойчивая и упорная работа над собой, т. е. тренировка в данном виде спорта и глубоко продуманная тактика на гонках...»

Вывод как будто простой, по нынешним временам для такого заключения ни особых знаний, ни особого ума не требуется. Но здесь надо учесть, что первые свои тренировки Николай вел в 1895 году, когда никакой системы, методики тренировок в велосипедном спорте (и не только в нем) не было. Каждый прием апробировался на ходу, каждый эксперимент ставился на тех трех спортсменах, которые были в его распоряжении. И они охотно верили свою спортивную судьбу в руки юноши, почти мальчика, увидев в нем человека, глубоко заинтересованного, сопереживающего, чувствующего тренировку и гонку, как они сами.

Результаты превзошли все ожидания. Дьяков не знал поражений в первом, высшем, разряде гонок, Крупский - во втором. Репинский если и проигрывал, то только Дьякову. Николаю нравилось разрабатывать вместе со своими друзьями тактические планы ближайших стартов. Самыми популярными были гонки в Михайловском манеже, в которых участвовали все сильнейшие велосипедисты Петербурга, и наш «квартет» лучшие свои «произведения» создавал для этих соревнований.

Тренировались ежедневно. В манеже готовилось много гонщиков из различных клубов, были и «дикари», чьи поступки на дорожке были труднопредсказуемы. После каждого тренировочного дня неразлучная четверка собиралась на оперативную «летучку».

Как вели себя гонщики А., З. и Н.? Что нового в тактике велосипедиста Т.? Какие дистанции они предпочитают? Сколько отрезков и с каким временем проезжают на тренировке? Заметны ли уязвимые места, и если заметны, как их можно использовать при личной встрече на дорожке?

Они разработали целый вопросник. Это было нечто вроде увлекательной игры, и никто из них всерьез не думал о том, что в будущем одному из них все эти наблюдения понадобятся для

умозаключений, выводов, которые лягут в основу будущей методики спортивной тренировки - и не только в велоспорте.

Самое серьезное испытание ждало молодого тренера во время поездки Михаила Дьякова в Англию, куда его рекомендовал Царскосельский кружок велосипедистов для участия в гонках национального чемпионата. Дьяков уезжал один, и надо было предварительно разработать несколько тактических вариантов, чтобы не застали врасплох неожиданные ходы соперников. В свою очередь, решено было применить новинку, которая была основана на некоторых индивидуальных качествах Дьякова, на его скоростной выносливости. После возвращения Дьяков рассказывал своим друзьям:

«Если говорить откровенно, то не так уж это было страшно. Тактически английские и приглашенные на открытый чемпионат гонщики были подготовлены плохо. Главное для них - жми на педали и постарайся уйти от соперников. Ни неожиданных рывков, изматывающих всех, кроме того, кто предложил их, ни игры со сменой ритмов не было. Я проиграл только первую гонку, да и то потому, что стартовала сразу огромная толпа и выбраться из нее было просто невозможно. Маневрировать не удавалось, я был зажат гонщиками со всех сторон, и до самого финиша мы шли такой вот бесформенной массой.

А затем я понял, что наш главный тактический вариант в таких условиях как раз то, что мне нужно. Дистанция ведь короткая, выносливости у меня хоть отбавляй, да и чувствовал я себя после переезда замечательно, акклиматизировался сразу. И как только стартер дал сигнал, я рванул вперед что есть сил. Думаю, что англичане сочли меня безумцем, ибо впечатление было такое, что я пошел на финиш, что впереди последние 100 метров. Конечно, идти далеко впереди всех, рассекая в одиночку сырой и густой английский воздух, было очень даже нелегко. Но мной уже овладел азарт, ноги были легкими, и догнать меня, даже когда все

спохватились и бросились в погоню, никто не смог. Такие же варианты я предложил и во всех остальных заездах и в Лондоне, и в Бирмингеме, серьезного ответа на мои предложения не услышал. Победы достались даже неожиданно легко, поскольку, повторяю, над тактикой мои соперники совсем не работают. В конце поездки я купил свежий номер местного велосипедного журнала и там увидел шарж на себя: я в костюме «Кружка» еду на велосипеде, в высоко поднятой руке держу медаль чемпиона...»

В 1896 году группа Панина завоевала большинство призов в велосипедных гонках, что и дало право журналу «Петербургская жизнь» напечатать большой снимок всей четверки и под ним подпись: «Лучшие ездоки Петербурга и их тренер». Впоследствии Николай Александрович писал об этом периоде своей тренерской жизни: «В чем же заключалась тогда моя тренерская работа? Я был студентом университета, и мое «тренерство» составляло для меня такое же любительское увлечение или развлечение, как участие в гонках для моих товарищей. Материальной заинтересованности в этом деле для меня не существовало. Никакой литературы о методике тренировки в моем распоряжении не было, и мы вместе с Крупским создавали начало ее на основе собственного опыта езды на велосипеде и наблюдений за самочувствием, сном и общим состоянием здоровья в связи с результатами прохождения тех или иных дистанций на тренировке. Дело сводилось к регистрации ряда показателей и к регулированию по полученным данным работы гонщика на ближайшие дни.

В основу тренировки был положен давно известный мне по практике гребли на Неве принцип: настойчиво работать над своим совершенствованием, не прерывая работу, если нет серьезных оснований, в течение примерно 4-6 недель. Кроме того, благотворно сказывались сам факт присутствия товарища-тренера на треке, его дружеское участие в работе гонщика, совместные обсуждения тактических приемов, наблюдения за посадкой, техникой езды, дыханием гонщика, за поведением его до и после

тренировки и, наконец, за общим режимом. Вот, собственно, и все. Однако результат у нас был блестящий. Другие хотя и хорошо ездили, но проигрывали и оставались на вторых и третьих местах. Не оттого ли, что вся их тренировка сводилась к одному: ездить каждый день как можно больше, не обращая внимания на самочувствие и преодолевая неохоту в случае ее появления?»

Был у Николая еще один ученик - Дмитрий Маршалов, сын известного петербургского яхтсмена, тоже студент университета. Одно время они часто отдыхали на даче Маршаловых в Стрельне и там тренировались ежедневно. Николай тоже не слезал с велосипеда, приобрел выносливость и благодаря этому смог очень серьезно подготовить Маршалова в тактике неожиданных бросков.

Снова была игра. Снова были загадки и отгадки. Снова надо было в доли секунды принимать решения в ответ на хитроумные ходы тренера. Маршалов должен был по ходу гонки всякий раз находить самые остроумные, парадоксальные решения в ответ на сюрпризы, которые ему предлагал Николай. И еще надо было в строго обусловленных местах попытаться сделать спурт и обойти соперника, который был к этому спурту готов и сам развивал максимальное ускорение. Тренировки получались интересными. А где интересно, там не замечаешь полета времени, не чувствуешь усталости. И Маршалов к середине сезона приобрел замечательную форму и отличился, победив в одной из гонок чемпиона России А. М. Фокина. Да и сам Николай окреп настолько, что мог уже составить конкуренцию самым сильным велосипедистам, во всяком случае своих учеников он уже обходил.

К концу девяностых годов велоспорт теряет свою привлекательность для Панина, ибо профессионализм все энергичнее начинает проникать в гонки. Но увлечение тренерской деятельностью сохраняется, оно дает новые ростки несколько лет спустя. А пока Николай делает для себя вывод: только тогда можно по-настоящему понять своего ученика и его потребности, когда

знаешь все тонкости данного вида спорта и спорта вообще. Он записывает эти выводы в свой дневник, он размышляет над ними, чтобы, в конце концов, сформулировать следующую, можно сказать классическую, заповедь: «...выбору личного состава преподавателей и тренеров должно быть уделено особое внимание. К тренерской деятельности должны допускаться только лица, имеющие специальное физкультурное образование не ниже техникума, или лица, уже зарекомендовавшие себя безупречной и успешной работой в данной области. С другой стороны, было бы совершенно неверным допускать к этой работе только лиц, имеющих тот или иной стаж успешного участия в соревнованиях, также неверно допускать к ней малокультурных людей только потому, что они имеют личные спортивные достижения. Звание чемпиона еще не делает из спортсмена педагога; чтобы сделаться им, необходимо пройти специальную серьезную подготовку.

Даже человек, никогда не выступавший сам на соревнованиях, но имеющий необходимые для педагога качества и знания в фигурном катании, может принести большую пользу, чем морально неустойчивый чемпион. Для таких лиц, однако, необходимо испытание на право исполнять обязанности тренера и преподавателя...»

И еще:

«Ответственность педагога-тренера увеличивается в условиях подготовки к соревнованиям и проведения их, в особенности в его работе с подростками, где закладывается фундамент для формирования характера будущего спортсмена. Он должен уметь использовать обстановку соревнования для правильного воспитания своих учеников. В частности, он должен внушить им подлинно товарищеское, благородное отношение к противникам не только в своем коллективе, но и при встречах с членами других организаций, честное отношение к победе за лучшие достижения и стремление честно завоевать победу...»

Поэт писал:

*Я чувствую за них за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.
Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы,
Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа...*

Такие строчки Николай Александрович мог бы поставить эпитафией ко всей своей тренерско-педагогической деятельности. Двуединство тренер - ученик не переставало волновать его с того далекого 1897 года, когда он впервые попробовал свои тренерские силы, и до самого конца пути.

Он пошел по этому пути, не испытывая и тени сомнения. Путь был таинственным. Путь был почти непроверенным, и надо было рисковать на каждом шагу. Путь, наконец, в окружавшей его среде пользовался репутацией сомнительного, ибо спорт считался развлечением - не более! - и если для кого-то он превращался в основное дело, да еще жизненно необходимое, тому пощады ждать не следовало. С этим Николаю Александровичу приходилось сталкиваться, и не раз. Ибо после окончания университета по отделению физической химии он в принципе должен был остаться здесь для продолжения научной работы. Но надо было срочно искать заработок. И после небольшой стажировки при Петербургской казенной палате он получает место в финансовом ведомстве по департаменту окладных сборов. Вначале - место помощника, а затем и инспектора Царскосельского уезда.

Бюрократический аппарат. Бюрократические привычки. Бюрократический взгляд на жизнь. Каждый день, каждый час

немеркнувшее око начальства, бдительно следящее за тем, чтобы в подведомственной канцелярии никто и ничем не выделялся. Двойная жизнь. Жизнь под псевдонимом: царскому чиновнику в спорте делать нечего.

И он вел ее, двойную жизнь, в течение долгих лет. Пока не пришла революция. И когда можно уже было избавиться от псевдонима, когда больше не потребовалась маскировка, выяснилось, что псевдоним стал как бы второй фамилией. Более того: первой и очень уважаемой фамилией, без которой Николай Александрович уже и представить себя не мог. Так они и остались при нем навсегда - две фамилии: Панин-Коломенкин.

Счастливой оказалась судьба спортивного псевдонима. Счастливой она была с самого первого шага, хотя вначале «Паниным» был совсем другой спортсмен. Студент университета Коля Коломенкин получил псевдоним по наследству от другого студента - Сережи Крупского, своего ученика и друга, велосипедиста, о котором уже рассказывалось в этой главе. После одного неудачного заезда и травмы отец Крупского, маститый профессор, который и раньше не одобрял спортивные занятия сына, категорически запретил ему выступать на состязаниях. Тогда-то Сергей и подарил свой псевдоним Николаю.

- Он мне всегда приносил удачу во время гонок. Он пригодится и тебе. Я это чувствую. Поверь мне...

Новый Панин слушал старого Панина. Они понимали друг друга.

- Спасибо. Вместе с псевдонимом я возьму и твою веру в то, что он приносит счастье!

Крупский, конечно, знал о новом увлечении своего друга. Вполне возможно, что и раньше Николай рассказывал ему о своей детской любви к конькам. Но теперь все было по-другому. В Юсуповом

саду на тренировки собирались превосходные спортсмены. Дедушка русских фигуристов Алексей Павлович Лебедев стал одним из самых активных воспитателей молодых спортсменов. Продолжал свои выступления Александр Никитич Паншин - выдающийся конькобежец и фигурист. Вячеслав Измаилович Срезневский, бессменный председатель «Общества любителей бега на коньках», был прекрасным организатором и самым энергичным поклонником фигурного катания. И не случайно именно на катке общества в 1896 году было решено провести первый мировой чемпионат фигуристов.

Коля Коломенкин видел, как шел этот чемпионат. Помнил хруст льда в тишине, когда четверо участников решили попробовать начертить свои фигуры; первые резкие взмахи рук - нечто вроде сегодняшней разминки; осторожные взгляды - поиски ориентиров, с помощью которых легче найти «полюсы» своей фигуры.

В священнодействиях каждого фигуриста был какой-то свой особый смысл, и Коле сразу же захотелось докопаться до первооснов их действий. Но когда он попробовал это сделать, ничего не вышло. Не смог он перевоплотиться ни в венца Густава Хюгеля, ни в сильнейшего фигуриста из Мюнхена Гильберта Фукса, ни в петербуржцев - Георгия Сандерса и Николая Подускова.

Но больше всего Коля был огорчен тем, что русские в чемпионате никак не могли противостоять двум иностранцам.

«Как же так, - думал он изо дня в день, - как же так: мы были сильнейшими, Лебедев мог побить самых лучших в мире. И было это совсем недавно, всего шесть лет назад. И до этого мы часто побеждали на международных состязаниях - и у себя дома, и за рубежом. А сейчас проигрываем. И безнадежно. Почему? Как дошли до такой жизни? Ведь мы привыкли уже к мысли, что наш каток - самый лучший. Что наши специальные фигуры - самые

красивые. Что мы первооткрыватели многих элементов. И что при нашей замечательной музыке все наши фигуристы - образец музыкальности.

Тогда почему же Сандерс и Подусков так далеко позади?

Говорят, что они тренировались форсированно, что лучших у нас сейчас нет... Но почему же нет? Ведь Лебедев остался, и он тренирует меня и других молодых фигуристов. Что же мешает нам принять от него эстафету? Вопрос заключается в нас самих или в чем-то другом, мне пока неизвестном?»

Размышляя над этим, он не переставал разнимать на самые мелкие детали ход и картинку чемпионата, тасовал и снова складывал мозаику впечатлений.

Бот Гильберт Фукс. Он невысок, подвижен - сгусток энергии. Он, вероятно, занимается - или раньше много занимался - гимнастикой. Как и балет, гимнастика накладывает свой несмываемый отпечаток на тех, кто ею занимался. Осанка. Походка. Поворот головы. Жест - четкий и уверенный. Да, да, фигуристу гимнастика важна. Но в меру, конечно. Как и балет. Точнее - хореография. Чувство меры тут обязательно, потому что у Фукса от его гимнастики чуть больше резкости, чем нужно. Плавность движений от этого уменьшается. Пластика принимает иной характер.

Но зато смел. И программа произвольного катания отражает его смелость. Он, как оркестр, играющий бравурные марши, - сплошные восклицательные знаки!

Прыжок в полтора оборота высок и чеканен. Выезд безукоризненно элегантен. Это создает иллюзию легкости и доступности. Не поддаваться только на этот мираж: прыжок труден, и на тренировке надо посмотреть и подход к нему и саму конструкцию механизма полета и вращения. «Волчок» у Фукса раскручивается с первого

оборота, и выходит он из него даже неожиданно, когда скорость еще не погашена. Это тоже дает дополнительный эффект. В «корабике» мюнхенский фаворит легко меняет направление скольжения и непрерывно рассекает гладь ледового озера.

А теперь надо отбросить второстепенные детали. Что же главное? Что может оставить себе в качестве «рамы», «сетки», которую затем можно заполнять и собственным содержанием?

Главное в программе Фукса - приходит наконец он к единственно важному для себя выводу - это ее целесообразность. В программе нет лишних, а потому и ненужных, раздражающих деталей. Все в ней пронизано рациональностью. Отсюда и законченность, завершенность. Для Коли Коломенкина во всем этом целая жизненная программа. Он даже на лицо Фукса смотрит и ищет некую целесообразность мимики, идущую от тех движений, которые принадлежат корпусу, ногам.

Густав Хюгель совсем другой. Во время демонстрации обязательных фигур он выглядел даже печальным. Лицо его на сложных «узлах» вытягивалось, все черты заострялись, как у тяжелобольного. Конечно, трудно найти прямую связь между выражением лица и тем узором, который выписывают на льду ноги спортсмена. И все-таки Коля чувствовал эту связь и отмечал про себя, что даже если судьи не отреагируют на это «мученичество» снижением оценок, все равно по каким-то неуловимым нервным каналам выражение лица запечатлется в ледовой графике и сделает ее или веселой или грустной.

Он еще не записывает свои выводы. Он их только приплюсовывает и непрерывно проецирует на себя.

Конечно, ни к чему брать слащавые, манерные движения Хюгеля в качестве образца для подражания. Но вот некоторые элементы, в частности пируэты, на вооружение пригодятся.

Ну, а специальным фигурам Фуксу и Хюгелю поучиться надо у Сандерса. Тут его «крест» с крохотными колпачками - непревзойденный пока образец чертежного мастерства.

Итак, Фукс заслуженно становится первым мировым чемпионом, а Хюгель завоевывает серебро. У Сандерса золотая медаль за специальные фигуры. Если бы можно было соединить вместе смелость прыжков и легкость хода первого с музыкальностью и стремительностью пируэтов второго и добавить к этому невиданные ранее орнаменты специальных фигур третьего, то получился бы почти идеальный спортсмен. Панин уже видит такого фигуриста. Он готов его создать. Побороться за его универсальный, завершенный стиль.

С тех пор всегда, на любой тренировке, на любом соревновании, он отмечал беспрерывно: это пригодится для меня, это может быть использовано для других. А вот это - грубо, это нарушает целостность восприятия и посему от этого надо избавляться. И мне. И другим. Каждая картинка препарировалась. Вначале этот процесс шел как бы сам собой. А затем Панин начал стимулировать этот анализ.

Он готовил себя к будущему, еще не зная, каким оно будет! Он готовился стать тренером-педагогом, еще не зная, что такая профессия в недалеком - учитывая масштабы истории - будущем станет одной из самых почетных и благородных!

Он дал стихии спорта унести себя, чтобы потом взять бразды правления в свои руки и покорить ее. И для себя, и для других!

А пока - тренировки и подготовки к первому официальному старту. После поражения на первом мировом чемпионате зашевелился комитет «Общества». Занятия и ведущих фигуристов, и совсем молодых пошли планомерно. На том участке катка, который

именовался «академией» и который отдавался самым сильным, теперь регулярно тренировались вместе с А. Паншиным юные А. Морозов, С. Палехов, А. Гопп и Коля Коломенкин, заявивший, что отныне на состязаниях он будет выступать под псевдонимом Панин. В эти дни и стало известно, что на первые числа февраля 1897 года планируется состязание на звание «Лучшего конькобежца России по искусству», иначе говоря - первый чемпионат России по фигурному катанию на коньках. Ближайшая цель обозначилась предельно четко. Но она еще была недостижима, потому что к первенству допускались только опытные спортсмены, а для молодняка устраивалось отдельное соревнование. Двери открыты для всех. Записываются для участия семеро. Среди них и Панин.

Собственное его свидетельство о том, как шли соревнования, чрезвычайно важно, поскольку в нем есть то рациональное зерно, которое он сохранял и развивал всю жизнь:

Я уже тогда без чьих-либо указаний понимал, как важно заранее изучить и использовать все условия, в которых должно пройти предстоящее соревнование. Еще на тренировках, мучась над восьмеркой и одной двукратной тройкой в первой половине восьмерки (вторая часть фигуры выходила чуть ли не вдвое меньше первой- не хватало хода после двух троек), я заметил, что в середине большого пруда, где обычно проходят соревнования, лед имеет едва заметный уклон во все стороны, от возвышающегося неподалеку фонтана по направлению к туфовой скале. С этой минуты восьмерка меня больше не страшила.

На соревнованиях проделал некоторые фигуры не хуже Римера (фигурист из Юрьевского клуба конькобежцев), а петлю вперед намного лучше. Когда же дошло дело до восьмерки, я начал ее близ фонтана в направлении к нему, а на перетяжке меня так понесло под гору, что вторая часть фигуры получилась как раз требуемой огромной величины, и я услышал, как кто-то из судей сказал: «Вот это так!»

Произвольное катание и три оригинальные специальные фигуры совсем закрепили мое преимущество: я набрал 88,1 процента наивысшей оценки. Ример получил второй приз, Морозов - третий.

Уже после первой победы в 1897 году я начал обучать фигурному катанию младших конькобежцев в Юсуповом саду... Постепенно, в результате упорной работы над собой, я, недавний ученик школы фигурного катания, сам стал тренером-общественником. Работу по воспитанию новых спортивных кадров я рассматривал как свой долг перед отечественным спортом, и эта работа приносила мне большое удовлетворение».

...Мальчишка стоял перед ним, худенький, руки тонкие и длинные, но глаз острый, даже озорной. Плечи расправлены, не горбится. Сил у него, конечно, маловато, на коньках почти не стоял. Стоит ли его принимать в группу? Нет, нет, вопрос надо формулировать по-другому: принесут ли мальчишке пользу тренировки? Ведь никакие соображения о, казалось бы, недостаточной способности к фигурному катанию, равно как и о недостаточной красоте и пропорциональности сложения, не могут послужить основанием для отказа. Нарушать эту заповедь нельзя ни в коем случае. Нарушишь хоть раз -сам себя уважать перестанешь.

А мальчишка ждет ответа. Он даже несколько смущен затянувшейся паузой. Как и любой другой мальчишка, он очень уязвим. Он верит, что из него обязательно получится настоящий спортсмен, что он сумеет показать себя в любой сложной ситуации. У него нет и тени сомнения, что его силы и возможности сразу же будут оценены по достоинству. Небольшая заминка заставляет его покраснеть от еле сдерживаемого напряжения. «Нет» опрокинет всю систему его личных оценок, вполне возможно, создаст даже некий комплекс неуверенности в своих силах.

- Мы принимаем тебя в свою группу. Ты нам годишься. У тебя должно получиться. Вот только как с характером у тебя? Ты сам задумывался над тем, какой у тебя характер? Хватит сил и терпения, чтобы тренироваться несколько раз в неделю, в мороз и оттепель, по несколько часов? Обязательные фигуры у нас сложные, часто неподдающиеся месяцами. В произвольном катании много прыжков, будешь часто падать. Больно тебе будет, и никто не сумеет вовремя подстраховать. Я просто не успею тебя поддержать. Никто не успеет. Я тебя не запугиваю. Просто хочу, чтобы ты сам подумал, сам соизмерил свои силы с тем, что тебе придется делать сегодня и в будущем. Понимаешь, о чем речь? Я хочу, чтобы ты не был автоматом. Я хочу, чтобы ты был моим учеником и помощником, чтобы ты помогал мне делать из тебя настоящего фигуриста!

Мальчишка горд, что ему так доверяют. Ученик и помощник тренера! Это ему и не снилось.

- Николай Александрович, я хочу быть вашим помощником. Я готов уже сейчас, немедленно выйти на площадку. Что мне надо делать?

- Ну что ж, я рад, что у меня появился такой деятельный помощник. Начнем действительно с сегодняшнего урока.

И так - десятки, сотни, тысячи раз.

В 1897 году.

В 1920-м.

В 1945-м.

И даже в 1955-м, когда ноги уже не держали. Когда только глаза лучились пониманием. Когда совет - умный и точный, слово -

емкое и незабываемое остались его единственным педагогическим оружием.

Панин живет в той паре, которая стала первым нашим олимпийским чемпионом...

- Как вас зовут, молодой человек?

- Олег.

- Покажите мне еще раз ваш пируэт, пожалуйста... А теперь поскользите в «ласточке»... Как это у вас там получается этот взмах рук? Еще разок, прошу... Вот и отлично. Интересная у вас пластика. Кто учил этому? Мама и сам? Хорошо, хорошо. У вас многое может получиться. Только помните, что техника нужна для того, чтобы с ее помощью выражать человеческие чувства. Наш вид спорта словно создан для этого. Он, пожалуй, пока единственный такой.

И, несомненно, панинское начало есть в маленькой Елене Водорезовой, чей тренер - Станислав Жук - был учеником Петра Орлова, выпускника школы Николая Панина-Коломенкина...

Перед небольшим, закутанным в плед человеком, сидящим в специальном кресле-саях у кромки катка, группа совсем юных фигуристок. Они прыгают прыжки сложные для их возраста, раньше такие под силу были лишь взрослым спортсменам. Вращаются - пируэты тоже выглядят как у взрослых. Скорость скольжения уже высока. Словом, прочь сомнения: высокий уровень мастерства доступен ребятам лет десяти.

Их тренер - женщина средних лет со спортивной осанкой и уверенными жестами - тоже стоит на льду на коньках. Вот она подъехала к высокой белокурой девочке, только что взлетавшей в воздух и приземлившейся не слишком удачно. Приглушенное восклицание. Совместное скольжение - новый подход к прыжку.

Ракета-носитель и вторая ступень. Пока они несутся вместе, но наступает миг, когда дальнейший общий полет невозможен. Тренер резко тормозит, а ученица уходит в простор надо льдом, чтобы, сделав два оборота в воздухе, легко скользнуть и затормозить перед самыми саями. Перед человеком, который не отрывает счастливого взгляда и от этой пары, и от траектории полета, и от легкого снежного облачка, образовавшегося на «летном поле» после приземления юной фигуристки.

- Вы совершенно правы. Отстаивайте и далее - на всех уровнях - свою точку зрения. Мы и так уже довольно много лет потеряли, ориентируясь на спортсменов, которые гораздо старше ваших. Да, да, я вижу, как они быстро впитывают каждое замечание, каждый совет, как быстро правят собственные ошибки. Очевидно, вы у себя в Москве нашли тот оптимальный возрастной вариант, о котором только можно мечтать. Ваша группа пойдет далеко, и можно будет вновь реально думать об олимпийском успехе...

Николай Александрович устало закрывает глаза. А перед ним все кружат и кружат девчонки и мальчишки. Он несколько секунд не видит их, но чувствует присутствие и движение каждого. Он закрыл глаза не от усталости, а только лишь для того, чтобы проверить себя, свои ощущения, свое видение этих счастливых ребятишек. И когда он вновь открывает глаза, голубая реальность прекрасного дня заполняет его до отказа.

Дома он делает запись для последнего своего учебника: «Все идет так, как я и предполагал. Опыт последних лет показывает, что при хорошем руководстве нередко встречаются дети 10-12 лет, достижения которых в фигурном катании нисколько не уступают достижениям значительно более взрослых фигуристов с гораздо большим стажем работы на льду. Яркие примеры этого мы видим в школе московского стадиона Юных пионеров, где в руках опытного тренера Т. А. Гранаткиной-Толмачевой растут дети 10 и 11 лет,

выступающие с почти мастерскими программами произвольного катания...»

Потом он перелистывает рукопись, главу за главой, ищет в ней нужные места, чтобы усилить свои доводы, сделать их еще более вескими. Дети должны заниматься фигурным катанием с раннего возраста. С какого точно? Ответ показывают практики, обгоняющие развитие теории. Какова конструкция таких занятий с детьми? Опять-таки надо искать ответа у практиков. Наука, к сожалению, в нашем спорте только догоняет их. Делает попытку догнать.

Что же все-таки уже мы знаем более или менее точно? Что можно рекомендовать в учебнике?

Он задумывается, и сразу же десятки таких родных и хорошо знакомых людей обступают его. Взрослые и дети. На льду и в классе для хореографии. На соревнованиях и тренировках. Задумчивые и смеющиеся, шаловливые и не по-детски серьезные, когда надо выходить на старт. Он тоже во всем идет от практики, из нее он брал свои педагогические приемы, она подсказывала ему почти все решения.

И Панин пишет о том, что в дореволюционной России, да и в первые годы Советской Республики, среди специалистов фигурного катания существовало мнение, что дети на коньках могут кататься с 4 лет. Но только в том случае, если коньки эти специальные, трехполозные, - тогда стопы не подгибаются внутрь или наружу. К занятиям собственно фигурным катанием, где скольжение происходит постоянно на одной ноге, да еще с довольно крутыми наклонами всего тела то в одну, то в другую сторону и мощными отталкиваниями ото льда внутренней стороной стопы, допускались только подростки 14-15 лет.

В тридцатые же годы на Западе вдруг возникло течение, апологеты которого утверждали, что настоящим фигурным катанием можно заниматься детям чуть ли не с пеленок. Во всяком случае, года в три или четыре можно выходить на лед и осваивать довольно сложную технику.

Далее Панин со свойственной ему категоричностью делает вывод: «Оба этих крайних мнения надо признать неверными. Процесс окостенения скелета охватывает не только детство, но и юность. И все же костная ткань только в дошкольном возрасте отличается такой податливостью, при которой могли бы последовать нежелательные изменения в ее формах под влиянием таких небольших боковых сопротивлений, какие испытывает голень при фигурном катании. Да и связки и мышцы нижних конечностей у детей школьного возраста уже настолько прочны, что позволяют им без вреда резвиться на обычных коньках, совершая резкие повороты и остановки с разбега. Такое катание, кстати, гораздо более рискованно, нежели правильные элементарные приемы фигурного катания. Следовательно, заниматься - и достаточно активно - фигурным катанием как видом спорта можно - и нужно! - уже с младшего школьного возраста. Практически с 6 или 7 лет.

И вообще, при простом катании на коньках, обычно на хоккейных, у дошкольников или, скажем, первоклассников в результате катания с наклоненным корпусом и выпяченным назад тазом возникает искривление позвоночника. Зато фигурное катание, строго требующее правильной осанки, быстро и легко исправляет этот физический недостаток. И при этом великолепная тренировка органов равновесия, совершенная работа которых может так пригодиться современному человеку...»

Сомнений нет и быть уже не может, тем более что и практический опыт свидетельствует: пора, давно пора создавать детские секции, школы и группы фигурного катания по всей стране. Настоящая «взрослая» тренировка детям в полном объеме недоступна. Значит,

товарищи тренеры, расширьте смысл узкого слова «тренировка», играйте с детьми и учите при этом - мягко, ненавязчиво, тонко. Создавайте из них творцов, людей с художественным воображением. Гармония будущей личности должна сразу быть в центре внимания...

Когда же Панин впервые начал задумываться над этим, самым важным для него, постулатом? В первой группе учеников он не был даже старшим по возрасту. Он начинал вместе с ними. Он стал первым среди равных, и возможность помогать товарищам по клубу - Е. Тягельскому, А. Россу, И. Биркину, А. Лангеру, А. Казиминову и К. Олло - была приятной и естественной. Вместе с ними рос и он. Правда, его темпы роста были чуть выше - тем более хотелось помочь им и советом, и личным примером. Он никогда не держал в тайне даже маленьких открытий.

Щедрость таланта? Да, конечно. Но не только это. В первую очередь - и это самое важное - щедрость педагога, идущего впереди. Щедрость экспериментатора, проверяющего вначале на себе свои открытия, а затем со всем жаром и хладнокровием сердца отдающего их на службу доброму делу.

Чемпионат России 1905 года был немногочисленным. Панин вернулся после чемпионата Европы в Давосе, где завоевал третье место, и заявил, что отныне он, трехкратный чемпион России, не будет более выступать на первенствах у себя дома, а сосредоточится на подготовке только к международным стартам. И все-таки, когда пришла пора чемпионата, он вышел на лед: в стороне от своего дела находиться не мог, тем более тогда, когда вдруг увидел некоторый спад интереса к фигурному катанию.

Главными его соперниками были Федор Датлин и Карл Олло. Он хорошо их знал, а Олло, напомним, уже был его учеником. Панин почти не тренировался накануне чемпионата, и это должно было уравнивать шансы сторон. Но даже в такой, казалось бы совершенно

невыгодной для него, ситуации Николай Александрович остался верен себе.

- Я прошу вас обоих после тренировки задержаться. Ненадолго. Хочу поделиться одним наблюдением. Может, оно вам пригодится. Я лично считаю - и проверил на опыте, - что оно в принципе дает преимущество тем, кто его использует.

Карл и Федор - само внимание. Они готовы слушать Панина хоть весь вечер. Хоть сейчас, на льду. Но тренировка не должна прерываться. Панин остается у границы катка, наблюдает за фигуристами. Измеряет величину восьмерок, выверяет точность «петель», «крюков». Он и доволен, и неудовлетворен одновременно, но не торопится что-либо говорить. Смотрит, изучает, измеряет и делает выводы. Знание делает его уверенным в своей правоте и еще более сильным. Олло и Датлин следят за чемпионом и даже слегка недоумевают: уж больно тщательно выверяет он их следы. К чему бы это, если корректировов он тут же не вносит, а держит Все при себе? Такого ведь за Николаем Александровичем не водится.

И вот тренировка закончена. Карл и Федор бросаются в теплую раздевалку. Панин не спеша, сияющий, идет за ними. Он торжествующе поглядывает на друзей. Не торопится. Даже слегка интригует, затягивая паузу.

- Отстали мы немного, отстали. Инженерная мысль слабо работает. Мало наблюдаем и делаем выводы. А ведь наши зарубежные соперники не спят. Они не только тренируются, они еще и коньки свои совершенствуют. Крохотную реконструкцию некоторые произвели и сразу преимущество получили. И по сравнению со мной в том числе. Я уже заметил, в чем дело. К лезвиям успел присмотреться - они кривизну рабочей линии увеличили. У нас задняя часть конька как выглядит? Взгляните, прямая почти. И именно это не позволяет, оказывается, чисто и непринужденно

выполнять «петли» вперед-наружу и внутрь. Если мы чуть изменим кривизну, выгнем больше рабочую линию, «петли» нас больше никогда захлестывать не будут. Естественно, что и технику исполнения придется слегка изменить, но это дело несложное, я уже все продумал, на следующей тренировке покажу, что и как надо делать. А пока начнем переточку коньков. Все ясно?

Датлин и Олло хотели броситься к Николаю Александровичу и расцеловать его. Они были эмоциональными и чувствительными людьми и не стеснялись бурного изъяснения чувств. Но остановились на полпути, поскольку знали, что Панин к «знакам благодарности» относится неодобрительно.

Он заметил их колебания и добавил, улыбаясь:

- Спасибо скажете, когда чемпионат закончится. Нам еще с вами борьба предстоит. Поберегите свои чувства для нее...

Панин стал в четвертый раз чемпионом России. Датлин и Олло уступили ему, хотя и не без боя. Урок спортивный и нравственный, который был им преподнесен, дал свои ростки чуть позже. Оба они стали великолепными мастерами и не раз выигрывали крупные соревнования, в том числе и первые призы на чемпионатах России. Много лет вели они между собой бескомпромиссную борьбу. Панин помогал обоим. А когда после победы на Олимпийских играх в Лондоне Николай Александрович перестал выступать сам, и Датлин и Олло стали не только его учениками, но и первыми помощниками. Именно они были у истоков школы Панина.

«После 1908 года у меня постепенно появились новые молодые последователи, влюбленные в искусство катания; некоторые из них обладали несомненным талантом, - пишет Панин, вспоминая о днях зарождения своей школы. - Занятия проводились обычно по вечерам с 8 до 11 часов ежедневно, а по воскресеньям с утра до 2 часов. Кроме того, по воскресеньям с 2 до 5 и по четвергам вечером

на катке играла музыка, и все тренировались под нее в произвольном катании. Это было обширное поле для методических наблюдений и выводов, которые послужили впоследствии материалом для моей книги.

Наши занятия носили чисто любительский характер. Приходили ко мне в «академию» все, кому хотелось чему-нибудь научиться в фигурном катании, а занимались им «понемножку» очень многие из посетителей нашей «Юсуповки». Никакой обязательности в посещении занятий не было, платы за обучение не взималось, ни я, никто другой не получали вознаграждения в какой бы то ни было форме за педагогическую работу...

В этой интересной учебной работе начали вырисовываться некоторые педагогические приемы воспитания молодых спортсменов. Например, как бы плохо ни катался начинающий, никогда не надо говорить ему об этом. Наоборот, необходимо поддерживать в нем уверенность в его способностях, в близком достижении поставленной цели при условии, что он будет непрерывно и упорно работать над собой. Кроме того, я всегда внушал своим ученикам, готовившимся к соревнованиям, что они должны показать максимум своих достижений, приложить все свои силы, использовать все возможности к выигрышу первого места, но не унывать в случае неудачи и добиваться победы, если не в этот, то в следующий раз.

Проработанные и обоснованные мною теоретические методы обучения оказались настолько действенными, что получили всеобщее признание. Я нередко бывал в большом затруднении: столько находилось желающих заниматься у меня, что не оставалось времени для личной тренировки».

Каждому, кто поступал в его школу, Николай Александрович повторял слова - и требовал, чтобы он запомнил на всю жизнь, - Алексея Павловича Лебедева, ветерана «Юсуповки» и первого

неофициального чемпиона мира: «Гораздо труднее и почетнее хорошо проиграть, чем плохо выиграть!»

По сей день помнит эти слова и один из лучших учеников Панина - в послереволюционные годы ленинградский профессор, доктор наук - Александр Борисович Гандельсман. На вопрос, что для него было главным в учителе, он отвечает так: «Молодость мышления. Удивительно чувствовал Панин новое. Груз прошлого опыта всегда был с ним, но никогда не заставлял сгибаться. Он одинаково свежо воспринимал и новые сугубо спортивные и педагогические идеи, и новых учеников - со всей неповторимостью их характеров. Он постоянно удивлял нас всех образностью и точностью мышления. И еще одному учиться у него можно было бесконечно: патриотизму. Во время Великой Отечественной войны эта черта его характера проявилась, считаю, наиболее ярко».

- Штыковой удар должен быть резким, отрывистым. Мигнул только - и готов к новому уколу. Прозевал - и для отражения вражеского удара времени не будет, так что - быстрее, быстрее, быстрее. Реакцию надо в себе вырабатывать. Это ничего, что раньше спортом не занимались. Приходите ко мне вечером, и я вам целую серию упражнений дам для выработки реакции. Это в бою ох как пригодится! Ну да сейчас не время для дополнительной агитации: выработаете за месяц-другой настоящую спортивную реакцию, скоростную выносливость и закалку - врагов по-геройски уничтожать будете, сами уцелеете в бою и товарищам поможете, - невысокий сухонький дедок в ватных штанах, телогрейке и выдавшей вида финской шапочке поистине неутомим. Ему уже за семьдесят, но нагрузку он выдерживает за день двойную, а то и тройную. Одна группа молодых офицеров сменяет другую, а он все в зале. Если смотреть на него со спины и видеть только движения - выпады и защиты с винтовкой в руках, - то полное впечатление, что это очень сильный юный фехтовальщик. Каждое движение удивительно точно и быстро. Его противники на боевой дорожке часто не выдерживают натиска и тогда, шутливо подняв вверх руки,

кричат:

- Сдаемся, Николай Александрович, ваша взяла! Сдаемся на милость победителя и только об одном просим - во время перерыва посидите с нами.

В короткие минуты отдыха нет конца расспросам:

- Это правда, что вы - олимпийский чемпион по фигурному катанию?

- Да, правда. В Лондоне защищал честь нашего флага. И вручили мне золотую медаль за выполнение специальных фигур...

Панин рассказывает увлеченно. Он вспоминает деталь за деталью. И когда добирается до необъективности некоторых судей, до сговоров за спиной спортсменов, лица его слушателей суровеют.

- Значит, как на войне иной раз бывает: с флангов заходят, с тыла наравят забраться? И как вы их там? Не отступили? Да вы ведь у нас такой, что противнику ничего не отдадите. Это мы уж и сами видим!

Панин видит молодые лица, обращенные к нему. Их неподдельную радость, когда он говорит о победах русских спортсменов, и сам молодеет.

- А правда, что вы были в осажденном Ленинграде? Что блокаду пережили? И что сам товарищ Жданов вас из Ленинграда провожал сюда, в Москву?

Панин вспоминает белые сугробы. Улицы - снежные тоннели. Белесые сумерки. Непрерывность канонады. Слабеющее тело. Разговоры вполголоса: погиб, скончался от холода, от голода... Ушла из жизни любимая ученица Ксения Цезар - многократная

чемпионка России, первая женщина-фигуристка. Жалкие глаза любимой собаки Ляльки. Он выстрелил в нее отвернувшись. Собаку нечем было кормить. Лялька помогла ему выжить в самый кризисный момент.

Потом письмо, доставленное нарочным.

Заснеженная, страшная дорога, когда навстречу - сани, сани, сани, а в санях покойники. Когда ветер старается подрубить ослабевшие ноги. Когда нет в опустевшей голове никаких мыслей, только одно стучит: «Дойти, дойти, не останавливаться».

- Андрей Александрович Жданов пошел навстречу мне, поздоровался и сказал: «Вам нельзя здесь оставаться. Мы решили отправить вас ближайшим эшелоном».- Я не ожидал этих слов-кому я был нужен в это страшное время, старый, сдающий с каждым днем человек? Жданов улыбнулся мне поддерживающе. И добавил: - «Мне многое о вас рассказывали. Вы очень много сделали для нашей Родины. И я верю, что еще очень многое сумеете сделать». Я чуть не заплакал. И сказал в ответ: «Спасибо, огромное спасибо, товарищ Жданов! Чем я могу отблагодарить за такую заботу вас?» И услышал в ответ: «Меня благодарить не за что». У меня закружилась голова. Ноги стали совсем ватными. Как сквозь туман увидел, что Андрей Александрович нажимает кнопку звонка и при этом что-то говорит мне. Я отвечаю - дыхание перехватывает, собственных слов не слышу: «Ничего, это сейчас пройдет. Просто слегка голова закружилась. Извините меня». Тут вошел адъютант, и я услышал, как Жданов приказал ему тут же отвести меня в столовую и накормить. А затем отвезти домой на его машине. Вот и все. Больше мы не виделись. Только на следующий день, когда вещи уже были собраны для отъезда, я взял ящик из черного дерева, в котором лежали два пистолета вороненой стали с инкрустацией - с их помощью я завоевал в Париже в 1908 году золотую медаль «Гастинн-ренетт», - написал коротенькое письмо

Андрею Александровичу Жданову и отнес этот мой подарок в Смольный...

- Николай Александрович, а еще один вопрос можно? Откуда вы так хорошо штыковой бой знаете? Вы ведь фигурным катанием увлекались? Даже чемпионом были!..

- Фигурное катание было, есть и будет моим главным увлечением. Но были и другие. Кроме стрельбы, любил парусный спорт, велосипед и фехтование. Как и все ребяташки, начинал с увлечения тремя мушкетерами. Но, конечно, штыковой бой не изучали. И впервые с ним я столкнулся в восемнадцатом грозном году. А было это так... Летом я много и тяжело болел. Тиф гулял вовсю. Война шла у стен Петрограда. Я был один и очень много размышлял над своей судьбой, над судьбой моей страны. И быстро понял, что революция рабочих и крестьян - это и моя революция. Она необходима мне, а я должен стать необходимым ей!..

Комиссару Царского Села, где я продолжал жить, показал свои дипломы и награды. Сказал, что стрелять я умею и готов активно участвовать в борьбе против врагов Советской власти. Комиссар спросил меня, не болел ли я в последнее время, и, услышав утвердительный ответ, сказал, что на фронт послать меня не может, но что я могу очень помочь революции, если возьмусь за обучение молодых бойцов Красной Армии. Так я стал инструктором Всевобуча. Конечно, организовать тренировки для будущих красных солдат было очень трудно: не было инвентаря, да и мне самому пришлось основы, скажем, боя на штыках изучать заново. Вместе со своими учениками - молодыми рабочими, гимназистами из старших классов - я раздобыл в конце концов несколько револьверов, рапир, винтовок. А когда наступила зима - лыжи. Ах, какие это были ребята, какие энтузиасты, они жили революцией и готовы были отдать за нее жизнь! И многие отдали... А теперь вы продолжаете их дело. И я вместе с вами, как и тогда, иду на фронт...

Глава 11. Самый суровый судья

Судейство в фигурном катании - дело очень важное. Несмотря на ряд улучшений, внесенных в правила соревнований в течение последнего полувека, именно в этом виде спорта судейские оценки легко становятся субъективными. Это крайне нежелательно и даже недопустимо уже потому, что малейшая неправильность в оценке сильнее всего расхолаживает даже взрослых участников соревнований, не говоря уже о детях, которые значительно острее воспринимают всякую оказанную им несправедливость. Неправильное, а тем более пристрастное судейство приносит спорту огромный вред...

Н. А. Панин. «Искусство фигуриста»

...каждый судья должен уметь оградить себя от какого бы то ни было постороннего влияния и от разговоров во время соревнований и судить совершенно самостоятельно, по возможности избегая выставления одинаковых оценок двум или нескольким конкурентам, за исключением случаев действительно вполне равноценного исполнения. Мы уже не говорим о беспристрастном отношении ко всем участникам соревнований, кто бы они ни были.

Н. А. Панин. «Фигурное катание на коньках»

Состоялось заседание Чехословацкой центральной секции фигурного катания. Она обсудила

результаты выступлений нашей команды на чемпионате Европы в Москве. Одновременно секция проанализировала работу наших судей на чемпионате Европы. Речь шла, в частности, о соревнованиях мужчин и о судействе Хелены Духковой, которая, как мы уже писали раньше, неправильно выставила оценки. Секция запретила Духковой в течение двух лет судить международные соревнования...

«Ческословенски спорт», 1965 г.

В детских играх судьи не нужны. Хоккей на дворовой площадке или футбол не требуют дирижеров и регулировщиков. Дети в состоянии сами разобраться в ошибках и нарушениях правил, которые, кстати сказать, известны им порой не хуже, чем взрослым спортсменам.

В фигурном катании со стороны себя не видишь. Часто обманываешься, представляешь себя лучше или хуже, чем на самом деле. Судья здесь нужен непрерывно. И таким судьей на первых порах становится тренер. Причем судья это суровый, взыскательный, другого такого требовательного судьи и не сыщешь.

...Первые старты на льду. Первые оценки. И -о ужас! - они не совсем такие, как предполагалось. Как получал на тренировках. Как того заслужил. Гораздо ниже. Причем не у всех судей, а только у некоторых. И в перерыве подъезжает к юному фигуристу словоохотливый приятель и начинает просвещать: «Пойми, чудак, здесь ведь командная борьба, и судьи из разных обществ и разных городов тоже ведут борьбу за результаты - своих обществ, своих городов. Так что не унывай - одни занижают, другие повышают. А дома с тренером разберешься что к чему!»

Домашний анализ ситуацию не облегчает. Ибо так и не узнаешь, за что тебе снизили оценку. И к замечаниям тренера - хочешь того или не хочешь - начинаешь прислушиваться по-особому. Тем более если некоторые судейские оценки вдруг оказались даже выше, чем ожидалось. Словом, соревнования для начала внесли некоторый разлад в хорошо отрегулированную систему тренер - ученик.

Конечно, читатели уже поняли, что автор берет крайность. И крайности случаются не так уж часто. Однако встречаются, и мы должны исследовать отклонения от нормы, дабы их этих крайне нежелательных отклонений было как можно меньше.

Николай Александрович Панин всегда интересовался проблемами судейства. Каждый новый старт, каждое выступление - его личное и учеников - давали пищу для размышлений, для анализа.

Идеальным судьей Панин считал своего первого учителя Алексея Павловича Лебедева, человека независимого и безукоризненно объективного. После соревнований Алексей Павлович подходил к своим - и не только к своим - ученикам и неизменно говорил, что он готов объяснить каждую свою оценку.

Лебедев сам был большим спортсменом, знатоком всех нюансов фигурного катания. Молодые фигуристы это знали и верили его замечаниям, его оценкам.

Именно Лебедев ввел в Юсуповом саду одно принципиально важное для воспитания, с его точки зрения, настоящих спортсменов правило: каждый фигурист, едва начав выступать в соревнованиях, обязан быть готовым и к участию в работе судейских бригад. И сам Панин после первой в жизни победы на льду в 1897 году, став тренером-общественником, начал участвовать в судействе состязаний. Конечно, как новичок, он выставлял оценки только при соревнованиях самых юных.

Горечь, которая иной раз сквозит в воспоминаниях Панина, в его учебниках, когда речь идет о работе судейского аппарата, легкообъяснима. О некоторых случаях, когда судьи допускали явную несправедливость по отношению к русскому чемпиону, уже рассказывалось ранее. Но ведь они были далеко не единичными. Пытливый взгляд Панина фиксировал несправедливость, проявленную не только к нему. Попутно он отыскивал корни, этимологию явления. И нам, естественно, есть смысл вернуться к некоторым - весьма многозначительным - фактам его биографии. А ей ведь было намного больше, чем полстолетия.

Первый раз Панин стал чемпионом России в 1901 году. Странное это было соревнование - с самим собой. Больше участников не было. Впрочем, Александр Никитич Паншин, который до этого не раз выигрывал звание чемпиона, тоже, бывало, выступал в одиночку, поскольку никто из соперников не решался выйти на лед вместе с ним.

Один на один со льдом. Один перед судьями. Это и легко, и трудно. Одному всегда трудно, даже если знаешь, что соперников у тебя нет. Судьи фокусируют свое внимание только на тебе, и кажется, что от их взглядов лед начинает даже чуть-чуть колебаться... Словом, хотя судьями были люди, к доброжелательным советам которых Панин привык за многие годы, он все равно испытывал тревогу и даже некоторую предстартовую лихорадку: ведь стать чемпионом он мог, только набрав как минимум две трети от максимально возможной суммы баллов.

Норму он значительно перевыполнил. Но, пожалуй, даже не это и не золотая медаль обрадовали его. Слова Лебедева после финиша были самой лучшей наградой:

- Вы на правильном пути, дорогой Николай Александрович. Я в этом убеждался не раз. Но то - на тренировках. А на соревнованиях все меняется, все видится в ином свете. Как судья я был придирчив,

можете мне поверить. Я ни разу не поставил вам максимальную оценку - вам еще много надо работать над пластикой, над легкостью движений. Но вы идете к этому. И если проявите такую же настойчивость, как до сих пор, быть вам победителем и на крупных международных турнирах...

Такая же ситуация была и на чемпионате России 1902 года. Вновь Панин был одним перед судьями: два конкурента в последнюю минуту на старт не вышли. И вновь набрано больше необходимых двух третей баллов, и вновь откровенная беседа с судьями, с тем же Лебедевым.

- Вы сделали еще один шаг вперед. Поиски в области пластики принесут свои плоды. Но полной естественности, раскованности еще нет. Здесь для вас работы еще очень много...

Такие беседы с судьями после соревнований, да еще с судьями, превосходно знающими все детали техники, доброжелательными, абсолютно беспристрастными, давали такой заряд энергии, что хотелось тотчас же начать новую тренировку, отправляться на поиск и отработку новых эффектных элементов и фигур. Панин был благодарен им. «Как замечательно, когда имеешь таких ценителей, таких тонко понимающих спортсмена людей, - думал он не раз. - Что может быть лучше такого контакта! Пусть же продлится он как можно дольше...»

1903 год. Чемпионат мира по фигурному катанию разыгрывается в Петербурге. Фаворитом считается - и по справедливости - швед Ульрих Сальков. Трехкратный чемпион России Панин пока конкурировать с ним не может, но это вовсе не значит, что русский чемпион лишен критических и аналитических способностей и воспринимает катание шведа как абсолютно идеальное. Панин изучает каждый след, каждую фигуру Салькова, он исследует инженерные конструкции высоких прыжков лидера и приходит к выводу, что практически все они доступны и ему, и его ученикам,

но коррективы вносить необходимо: шведу не хватает пластичности, мягкости, музыкальности. Конечно, он выгодно использует свой стиль катания, но это вовсе не значит, что уже сейчас с ним нельзя потягаться в отдельных фигурах.

Но судья - подавляющее большинство - как замороженные следят за Сальковым и не замечают ни его ошибок, ни просчетов. Панин начинает понимать, что на международных соревнованиях, да еще таких престижных, как чемпионат мира, сталкиваться ему придется не только с явными соперниками. И борьба каждый раз будет нешуточная, потому что неизвестно, с какой стороны можно ожидать удара.

Панин фиксирует судейские ошибки, недопустимые даже для новичка. Вот краткая запись об одном из «происшествий» на чемпионате:

«Не меньший интерес, чем первенство мира, возбуждало парное катание. Международный союз конькобежцев тогда еще не установил ежегодного первенства мира по данному разделу, но это соревнование по своему значению равнялось ему. Общий интерес вызывало соревнование венских пар Шабо - Эйлер и Богач с братом. Разница между обеими парами была так ничтожна, что отметки четырех судей разбились поровну, а пятый - Вехтер из Выборга - сделал ошибку: поставил той и другой паре одинаковые баллы, но дал паре «Венского тренинг-клуба» первое место, а паре «Венского общества конькобежцев» - второе; таким образом, пара Шабо - Эйлер оказалась победительницей.

Но Богачи подали протест: при равных баллах нельзя было давать разные места; они потребовали отмены решения судейской коллегии и признания равенства обеих пар. Публика разделилась на два лагеря, разгорелись споры, все были чрезвычайно взволнованы, и больше всех бедный судья. Он хотел исправить свою ошибку и поставить обеим парам по «полуторному месту», как и полагается в

случаях равенства баллов. Но тогда протестовали Шабо - Эйлер: судья не имеет права изменять своих отметок после соревнований. Было много шума, полемика перешла на страницы газет и журналов, но пара «Венского тренинг-клуба» все же осталась на первом месте...»

А Панину досталась в сложной борьбе серебряная награда. Перед ним был один Сальков. И все-таки Николай Александрович был глубоко неудовлетворен. Нет, не местом, а тем, что хотя и остались позади такие знаменитости, как Фукс и Богач, но столько еще ресурсов не использовано, столько «козырей» техники и пластики остались «лежать в колоде».

И еще не раз думал он о судейских ошибках, конечно, по теории вероятности, они были, есть и будут. Но отчего при этом должны страдать спортсмены? Пусть казнят себя арбитры за промах, пусть осуждают их пресса, коллеги и зрители, но оценка поставлена, джин вылетел из бутылки... А по-настоящему обиженными остаются спортсмены, долгие месяцы готовившиеся и по вине человека, который не смог или не захотел стать «зеркалом истины», не поднявшиеся на достойное их место.

Пожалуй, именно в эти дни Панин впервые более или менее четко формулирует и записывает в свою книжечку один из главных постулатов судейской деятельности, которого впоследствии неуклонно придерживался всю жизнь. Он несколько раз подчеркивает, что судья должен уметь распознать и оценить трудность и смысл самых быстрых произвольных комбинаций и фигур, учесть их относительное количество в программе каждого участника, не принимая во внимание неудавшиеся, и в то же время правильно оценить достоинства и недостатки исполнения. Сегодня все эти выводы кажутся настолько очевидными, настолько азбучными, что о них не напоминают даже начинающим судьям. А ведь в те годы, когда Панин впервые сформулировал их, никто даже и не думал о том, что судейская работа на соревнованиях -

важнейшая движущая сила в спорте. Таким образом, Панин - первопроходец, пионер почти во всем, что превращает фигурное катание из легкого и приятного развлечения в массовый и сложный вид спорта.

В других главах автору не раз приходилось писать о тех несправедливостях, с которыми встречался на своем спортивном веку Николай Александрович. После одного такого состязания - в 1908 году, на чемпионате Европы, в Варшаве, где судьи проявили верх необъективности, отведя ему второе место вслед за «второразрядником» Эрнстом Герцом из Вены, - Панин даже сгоряча решил прекратить всякие выступления.

Во всей той истории самым обидным для Николая Александровича в итоге оказалось то, что он был брошен на произвол судьбы руководителями отечественного фигурного катания. Конечно, будь с ним хотя бы один из известных русских фигуристов прошлого, скажем тот же В. Срезневский, с мнением которого неизменно считались руководители Международного союза конькобежцев, выйди они в составе судейской бригады на лед, и никто не осмелился так беспардонно оскорблять честь русского спортивного флага. Панин протестует. Он заявляет, что при таком отношении руководителей «Общества любителей бега на коньках» к международному престижу русского фигурного катания ему нет больше смысла выходить на лед. И если он все-таки меняет свое решение, то только потому, что та же честь русского спортивного флага позвала его в бой: близилась Олимпийские игры, близилась главные старты всего спортивного мира.

Панин – и в этом его величие - понимает, что спортивный судья должен быть первым помощником тренера, спортсмена. Ведь в руках судьи судьба спортсмена! Не имеет значения, какого ранга идут соревнования. Каждый, кто выходит на лед, должен верить в справедливость, беспристрастность и неподкупность судьи. Это главное.

И Панин учится быть судьей.

За несколько недель до очередного чемпионата Европы- речь идет о чемпионате 1911 года, - который поручили провести в Петербурге на льду Юсупова сада «Обществу любителей бега на коньках», Международный союз конькобежцев сделал Панину официальное предложение выступить на состязаниях в качестве судьи. Николай Александрович ответил не сразу. Конечно, ему хотелось вновь выйти на лед на таких крупных состязаниях - пусть и в новой роли. И все-таки после долгих размышлений он отказался. «Спасибо за столь лестное предложение. В принципе, конечно, я готов рассудить участников турнира и поставить им оценки, которые они, с моей точки зрения, заслужили. И все-таки есть у меня сомнения личного характера. Они связаны с сугубо нравственными категориями, которые для судьи имеют первостепенное значение. Не знаю, смогу ли я совладать до конца со своими симпатиями и антипатиями - а они у меня, как и у любого спортсмена и вообще человека, есть. Мне еще нужно многому учиться. И я учусь, а когда почувствую в себе силы, необходимые для утверждения и в этом деле, тогда и соглашусь. Пока же буду наблюдать, буду фиксировать события и факты, буду исследовать и препарировать чемпионат - как тренер и как будущий арбитр...»

Панин был самым целеустремленным наблюдателем на чемпионате. Он добился даже права время от времени выходить на лед, чтобы получше разглядеть следы, оставленные во время выполнения обязательных фигур участниками. Он сравнивал свои личные оценки с оценками судей. Он проверял себя. И, в конце концов, маленькая запись: «Для каждого непредубежденного и мало-мальски знакомого с фигурным катанием человека, даже при поверхностном знакомстве с оценками судей, становится явной пристрастность большинства из них. У каждого судьи, кроме А. П. Лебедева, на первом месте - «свой». Они топили лучшего - П. Турэна из Стокгольма, и если бы не честность Лебедева, который

правильно поставил Турэна на первое место, то результат был бы несправедливым и Турэн не получил бы звания чемпиона Европы...»

Для того чтобы читатель понял до конца, что происходило в те дни на льду Юсупова сада, скажу, что второе место и серебряную медаль завоевал ученик Николая Александровича Панина Карл Олло. Тот самый Олечка, как его ласково называл Панин, который начал тренироваться под его руководством еще десять лет назад. Панин смог так подготовить - и за сравнительно короткий срок - своего ученика, что он стал вровень с лучшими фигуристами мира. Дома, на родном льду, Карл Олло мог бы стать победителем. Если бы, конечно, не выступал более сильный фигурист - швед Пэр Турэн. Но Панин и Лебедев не могли изменить своим нравственным принципам и тогда, когда достаточно было бы малейшего, может быть даже совершенно незаметного со стороны, усилия, чтобы склонить чашу весов на сторону Карла Олло. Проиграли, чтобы победить! Чтобы побеждать всю жизнь!

Об этом чемпионате Панин не раз вспоминал три года спустя, когда он наконец согласился стать арбитром мирового первенства в Стокгольме. Главным судьей тогда был тоже русский фигурист - В. Срезневский. Участниками состязаний были два русских фигуриста - ученики Панина Сергей Ван-дер-Флит и Иван Малинин.

Состязания дали массу пищи для размышлений. И после чемпионата Панин говорил: «С тайными записями оценок надо покончить раз и навсегда. Спортсмены, другие судьи, все зрители должны видеть, как ты оцениваешь мастерство спортсмена. Никакой тайной дипломатии. Все - честно. Все - открыто. Все-ответственно законам нашего спорта!»

Долго, очень долго пришлось ждать Николаю Александровичу, пока международные правила провозгласили принципы открытого судейства. Случилось это спустя много лет после революции. И

после этого правила продолжали шлифоваться очень долго, пока лишь в конце пятидесятих годов нынешнего столетия не была введена нынешняя открытая система. И она, конечно, еще не так совершенна, как этого хотелось, как требует абсолютная беспристрастность и объективность. Впрочем, вполне возможно, что полной объективности в фигурном катании вообще не будет никогда, потому что по восприятию, по эмоциям более субъективного вида спорта нет. И, возможно, не будет.

А тогда на чемпионате мира победил не Фриц Кахлер из Вены, как того ожидали все, поскольку именно он был сильнейшим и в обязательной, и в произвольной программах, не Ернст Онахер или Вилли Бёкль, его соотечественники, тоже катавшие уверенно и интересно, а швед Гёст Сандаль. Этот фигурист не блеснул ничем в «школе» - линии были «размытыми», пластика - угловатой, да и в произвольном катании у него не было, как говорится, своего лица. И все-таки он стал чемпионом. Вошел в историю фигурного катания.

Почему же так случилось? Кто виновник этой сенсации? Все, оказывается, просто: в составе судейской бригады один швед из Стокгольма, второй швед - из Хельсинки и третий швед - из Петербурга. И еще английский судья, который в те годы неизменно шел в русле шведской спортивной политики. Вот и есть большинство в состоящей из семи судей бригаде. Вот и можно свои делишки вершить под покровом таинственной судейской мантии. И даже главный арбитр не может помешать закулисной сделке.

В Стокгольме Панин ясно понял, что спорт, как и жизнь, есть борьба. Борьба добра и зла. И нельзя молчаливо пядь за пядью уступать ноле боя своему противнику, если ты искренне любишь и уважаешь свой вид спорта. Если желаешь ему добра и прогресса.

И уже когда клонила жизнь его к закату, когда стал он совсем немолодым человеком, однако еще занимался и тренерским делом и судейским, - по-прежнему неустанно проповедовал свои принципы:

«Вы, мой молодой друг, хотя и катаетесь превосходно и первый кандидат в чемпионы, но тренером стать вам будет очень трудно. Судьей - тем более. Почему я так категорически это заявляю? Да хотя бы потому, что не хотите учиться властвовать собой. Сколько ни обсуждаем мы эту проблему, как я ни объясняю, что нервные кризы на катке - да и в жизни вообще - приносят вам только вред, что у вас это не следствие какого-то заболевания, а чистейшая распушенность, нежелание держать себя в руках, - все остается, как и было. Вот и сегодня, почему стали цепляться к своему маленькому коллеге на льду? Он ведь достаточно дисциплинирован и ни разу вам не помешал. Мальчишка следит за вашими движениями как замороженный. Он влюблен в вас как в спортсмена. А вы распускаетесь, вы грубите, вы придумываете несуществующие препятствия и в конечном счете обрушиваетесь с бранью на мальчишку. Нашли выход нервной энергии. Впредь вы должны знать, что немедленно покинете площадку, если такой срыв повторится. И пока можете даже не думать о своей будущей карьере в качестве тренера или судьи. Как бы хорошо вы сами ни катались! Как бы хорошо вы ни прыгали!..»

Спортсмен, с которым Панин вел беседы такого характера, все-таки стал потом тренером. И тренером неплохим, хотя мог бы стать великим. Технике своих учеников он учил отменно, но были моменты, которые перечеркивали все его усилия. И, несомненно, не раз вспоминались ему слова Николая Александровича:

«Будьте добрее, молодой человек. В особенности с детьми. Вы им тренер и вы им первый судья. А при судействе детей оценки вообще должны быть более снисходительными по сравнению с оценками взрослых. Не надо пугать детишек сверхсуровостью и резкостью. Лучше их поощрять даже за маленькие достижения.

Глядишь, из маленьких достижений получите большие. И побольше объективности. Любимчики не нужны. От них один только вред. Вы любите атлетический стиль, он вам подходит, это ваша стихия. А что бы вы сказали, если бы я вам сообщил, что такой стиль не по мне? Что я за тонкую пластику, за музыкальность - ведь не случайно раньше фигурное катание называли искусством. Вы когда-нибудь почувствовали, что ваш стиль мне не импонирует? Что манеры ваших соперников мне гораздо больше по душе? Что им протежирую, а вас, как может показаться воспаленному воображению, даже затираю? Значит, разницы в отношении не чувствуете. Но тогда почему же вы позволяете себе такой дурной тон при оценках некоторых ваших товарищей? Они имеют такое же право на самовыражение, как и вы. У них другой талант, другой характер, и вам незачем быть похожими друг на друга. Запомните это навсегда...»

И не вина, а беда человека, если такие уроки не идут ему на пользу.

Но подавляющее большинство учеников впитывали то, что без устали проповедовал Панин. Именно это и позволило ему создать уникальную по тем временам группу фигуристов в Ленинграде, создать и отстоять те основы ленинградского, а затем и советского стиля фигурного катания, который спустя много лет принес замечательные результаты на большой международной арене.

И когда разговариваешь с людьми, с которыми в те годы был близок Н. А. Панин, а среди них такие великолепные фигуристы, как чемпионы страны П. Чернышев, П. Орлов, Р. и А. Гандельсман, все они единодушны в одном: Николай Александрович был самым объективным, самым беспристрастным человеком в мире. Идеальным судьей. Ему можно было верить всегда и во всем.

О таком судье своих поступков, наверное, мог бы мечтать я каждый из нас!

Вместо эпилога

*Как мы людям необходимы!
Как мы каждой душе близки!
Мы с рождения непобедимы,
Мы - советские старики!*

Михаил Светлов

И даже когда Николаю Александровичу пошел девятый десяток, он оставался непобедимым. Оставался нужным людям, своим ученикам, ученикам своих учеников. Он необходим нам и сегодня!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ПАНИНА-КОЛОМЕНКИНА (1872-1956)

1885 - переезд из Воронежа в Петербург.

1893 - окончание гимназии и поступление на отделение естественных наук физико-математического отделения Петербургского университета.

1897 - победа в междугородных соревнованиях фигуристов. Начало работы с молодыми спортсменами.

1899 - окончание университета и начало работы в финансовом ведомстве департамента окладных сборов.

1898-1900 - чемпионат Петербургского кружка любителей спорта по фигурному катанию.

1901 - первая победа на чемпионате России по фигурному катанию. Участие в крупных международных соревнованиях в Петербурге (третье место).

Чайковский А. М.

Волшебная восьмерка Документальная повесть о Н.А.Панине-Коломенкине

1903 - второе место на чемпионате мира по фигурному катанию в Петербурге.

1904 - третье место на чемпионате Европы по фигурному катанию в Давосе.

1907 - последнее выступление на чемпионате России по фигурному катанию - пятая высшая награда.

1906-1917 - многократный чемпион и рекордсмен России по стрельбе из пистолета и револьвера.

1908 - второе место на чемпионате Европы по фигурному катанию и золотая олимпийская медаль за выполнение специальных фигур на IV Олимпиаде в Лондоне.

1909 - выход в свет учебника по фигурному катанию, неоднократно перерабатывавшегося и дополнявшегося впоследствии и выдержавшего несколько переизданий в послереволюционные годы.

1912 - серебряная медаль в командной стрельбе из пистолета на V Олимпиаде в Стокгольме.

1914 - участие в первенстве мира по фигурному катанию в качестве судьи.

1928 - I приз в стрельбе из пистолета на I Всесоюзной спартакиаде в Москве.

1940 - присвоение звания заслуженного мастера спорта СССР.

SKATING.—PANIN (RUSSIA).

SKATING.—U. SALCHOW (SWEDEN).

SKATING.—HERR BURGER AND FRAULEIN HÜBLER (GERMANY).

SKATING.—MR. AND MRS. SYERS (U.K.).

Рис.1 Фотографии победителей и участников Олимпийских состязаний по фигурному катанию. Лондон, 1908 г.

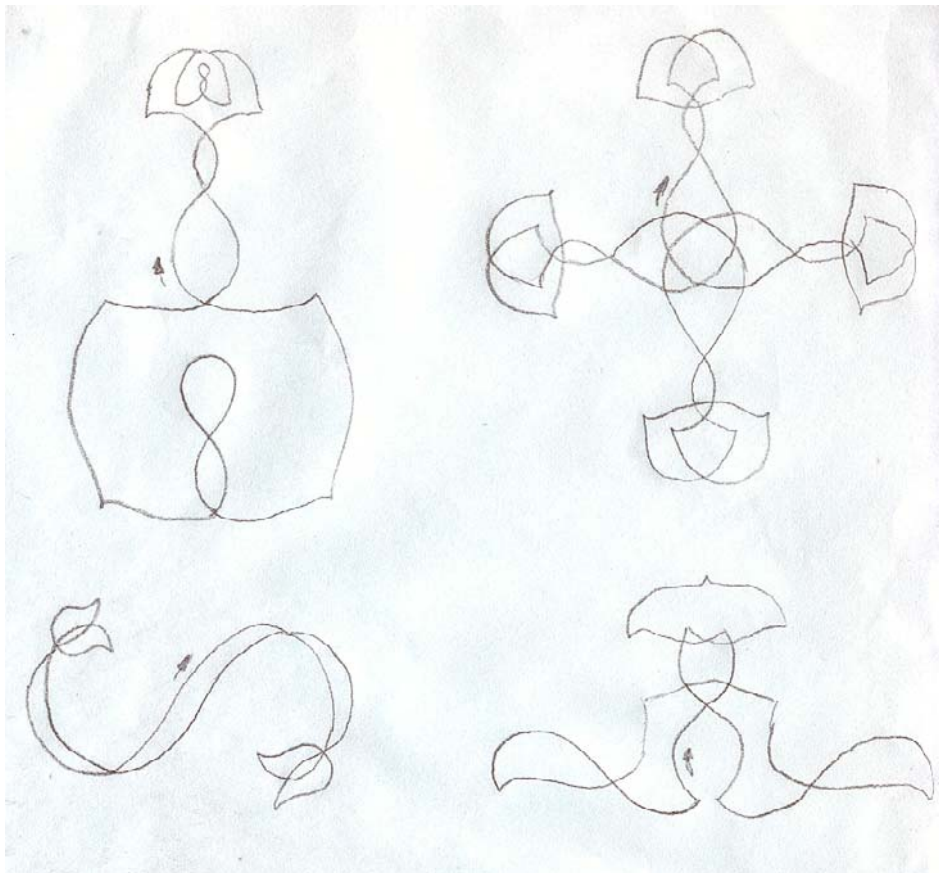

Рис.2 Специальные фигуры, исполненные Н.А.Паниным-Коломенкиным на Олимпиаде в Лондоне 1908 г.